95.65.9 (2Р...)
Р-32

ISSN (Print) 1812-7096
ISSN (Online) 2411-0914

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Дагестанский научный центр
Институт социально-
экономических исследований

№ 9 (143), 2022
Подписано в печать 11.11.2022 г.
Сдано в печать 14.11.2022 г.

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Выходит с 2004 года
Издается по решению Ученого Совета Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН
Периодичность – ежемесячный. Свободная цена
Учредитель: Ассоциация содействия экспертной деятельности в области регионального развития "Региональные проблемы преобразования экономики"

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Роскомнадзор). ПИ №ФС77-58168 от 29 мая 2014 года

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН, Россия — **Дохолян С.В.**

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН — **Макаров В.Л.**

доктор экономических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН — **Бахтизин А.Р.**

иностранный член РАН, д.т.н., профессор — **Акаев А.А.**

директор Института проблем рынка РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН — **Цветков В.А.**

заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, академик РАЕН — **Клейнер Г.Б.**

руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН — **Рязанцев С.В.**

Первый заместитель Председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Федерального Собрания Российской Федерации, к.ф.н. — **Умаханов И.М-С.**

Начальник Отдела общественных наук РАН – заместитель академика-секретаря ООН РАН по научно-организационной работе, д.э.н., профессор — **Аносова Л.А.**

доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института социально-экономических проблем народонаселения» Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Россия — **Локосов В.В.**

директор Института информатики и проблем регионального управления КБНЦ РАН, д.т.н., профессор — **Иванов П.М.**

генеральный директор Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ), заведующий кафедрой «Прикладная политология», руководитель департамента "Политологии и массовых коммуникаций" Финансового университета при Правительстве РФ, к.полит.н. — **Симонов К.В.**

декан факультета прикладных коммуникаций, заведующий кафедрой «Менеджмент массовых коммуникаций» ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», д.полит.н., д.э.н., профессор — **Большаков С.Н.**

проректор по экономике и финансам, заведующий кафедрой «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор — **Гаджиев Н.Г.**

заведующая кафедрой «Национальная и региональная экономика», проректор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», д.э.н., профессор — **Магомедова М.М.**

заместитель директора по науке и инновациям Северо-Кавказского института – филиала ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», д.э.н., профессор — **Киселева Н.Н.**

профессор кафедры «Финансы и страхование» ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный университет», д.э.н., профессор — **Алклычев А.М.**

профессор кафедры «Бухгалтерский учет и налогообложение» ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», д.э.н., профессор — **Дзагоева М.Р.**

главный научный сотрудник Центра международных финансов ФГБУ Научно-исследовательский финансовый институт (НИФИ) Минфина России, д.э.н., профессор — **Кабир Л.С.**

д.э.н., профессор, профессор кафедры "Финансы и кредит" ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» — **Сомоев Р.Г.**

профессор, д.геогр.н, Институт Восточных языков и Цивилизации, Франция, г. Париж — **Жан Радвани**

д.ю.н., профессор Юридического факультета Токийского университета, г. Токио — **Кимитака Матсузато**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Дохолян С.В.*** *(главный редактор)*
к.э.н., заместитель директора по научной работе Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гимбатов Ш.М.*** *(зам. главного редактора)*
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Ахмедуев А.Ш.***
д.э.н., профессор, руководитель Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Кутаев Ш.К.***
д.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гасанов М.А.***
к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Гичиев Н.С.***
д.э.н., профессор, ученый секретарь Института информатики и проблем регионального управления, начальник управления делами КБНЦ РАН	***Мамбетова Ф.А.***
д.э.н., профессор, заведующая кафедрой «Мировая экономика», ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный технический университет»	***Эсетова А.М.***
к.ф.н., доцент, заведующий отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН	***Абдулагатов З.М.***
к.э.н., заведующий отделом социально-экономической политики региона Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Багомедов М.А.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры Международного предпринимательства ФГАО ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»	***Бердина М.Ю.***
к.э.н., Ученый секретарь Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Деневизюк Д.А.***
к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией «Проблем развития мирохозяйственных связей российского экономического пространства» Института проблем рынка РАН	***Зоидов К.Х.***
к.э.н., доцент, доцент базовой кафедры ТПП РФ «Развитие человеческого капитала» ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Москва, Россия	***Карпенко Е.З.***
к.э.н., ведущий научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Курбанов К.К.***
к.э.н., магистр экономики (США), научный сотрудник Института экономики им. М.Котаняна НАН Республики Армения	***Макарян А.Р.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Налоги, денежное обращение и кредит» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»	***Мусаева Х.М.***
к.э.н., доцент заместитель руководителя департамента "Политологии и массовых коммуникаций" Финансового университета при Правительстве РФ	***Петросянц Д.В.***
к.э.н., доцент, доцент кафедры «Аудит и экономический анализ» ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»	***Султанов Г.С.***
к.э.н., заведующий лабораторией пространственного развития Института проблем рынка РАН	***Чернышов М.М.***
научный сотрудник Института социально-экономических исследований ДФИЦ РАН	***Османова А.М.*** *(ответственный секретарь)*
тех. редактор	***Гитиномагомедова П.А.***
составитель (дизайн-верстка)	***Джамилов А.М.***

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Материалы журнала отражают точку зрения авторов и не являются официальной позицией Института.

При использовании материалов ссылка на журнал обязательна

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»

Адрес редакции, издателя: 367030, г. Махачкала, ул. М.Ярагского, 75, 8 эт., к. 802
Наш сайт в Интернете: www.rppe.ru
e-mail: rppe@mail.ru
Тел.: 8-928-800-222-0

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Меджидов З.У. Теоретико-концептуальный подход регулирования отношений государства и бизнеса: госзаказ, госзакупка и государственно-частное партнерство 5
Гичиев Н.С. Гистерезис экономического роста: теоретико-методологические основы исследования (обзор литературы) 13

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами
АПК и сельское хозяйство
Сухочева Н.А., Грудкина Т.И. Эффективность производства масличных культур с учетом применения программы Wialon 20

Региональная экономика
Дохолян С.В. Механизм устойчивого социально-экономического развития проблемных регионов 27
Деневизюк Д.А. Комплексный подход к оценке социально-экономического развития города 36
Арсланов Ш.Д. Современные вызовы и альтернативные возможности инвестиционного развития регионов 49
Новикова И.И., Коптев К.С. Пространственный потенциал в развитии сельских территорий 56

Экономика народонаселения и демография
Абдулманапов П.Г. Социально-демографические аспекты самосохранительного поведения женщин Республики Дагестан 65
Гаврилова З.В., Чумарина Е.А. Оценка сельской занятости в муниципальных районах Липецкой области 72
Гневашева В.А. Цифровые платформы занятости 81

Экономика предпринимательства
Тахиров Р.А., Личман Е.А. Повышение эффективности проведения таможенного контроля после выпуска товаров 87

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

Medzhidov Z.U. Theoretical and conceptual approach to regulating relations between the state and business: public procurement, public procurement and public-private partnership 5
Gichiev N.S. Hysteresis of economic growth: theoretical and methodological foundations of research (literature review) 13

Economics, organization and management of enterprises, industries, complexes

Agro-industrial complex and agriculture

Sukhocheva N.A., Grudkina T.I. Efficiency of oilseed production taking into account the application of the program Wialon 20

Regional economy

Dokholyan S.V. Mechanism of sustainable socio-economic development of problem regions 27
Denevizyuk D.A. An integrated approach to assessing the socio-economic development of the city 36
Arslanov Sh.D. Modern challenges and alternative opportunities for investment development of regions 49
Novikova I.I., Koptev K.S. Spatial potential in rural development 56

Population economics and demography

Abdulmanapov P.G. Socio-demographic aspects of self-preservation behavior of women of the Republic of Dagestan 65
Gavrilova Z.V., Chumarina E.A. Assessment of rural employment in municipal areas Lipetsk region 72
Gnevasheva V.A. Digital employment platforms 81

The economics of entrepreneurship

Takhirov R.A., Lichman E.A. Improving the efficiency of customs control after the release of goods 87

УДК 331.56

МЕДЖИДОВ ЗАУР УРУДЖАЛИЕВИЧ
к.э.н., научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН»,
e-mail:zaur-medzhidov@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-5-12

ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ГОСЗАКАЗ, ГОСЗАКУПКА И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

Аннотация. *Сложившийся в западных странах механизм партнерских отношений государства с частным бизнесом при реализации общественно значимых инвестиционных проектов представляет новую ступень государственного регулирования экономики, основанную на либеральных концепциях развития. Использование инвестиционного механизма в рамках таких систем в российских условиях возможно, особенно в тех сферах и направлениях деятельности, в которых частные инвестиции способны обеспечить устойчивый вектор равновесного роста экономической системы, оставляя за государством контрольные функции.* ***Цель исследования.*** *Исследовать теоретико-концептуальные подходы регулирования отношений государства и бизнеса на примере госзаказа, госзакупки и государственно-частного партнерства и в условиях современных вызовов.* ***Методология исследования*** *базировалась на изучении международного опыта отдельных стран вкупе с отечественной практикой в сфере систем регулирования отношений между государством и бизнесом на примере госзаказа и государственно-частного партнерства. В ходе работы над статьей использовались как теоретические (анализ, синтез, аналогия, обобщение), так и практические (сравнение, описание) методы исследования.* ***Результаты.*** *На основе проведенного анализа выявлено, что именно государственно-частное партнерство является более предпочтительной формой взаимодействия государства и бизнеса, чем госзаказ и госзакупка, в современных условиях, как в отечественной практике, так и за рубежом.* ***Выводы.*** *Сегодня просматривается такая тенденция, когда экономическое положение субъектов Российской Федерации требует использования различных инструментов для оценки их экономического потенциала, состояния социально-экономического развития, финансового баланса и условий конкуренции на внутреннем и мировом рынках. Такие инструменты важны для активной федеральной политики, направленной на выравнивание межрегионального неравенства и обеспечение экономической целостности страны.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, госзаказ, госзакупка, инвестиции, инфраструктура, инфраструктурные проекты, регулирование отношений.*

MEDZHIDOV ZAUR URUDZHALIEVICH
Ph.D. in Economics, Researcher of the Department of Socio-Economic Policy of the region, FSBI "Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences",
e-mail: zaur-medzhidov@mail.ru

THEORETICAL AND CONCEPTUAL APPROACH OF REGULATION STATE AND BUSINESS RELATIONS: STATE ORDER, PUBLIC PROCUREMENT AND PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Abstract. *The mechanism of partnership between the state and private business in the implementation of socially significant investment projects that has developed in Western countries represents a new stage of state regulation of the economy based on liberal development concepts. The use of an investment mechanism within the framework of such systems in Russian conditions is possible, especially in those areas and areas of activity in which private investment is able to provide a stable vector of equilibrium growth of the economic system, leaving control functions to the state.* ***The purpose of the study.*** *To investigate theoretical and conceptual approaches to regulating relations between the state and business on the example of public procurement, public procurement and public-private partnership and in the context of modern challenges.* ***The methodology*** *of the study was based on the study of the international experience of individual countries, coupled with domestic practice in the field of regulatory systems of relations between the state and business on the example of public procurement and public-private partnership. During the work on the article, both theoretical (analysis, synthesis, analogy, generalization) and practical (comparison, description) research methods were used.* ***Results.*** *Based on the analysis, it was revealed that it is public-private partnership that is a more preferable form of interaction between the state and business than public procurement and public procurement in modern conditions, both in domestic practice and abroad.* ***Conclusions.*** *Today, there is a trend when the economic situation of the subjects of the Russian Federation requires the use of various tools to assess their economic potential, the state of socio-economic development, financial balance and conditions of competition in the domestic and global markets. Such instruments are important for an active federal policy aimed at leveling interregional inequality and ensuring the economic integrity of the country.*
Keywords: *public-private partnership, public procurement, public procurement, investments, infrastructure, infrastructure projects, regulation of relations.*

Введение. В условиях ограниченности финансовых возможностей государства и беспрецедентного воздействия эндогенных и экзогенных факторов на социально-экономическую политику страны актуальной стоит задача по активизации и расширению направлений применения действенных механизмов взаимодействия государственных ресурсов и частного капитала. Решением этой задачи является наличие дееспособной нормативно-правовой базы, а также практика реализации проектов с использованием таких механизмов.

Предметом настоящего исследования выступают институты государственно-частного партнерства (ГЧП), государственного заказа и государственных закупок. Авторский выбор указанных механизмов обусловлен насыщенной практикой их реализации, а также относительно устоявшейся нормативно-правовой базой.

Цель статьи. Исследовать теоретико-концептуальные подходы регулирования отношений государства и бизнеса на примере госзаказа, госзакупок и государственно-частного партнерства и в условиях современных вызовов.

Обзор литературы. Теоретическую основу научного исследования в области регулирования отношений между государством и бизнеса посредством механизма госзаказа нашло отражение в работах отечественных исследователей Смотрицкой И.И. [1], Козловой С.В. [2], Анчишкиной О.В. [3], Изутовой О.В. [4], Балаевой О.Н. [5], а также ученых из КНР [6], Европы [7, 8], США [9].

Вопросами регулирования отношений между государством и бизнесом с использованием механизма государственно-частного партнерства занимались ученые Варнавский В.Г. [10], Белицкая А.В. [11], Зельднер А.Г. [12],Осипов В.С. [13] и др.

Кроме того, вопросами изучения теоретико-концептуальных подходов применительно государственно-частного партнерства занимались ряд иностранных ученых [14–16].

Методы исследования. В ходе работы над статьей использовались как теоретические (анализ, синтез, аналогия, обобщение), так и практические (сравнение, описание) методы исследования.

Результаты

Госзаказ и госзакупки

В рамках исследования целесообразно рассмотреть концептуальные подходы применения государственного заказа и государственных закупок в РФ.

По настоящее время дефиниция «государственный заказ» на законодательном уровне не закреплена. До 2006 г. данный термин был представлен в Бюджетном кодексе РФ (ст. 72), где уточнялось, что госзаказ – это «совокупность заключенных государственных или муниципаль-

ных контрактов на поставку товаров, производство работ, оказание услуг за счет средств соответствующего бюджета». Между тем с внесением изменений в Бюджетный кодекс РФ такая трактовка утратила силу.

Сегодня мы наблюдаем такую ситуацию, когда юридическая трактовка «государственный заказ» больше ориентирована на финансовое обеспечение обороны страны. Так, в ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ о государственном оборонном заказе уточняется, что государственный оборонный заказ это «установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации». Отсюда следует сделать вывод, что государственный оборонный заказ только ориентирован к применению в оборонно-промышленном комплексе страны.

Проанализируем различные теоретико-методологические подходы к значению дефиниций «государственный заказ» и «государственные закупки» на основе юридической и экономической научной литературы.

Экономисты рассматривают государственный заказ с позиции обоснованной потребности государственных органов в поставках товаров, либо выполнении работ, оказании услуг с целью обеспечения общественных нужд и за счет средств государственного бюджета [17]. Юристы, в свою очередь, рассматривают государственный заказ как потребность публично-правового образования в товарах, работах и услугах в целях обеспечения государственных нужд в установленном законом порядке [18].

Отсюда следует выдвинуть гипотезу, что трактовка «государственный заказ» непосредственно связана с категорией «государственные нужды», являясь ключевым признаком госзаказа.

В соответствии со ст. ст. 3 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд под государственной закупкой понимается «совокупность действий, осуществляемых между заказчиком и исполнителем, направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд».

В этой связи мы предполагаем, что, если государственные закупки больше сосредоточены на закупку товаров, выполнение работ, услуг, предназначенных для удовлетворения потребностей государственных органов за счет средств соответствующего бюджета или внебюджетных источников, то госзаказ – это более обособленная финансово-правовая сущность, предметом которой выступают государственные нужды в товарах, работах либо услугах, финансируемые за счет средств налогоплательщиков [19].

Государство, практически во всех странах, является на рынке важнейшим закупщиком продукции (до 50% национального бюджета) [20]. Основной проблемой при реализации принципа открытости и свободы доступа является достаточно сложная, с точки зрения участников-поставщиков, модель контрактной системы, предполагающая доскональное знание всех нюансов нормативно-правовой базы, внесенных изменений и корректировок, положений, утративших свою актуальность, и т.д.

В международной практике реализация механизмов госзаказов и госзакупок наиболее активно применяется в США, где бывают открытые и закрытые одно- и двухэтапные тендеры, запросы котировок и закупки из одних рук, которые хорошо известны нам из отечественной практики государственных закупок. Документы по государственным заказам готовятся каждым госзаказчиком в Соединенных Штатах Америки. Предварительный прогноз закупок и сопровождение документаций по государственной закупке (индивидуально) составляет US FCS (Financial Communications Society) [21].

В России с 1 июля 2018 г. проведение госзакупок в электронной форме было правом заказчика, а с 1 января 2019 г. это стало обязательным. Закупки проводятся в электронном виде в следующих основных формах: «аукцион – конкурс – запрос котировок запрос предложений». Госзакупки, как правило, проводят на восьми электронных торговых площадках (ЭТП): Сбербанк-АСТ, РТС-тендер, Росэлторг, НЭП, ZakazRF, Lot-online, ТЭК-Торг, ЭТП Газпромбанка.

Помимо прочего, одной из характеристик системы государственного заказа в современной России является высокая степень риска неэффективного распределения и использования значительных объёмов финансовых ресурсов. Несмотря на постоянное совершенствование законодательной базы, направленного на повышение детализации и прозрачности механизма государственных закупок, а также ужесточение контроля их реализации, ежегодно фиксируются нару-

шения в размерах десятков миллиардов рублей.

В этой связи строительство ряд социальных объектов в регионах страны было поручено ФГУП «Главное военно-строительное управление №4» Минобороны России. К примеру, в Республике Дагестан для ускорения ликвидации трехсменного режима обучения в школах, нехватки мест в детских садах, а также в связи с передислокацией Каспийской флотилии в республику силами ФГУП «ГВСУ№4» возводятся 77 социальных объектов, 57 из которых детских сады, 20 общеобразовательные учреждения. На реализацию запланированных мер выделяется 14,8 млрд руб., 25% осваиваются структурами Минобороны России, 75% – региональными субподрядчиками.

Рассмотрим основные показатели в сфере государственных закупок в РФ за 2014–2020 гг. Согласно данным Счетной палаты РФ за 2014 г., общий объем закупок в стране составил 24,1 трлн руб. (5,5 трлн руб. по Федеральному закону № 44-ФЗ, 18,6 трлн руб. по Федеральному закону № 223-ФЗ соответственно), доля общего объема закупок в ВВП составляла 30,5%. Данные за 2020 г. свидетельствуют о росте общего объема закупок до 28,8 трлн руб. (8,9 трлн руб. по Федеральному закону № 44-ФЗ, 19,9 трлн руб. по Федеральному закону № 223-ФЗ), доля общего объема закупок в ВВП составила 27,0%. Вместе с тем пик общего объема закупок был достигнут в 2019 г. (29,4 трлн руб.) [22].

По данным Счетной палаты Российской Федерации, существенное влияние на структуру российской экономики среди государственных и корпоративных закупок оказывают строительная отрасль, финансово-страховая деятельность, значительнее влияние – обрабатывающие производства, электро- и газоснабжение, водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов [22].

Таким образом, системы государственного заказа и государственных закупок больше ориентированы на проекты с краткосрочным соглашением, где каждый этап должен быть заключен отдельным договором. При этом в независимости от того, на каком этапе проект, налоговых льгот для исполнителя не предусмотрено.

Государственно-частное партнерство

Законодательной базой по государственно-частному партнерству в нашей стране выступает Федеральный закон о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 13.07.2015 № 224-ФЗ, где под государственно-частным партнерством подразумевается «юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества».

Проект ГЧП ориентирован на решение задач, находящихся в сфере публичных интересов. Как правило, объекты соглашения здесь могут быть представлены в социальной сфере, транспорте, коммунальной сфере и т.д.). Минимальный срок исполнения соглашения ГЧП/МЧП составляет не менее 3 лет.

Рассмотрим налоговую составляющую реализации ГЧП проектов. Они включают следующие аспекты:

– налогообложение по прибыли у концессионных проектов, идентичное с госзаказом и госзакупками;

– в части налога на имущество объект подлежит налогообложению у собственника. Однако в соответствии с региональными законами имеется возможность применять пониженные ставки по налогу на имущество (в т. ч. с полным освобождением от налога). Аналогичная ситуация наблюдается и с транспортным налогом;

– не облагаются НДС только услуги по предоставлению права проезда по платным автодорогам.

Ниже представлены некоторые показатели рынка ГЧП в России (см. рис.).

Таким образом на 1 января 2022 г. реализуется 3562 проектов с общим объемом инвестиций и объемом частных инвестиций примерно 4 692 млрд руб. и 3 352 млрд руб., соответственно.

Ниже представлены некоторые отличительные особенности соглашения ГЧП от концессионного соглашения:

– в рамках такого соглашения осуществление эксплуатации объекта инфраструктуры может

быть возложено на публичного партнера;

– право собственности на объект соглашения возникает у частного партнера. В отдельных случаях объект ГЧП может перейти в государственную собственность, если затраты публичного партнера больше затрат частного партнера либо после уплаты частному сектору заранее оговоренной остаточной стоимости;

– частной стороной может выступать только юридическое лицо, публичной стороной – Российская Федерация, субъект РФ, муниципальное образование;

– в проектах ГЧП риски для государства выше, чем в концессионных соглашениях.

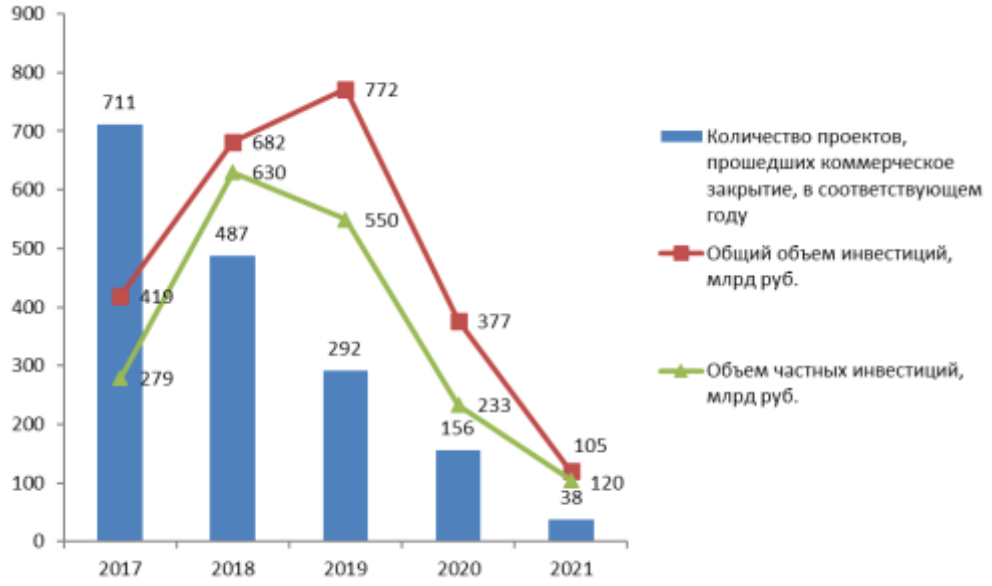

Рис. *Некоторые показатели рынка ГЧП в России*[1] *[9]*

Концептуальные отличия ГЧП от госзаказа и госзакупок состоят в следующих положениях:

– проект госзаказа в обязательном порядке ив полном объеме финансируется государством, в ГЧП проектах обязательно участвуют частные инвестиции, хотя государство может полностью компенсировать затраты;

– в ГЧП проектах нет дополнительной долговой нагрузки на бюджет (или присутствует в меньшем объеме);

– в рамках реализации одного ГЧП-проекта можно объединить сразу несколько этапов работы по проекту (проектирование, строительство, эксплуатация, обслуживание);

– в рамках ГЧП проекта риски, связанные с созданием и эксплуатацией объекта, лежат на частном инвесторе.

В рамках настоящего исследования целесообразно выделить основные концептуальные различия между ГЧП и госзаказом (госзакупкой) (см. табл.).

Выводы. Системы отношений государства и бизнеса в современной России многообразны. В проведенном исследовании мы определили критерии разграничения между государственными закупками, госзаказом и ГЧП.

Определено, что ГЧП более адаптировано под реализацию долгосрочных инфраструктурных проектов, причем в основном крупного масштаба и с большими инвестициями, в то время как госзаказ и госзакупка сосредоточены на краткосрочных проектах и с меньшими вложениями.

При сравнении данных механизмов важным аспектом выступает определение формы собственности на имеющееся либо создаваемое имущество. Если в случае с госзаказом и госзакупкой право собственности всегда остается за государством, то в случае с соглашением ГЧП такое право может наступать как у государства, так и у частного партнера (в зависимости от того, кто больше инвестировал в проект).

[1] Включая проекты, завершенные по окончании срока действия соглашения. Без учета проектов, запущенных в 2021 г. в различных формах квази ГЧП.

Сравнительный анализ систем отношений государства и бизнеса на примере ГЧП и госзаказа*

Критерии оценивания	Государственно-частное партнерство	Госзаказ (госзакупка)
Цель	Привлечь инвестиции в те сферы хозяйствования, где возможности вложения бюджетных средств ограничены	Исполнить заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг за счет бюджетных средств и внебюджетных фондов
Сферы применения	Частные автомобильные дороги, воздушные суда и т.д.	В соответствии с национальными проектами развития России (госпрограммами)
Преимущества Для государства:	Строительство и эксплуатация новой инфраструктуры без финансовых нагрузок на бюджет	Ввод электронных аукционов и создание общероссийского портала – zakupki.gov.ru породило создание конкурентной среды в сфере государственного заказа
Для инвестора:	Получение прибыли при наименьших рисках. Приобретение имиджа государственного партнера в решении острых социально-экономических проблем. Долгосрочный стабильный бизнес. Реализация инновационного потенциала и технологий при господдержке	Открытость для больших и малых компаний в участии на электронной торговой площадке. В тех случаях, где отсутствует риск коммерческого сговора, определение победителя осуществляется на прозрачности процедуры
Недостатки и риски Для государства:	Политические риски (ограничение конвертируемости валюты, банкротство компании-концессионера). Сложности с интеграцией механизмов ГЧП в Национальные проекты (госпрограммы) с учетом правил предоставления межбюджетных трансфертов	Высокий уровень коррупционных рисков способствует выполнению низкого качества товаров, работ, услуг. Низкая эффективность использования бюджетных средств. Угроза невыполнения национальных проектов (госпрограмм)
Для инвестора	Коррупционный фактор Государство не всегда обеспечивает выполнение обязательств в полном объеме	При неисполнении заказа поставщик попадает в реестр недобросовестных исполнителей, и в последующих конкурсных процедурах этот претендент уже не рассматривается. Вероятность технических сбоев при работе электронной торговой площадки

* *Составлено автором.*

Одним из принципиальных отличий института ГЧП от госзаказа является то, что ГЧП – это более гибкая форма взаимодействия государства и бизнеса, которая предполагает соблюдение баланса между государственными и частными интересами в реализации проекта, где все участники равны. Помимо прочего, государственно-частное партнерство более активно используется в привлечении частных инвестиций, нивелируя нагрузку на бюджеты всех уровней в стране.

Действительно, сегодня мы наблюдаем такую ситуацию, когда наша страна испытывает дефицит инвестиций в инфраструктурные объекты. Минимальная дополнительная потребность российской инфраструктуры в 2019 г. составляла 2,6 трлн руб. (или 2,4% ВВП). Тем временем различные аналитические агентства предполагают, что в ближайшие годы этот показатель будет только расти и к 2024 г., вероятно, достигнет 4,8 трлн руб. [23]. Аналогичного мнения придерживается и Минэкономразвития страны, где прогнозируется дефицит в 5,85 трлн руб. при консервативном сценарии и 6,1 трлн руб. при базовом.

В подобных условиях целесообразно усилить деятельность институтов развития в рамках реализации новых стратегически-ориентированных проектов с уклоном на поддержку отечественного предпринимательского сообщества, что вкупе может стать драйвером социально-экономического развития страны и регионов.

Литература

1. Смотрицкая, И. И. Контрактная система закупок в контексте российских реформ // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 6. С. 9–25.
2. Козлова, С. В. Совершенствование методологических подходов к оценке эффективности управления государственным (муниципальным) имуществом // Общество и экономика. 2021. № 12. С. 57–72.
3. Анчишкина, О. В. Некоторые наблюдаемые принципы контрактных отношений в госзаказе и обнаруживаемые статистические взаимосвязи их ключевых факторов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 2. С. 66–91.
4. Изутова, О. В. Госзаказ : от пандемии до национального режима // Бюджет. 2021. № 2 (218). С. 90–

92.
5. Яковлев, А. А., Балаева, О. Н., Ткаченко, А. В., Родионова, Ю. Д. Ключевые проблемы и критерии эффективности системы закупок глазами ее участников // Госзаказ : управление, размещение, обеспечение. 2020. № 60. С. 66–75.
6. Zhang, X., Liu, Lu. A method of constructing knowledge graph for government procurement system // International Journal of Wireless and Mobile Computing, 2021. Vol. 21. No. 4. P. 332–341. DOI: 10.1504/IJWMC.2021.121624.
7. Çetinkaya, Ö., Eroğlu, E. An Assessment of the Public Procurement System in Turkey // Public Financial Management Reforms in Turkey: Progress and Challenges. Vol. 1. P. 91–104. DOI:10.1007/978-981-15-1914-7_5.
8. Popa, I-G. The Architecture of the Public Procurement System in Romania // International Conference Knowledge-based organization. 2020 Vol. XXVI. No. 2. P. 82–87.
9. Financial Communications Society [Электронный ресурс]. – URL: https://thefcs.org/(дата обращения: 18.08.2022).
10. Варнавский, В. Г. Новые формы государственно-частного партнерства в сфере научно-технологического развития России // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2020 : труды тринадцатой международной конференции ; под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. 2020. С. 24–29.
11. Белицкая, А. В. Использование инструментов государственно-частного партнерства для демонополизации российской экономики : правовой аспект // Юрист. 2017. № 1. С. 41–46.
12. Зельднер, А. Г. Институционализм в управлении развитием партнерских отношений государства и бизнеса : состояние и тенденции // Экономические науки. 2022. № 206. С. 48–55.
13. Осипов, В. С. Государственно-частное партнерство в аграрном секторе экономики // Менеджмент в АПК. 2022. № 1. С. 7–13.
14. Cartwright, D. The Value of Public–Private Partnerships // Climate and energy. Vol. 38. Issue 11. P. 18–20.
15. Meunier, D., Quinet, E. Public Private Partnership // International Encyclopedia of Transportation. 2021. P. 385–391. DOI:10.1016/b978-0-08-102671-7.10073-9.
16. Osei-Kyei, R., Chan, A. Global Implementation Practices of Public-Private Partnership // International Best Practices of Public-Private Partnership. P.13–36. DOI:10.1007/978-981-33-6268-0_2.
17. Смотрицкая, И. И., Черных, С. И. Организационные инновации в сфере государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 9–25.
18. Тасалов, Ф. А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США : сравнительно-правовое исследование : монография. – М. : Проспект, 2016.
19. Зельднер, А. Г. Правовое поле в системе управления партнерскими отношениями государства и бизнеса // Вопросы экономики и права. 2019. № 128. С. 57–60.
20. Растегаева, Ф. С., Шашкова, Т. Н., Шалина, О. И., Токарева, Г. Ф. Изменение роли бюджетно-налоговой политики в условиях рецессии мировой экономики // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 6. С. 1049–1058.
21. Financial Communications Society [Электронный ресурс]. – URL: https://thefcs.org/(дата обращения: 18.08.2022).
22. Отчет Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 г.». – URL : https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf (дата обращения: 20.08.2022).
23. Доклад «Global Infrastructure Outlook», 2017. – URL : https://outlook.gihub.org/ (дата обращения: 18.08.2022).

References:

1.Smotrickaya, I. I. Kontraktnaya sistema zakupok v kontekste rossijskih reform // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2019. № 6. S. 9–25.
2. Kozlova, S. V. Sovershenstvovanie metodologicheskih podhodov k ocenke effektivnosti upravleniya gosudarstvennym (municipal'nym) imushchestvom // Obshchestvo i ekonomika. 2021. № 12. S. 57–72.
3. Anchishkina, O. V. Nekotorye nablyudaemye principy kontraktnyh otnoshenij v goszakaze i obnaruzhivaemye statisticheskie vzaimosvyazi ih klyuchevyh faktorov // ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2019. № 2. S. 66–91.
4. Izutova, O. V. Goszakaz : ot pandemii do nacional'nogo rezhima // Byudzhet. 2021. № 2 (218). S. 90–92.
5. YAkovlev, A. A., Balaeva, O. N., Tkachenko, A. V., Rodionova, YU. D. Klyuchevye problemy i kriterii effektivnosti sistemy zakupok glazami ee uchastnikov // Goszakaz : upravlenie, razmeshchenie, obespechenie. 2020. № 60. S. 66–75.
6. Zhang, X., Liu, Lu. A method of constructing knowledge graph for government procurement system // International Journal of Wireless and Mobile Computing, 2021. Vol. 21. No. 4. P. 332–341. DOI: 10.1504/IJWMC.2021.121624.
7. Çetinkaya, Ö., Eroğlu, E. An Assessment of the Public Procurement System in Turkey // Public Financial Management Reforms in Turkey: Progress and Challenges. Vol. 1. P. 91–104. DOI:10.1007/978-981-15-1914-7_5.
8. Popa, I-G. The Architecture of the Public Procurement System in Romania // International Conference Knowledge-based organization. 2020 Vol. XXVI. No. 2. P. 82–87.
9. Financial Communications Society [Elektronnyj resurs]. – URL: https://thefcs.org/(data obrashcheniya:

18.08.2022).
10. Varnavskij, V. G. Novye formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossii // Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnyh sistem MLSD'2020 : trudy trinadcatoj mezhdunarodnoj konferencii ; pod obshch. red. S.N. Vasil'eva, A.D. Cvirkuna. 2020. S. 24–29.
11. Belickaya, A. V. Ispol'zovanie instrumentov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva dlya demonopolizacii rossijskoj ekonomiki : pravovoj aspekt // YUrist. 2017. № 1. S. 41–46.
12. Zel'dner, A. G. Institucionalizm v upravlenii razvitiem partnerskih otnoshenij gosudarstva i biznesa : sostoyanie i tendencii // Ekonomicheskie nauki. 2022. № 206. S. 48–55.
13. Osipov, V. S. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v agrarnom sektore ekonomiki // Menedzhment v APK. 2022. № 1. S. 7–13.
14. Cartwright, D. The Value of Public–Private Partnerships // Climate and energy. Vol. 38. Issue 11. P. 18–20.
15. Meunier, D., Quinet, E. Public Private Partnership // International Encyclopedia of Transportation. 2021. P. 385–391. DOI:10.1016/b978-0-08-102671-7.10073-9.
16. Osei-Kyei, R., Chan, A. Global Implementation Practices of Public-Private Partnership // International Best Practices of Public-Private Partnership. P.13–36. DOI:10.1007/978-981-33-6268-0_2.
17. Smotrickaya, I. I., CHernyh, S. I. Organizacionnye innovacii v sfere gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2021. № 1. S. 9–25.
18. Tasalov, F. A. Kontraktnaya sistema v sfere gosudarstvennyh zakupok Rossii i SSHA : sravnitel'no-pravovoe issledovanie : monografiya. – M. : Prospekt, 2016.
19. Zel'dner, A. G. Pravovoe pole v sisteme upravleniya partnerskimi otnosheniyami gosudarstva i biznesa // Voprosy ekonomiki i prava. 2019. № 128. S. 57–60.
20. Rastegaeva, F. S., SHashkova, T. N., SHalina, O. I., Tokareva, G. F. Izmenenie roli byudzhetno-nalogovoj politiki v usloviyah recessii mirovoj ekonomiki // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2017. T. 18. № 6. S. 1049–1058.
21. Financial Communications Society [Elektronnyj resurs]. – URL: https://thefcs.org/(data obrashcheniya: 18.08.2022).
22. Otchet Schetnoj palaty RF o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Monitoring razvitiya sistemy gosudarstvennyh i korporativnyh zakupok v Rossijskoj Federacii za 2020 g.». – URL : https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf (data obrashcheniya: 20.08.2022).
23. Doklad «Global Infrastructure Outlook», 2017. – URL : https://outlook.gihub.org/ (data obrashcheniya: 18.08.2022).

УДК 331.56

ГИЧИЕВ НАБИЮЛА САПИЮЛАЕВИЧ
к.э.н., ведущий научный сотрудник, заведующий отделом теории и методологии регионального развития, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН г. Махачкала, Россия,
e-mail: nabi-05@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-13-19

ГИСТЕРЕЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ)

Аннотация. Предмет/тема. *Литературный обзор основных теоретико-методологических подходов к проявлению запаздывающего цикла развития экономических систем, определение категории феномена гистерезиса в экономике, характеристика экстраполяции петли физического (магнитного) гистерезиса и его проявлений в экономической сфере.* ***Целью исследования*** *является компаративная оценка теоретико-методологических основ исследования феномена гистерезиса в экономических системах.* ***Методология исследования.*** *Применяются методы компаративного и эконометрического анализа отдельных проявлений феномена гистерезиса в экономической сфере, позволяющих количественно оценить уровень взаимосвязи факторов экономического роста.* ***Результат и область применения.*** *Результаты исследования могут быть востребованы в научном сообществе для количественно верифицируемых оценок проявления гистерезиса в экономической сфере.* ***Выводы/значимость.*** *Компаративный анализ современных подходов к феномену гистерезиса в экономической сфере предоставляет исследователям набор эффективного методического инструментария для количественной оценки параметров запаздывающего развития социально-экономических систем.*
Ключевые слова: *феномен гистерезиса, петля гистерезиса, экономический рост, методология оценки гистерезиса, модель Кобба-Дугласа. Калекианская модель.*

GICHIEV NABIYULA SAPIYULAEVICH
Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Head of the Department of Theory and Methodology of Regional Development, FGBUN "Institute of Socio-Economic Research of the DFC of Makhachkala, Russia,
e-mail: nabi-05@mail.ru

HYSTERESIS OF ECONOMIC GROWTH: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY (LITERATURE REVIEW)

Abstract. Subject/topic. *A literary review of the main theoretical and methodological approaches to the manifestation of the delayed cycle of the development of economic systems, the definition of the category of the phenomenon of hysteresis in the economy, the characteristics of the extrapolation of the loop of physical (magnetic) hysteresis and its manifestations in the economic sphere.* ***The aim of the study*** *is a comparative assessment of the theoretical and methodological foundations of the study of the phenomenon of hysteresis in economic systems. Research methodology.* ***The methods*** *of comparative and econometric analysis of individual manifestations of the phenomenon of hysteresis in the economic sphere are used, which allow quantifying the level of interrelation of economic growth factors.* ***Result and scope of application.*** *The results of the study may be in demand in the scientific community for quantifiable estimates of the manifestation of hysteresis in the economic sphere.* ***Conclusions/significance.*** *Comparative analysis of modern approaches to the phenomenon of hysteresis in the economic sphere provides researchers with a set of effective methodological tools for quantifying the parameters of the delayed development of socio-economic systems.*
Keywords: *hysteresis phenomenon, hysteresis loop, economic growth, hysteresis estimation methodology, Cobb-Douglas model. The Kalekian model.*

Введение. Актуальность научных исследований причин запаздывающей динамики неравномерного социально-экономического развития макрорегионов значительно возрастает в периоды циклических кризисов глобальной экономики и связанным с этим снижения совокупного спроса, уровня инвестиций и инноваций, занятости населения и производительности труда. Важнейшим проявлением «догоняющего» типа социально-экономического развития является феномен гистерезиса, перенесенный из области физических наблюдений в экономическую, социальную, финансовую и др. сферы научных исследований.

Термин «гистерезис» был введен в 1881 году шотландским физиком Д. А. Юингом (James Alfred Ewing, 1855-1935). Так он назвал в 1890-е годы обнаруженное им в результате многочисленных экспериментов новое, неизвестное до того свойство железных стержней, которым они обладают при намагничивании [2].

Применительно к физическим явлениям в словаре приводится следующее определение понятия «гистерезис»: «(греч. ὑστέρησις – отставание, запаздывание) – свойство систем (физических, биологических и т. д.), мгновенный отклик которых на приложенные к ним воздействия зависит в том числе и от их текущего состояния, а поведение системы на интервале времени во многом определяется ее предысторией» [25]. При этом отмечается два характерных отличительных признака гистерезиса: «явление «насыщения», а также неодинаковость траекторий между крайними состояниями (отсюда наличие остроугольной петли на графиках)» [25].

Феномену гистерезиса в физических процессах и других областях присущи следующие признаки: рассматриваемая система может вернуться в свое первоначальное состояние; система неоднозначно зависит от величины влияющего фактора (условия); системе присуще явление «насыщения»; наблюдается неодинаковость траекторий между крайними состояниями; присутствуют различные типы (замкнутые, незамкнутые, частные) кривых петель гистерезиса – хода ответной реакции и времени замедления.

С целью лучшего восприятия рассмотрим пример магнитного гистерезиса ферромагнетика, представленного графиком (см. рисунок 1), иллюстрирующим процесс, в котором «каждому значению напряженности магнитного поля соответствуют два значения магнитной индукции в зависимости от того, увеличивается или уменьшается напряженность поля» [26]. Здесь сначала по мере медленного увеличения напряженности магнитного поля (B) от нуля до значения B_a (ось абсцисс) намагниченность растет по дуге OA до достижения уровня насыщения. При последующем уменьшении B от B_a до - B_a намагниченность падает до уровня – H_a (ось ординат) по дуге ACD. В дальнейшем при увеличении напряженности магнитного поля от - B_a до B_a намагниченность растет до уровня H_a по дуге DFA.

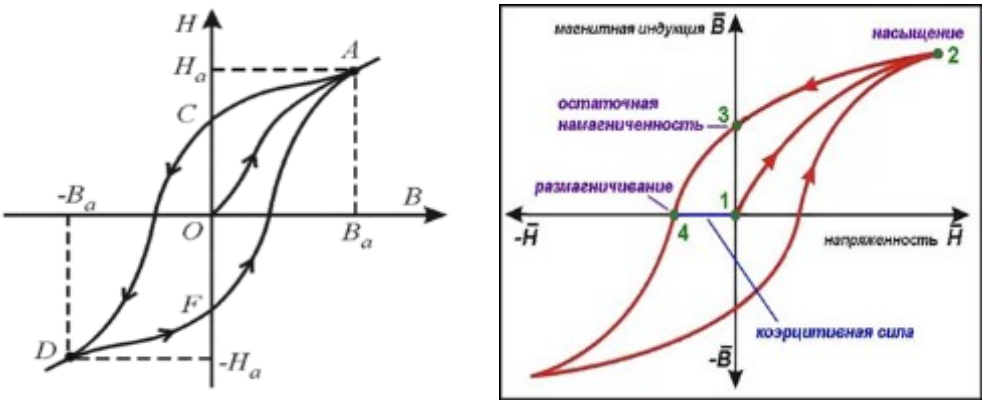

Рис. 1. *Петля магнитного гистерезиса.*

Источник: *[25].*

Глобальная экономика периодически испытывает влияние различных негативных шоков: кризисов, пандемий и т. д. В рамках межударного экономического сотрудничества клуба «Валдай» и Корейского института международной экономической политики в рамках Валдайского проекта отмечается, что «именно характер экономического спада вызывает эффект гистерезиса, когда отрицательный шок оставляет постоянный след в экономике. Даже после того, как шок утихает и темпы экономического роста возвращаются к докризисному уровню, в экономике остаются неизгладимые шрамы, и траектория роста навсегда отклоняется от той траектории, которая была бы реализована без кризиса (см. рисунок 2). В случае глобального

финансового кризиса 2008 года область на графике между тонкой пунктирной линией и зеленой сплошной линией может рассматриваться как постоянная потеря экономического роста, вызванная кризисом. Это эффект гистерезиса» [26].

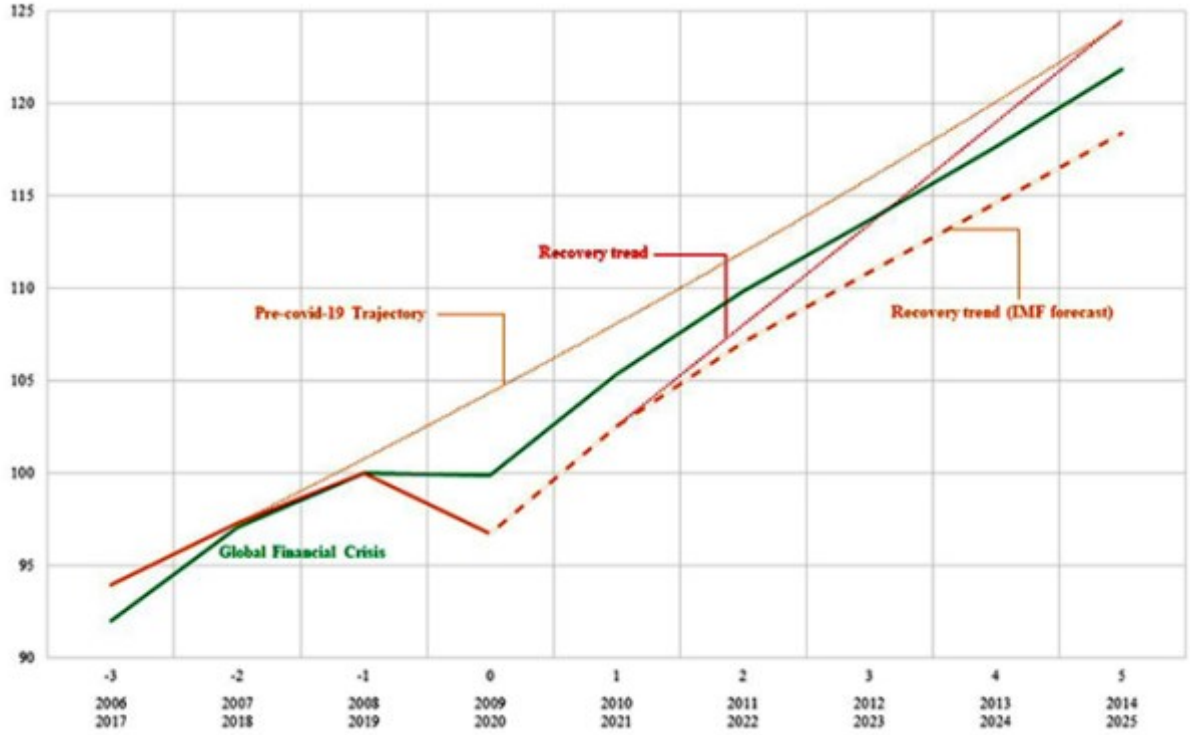

Рис. 2. *Проявление феномена гистерезиса в мировой экономике.*
Источник*: [26].*

Материалы и методы

Исследование феномена гистерезиса в экономической сфере является далеко нетривиальным процессом, требующим учета различных аспектов многомерной зависимости результирующего параметра от влияющих факторов с помощью системы (модели) векторного гистерезиса с входными двумя и более переменными. Однако для декомпозиции и количественной оценки уровня влияния факторов на выходные параметры гистерезисной системы эти многокомпонентные модели достаточно сложны в экономическом плане.

Взаимодействие экономических переменных часто характеризуется ситуацией, в которой прошлые состояния экономической системы действительно влияют на текущие ее экономические параметры. Типичными примерами являются динамика безработицы в деловых циклах, т. е. динамика так называемой «естественной» (равновесной) скорости безработицы и динамика взаимосвязи обменного курса и экспорта. Поскольку постоянные эффекты временного раздражителя приводят к множественным равновесиям, зависящим от предыдущего пути, то эти экономические явления правильно называть «гистерезисом» [9, pp.26-38.]. В экономике труда применение понятия гистерезис было особенно распространено у Фелпса [23], Сакса [24], Бланшара, Саммерса [3, pp. 15-78] и Линдбека, Сноуера [22, pp. 235-239]. В теорию внешней торговли термин гистерезис ввели Кемп, Ван, Болдуин, Кругман [5, pp.635-654] и Диксит [10, pp. 620-638].

В экономической литературе термин «гистерезис» используется, например, в области международной торговли и безработицы. В научной статье G. Dosi, M. C. Pereira, A. Roventini and M. E. Virgillito «Causes and consequences of hysteresis: aggregate demand, productivity, and employment» [11].

В европейском обзоре NBERG «Hysteresis in unemployment», посвященном исследованию феномена гистерезиса на европейском рынке труда, отмечается, что «недавний европейский опыт в области высокой постоянной безработицы привел к развитию теорий гистерезиса безработицы, воплощающих идею о том, что равновесный уровень безработицы зависит от истории фактического уровня безработицы [3]. Таким образом, подтверждается важнейшая характеристика процесса гистерезиса – зависимость параметров текущего состояния системы от ее

предыдущих исторических значений.

Рассматривая нелинейную динамику выпуска продукции с позиции факторов, обусловливающих равновесие спроса и предложения как основу для обоснования присутствия эффекта гистерезиса, Francesco Furlanetto, Antoine Lepetit, Orjan Robstad, Juan Rubio-Ramirez, Pal Ulvedal приводят классическую точку зрения макроэкономистов: «согласно традиционному мнению, неожиданные изменения тренда вызваны только шоками предложения, … в то время как деловой цикл в основном вызван шоками компонентов совокупного спроса и денежно-кредитной политики» [13].

Значительная часть эмпирических исследований в экономической сфере использует дифференцированные методы выявления феномена гистерезиса, условно агрегированные в две большие группы: 1) на основе временных рядов с единичной или нулевой динамикой, расширенные до нелинейных авторегрессионных моделей с распределенным запаздыванием, и другой ветви эмпирических исследований, приближающейся к исходной концепции макропетли; 2) различные методы, применяемые в эконометрике для эмпирического определения экономической зависимости от предыдущей траектории.

Гистерезис экономического роста обусловлен влиянием многих факторов, включая инвестиции в основной капитал, численность экономически активного населения, уровня безработицы, валютного курса, уровня инфляции и т. д. Различные методологические аспекты данной проблематики рассматривали Baldwin R. [4, pp. 773-785], Blanchard O. J. and L. H.Summers [7, pp. 15-78.], Goke M. [15, pp.167–188.], Kwiatkowski D., Phillips P., Schmidt P., Shin Y. [16, pp. 159–178], Lang D., Peretti C. [17, pp. 445–462], Leo n-Ledesma, Lang D., Peretti C. [21], Dutt A. K. [12], Lavoie M. [20, pp. 275-300.].

С нашей точки зрения одним из наиболее удачных и современных методологических аспектов гистерезиса экономического роста, интегрирующим предыдущие наработки других авторов, отражен в подходе Tapio Palokangas (University of Helsinki, HECER and IIASA). Tapio Palokangas отмечает причины проявления гистерезиса экономического роста: 1) агенты могут столкнуться с бинарным выбором (например, входить или не входить в рынок), что требует действия почти мгновенно; 2) переключение между состояниями сопряжено с необратимыми затратами: когда предпринимается действие, понесены расходы, которые не могут быть окупаемы при обратном действии. Все это создает порог значения управляющего параметра, когда агент желает переход от одной стратегии к другой.

На основе базовой модели Лукаса - Барро построена расчетная формула (1) гистерезиса экзогенного экономического роста:

$$\log Y_{t+1} = \log Y_t + g + u_{t+1} + v_{t+1} \qquad \text{…….(1),}$$

где g – скорость экзогенного роста;

u_{t+1} – случайный термин нормальный со средним значением 0 и дисперсия 2. Это характеризует нормальные «симметричные» экономические колебания;

v_{t+1} – случайные переменные.

Другим методическим подходом к решению задачи оценки эффектов гистерезиса экономического роста является модель Кобба-Дугласа, базовая расчетная формула представлена ниже (2)

$$Q = f(L, K) \qquad \text{……..(2)}$$

где Q – выпуск товаров; L – количество труда; K – количество капитала.

Заслуживает внимания работа Christian Schoder «Hysteresis in the Kaleckian growth model: a Bayesian analysis for the us manufacturing sector from 1984 TO 2007m» [8, pp.542–568], в которой на основе использования динамической линейной спецификации инвестиционной функции Kaleckian модель роста и фильтра Калмана изучаются долгосрочные темпы роста продаж для обрабатывающей промышленности США.

Базовая Kaleckian модель роста применительно к закрытой экономике, где произведенный товар используется как для потребления, так и для инвестиций в краткосрочной перспективе, экономика представлена следующим набором агрегатных отношений:

$$g = \gamma + \beta_r + \beta_u(u - u^n) \qquad \text{……(3)}$$

Уравнение (3) является одним из вариантов посткалекских инвестиционных функций, в

котором скорость накопления g : ожидаемый вековой темп роста продаж γ , норма прибыли r и разница между реализованным и нормальным коэффициентом использования мощности $(u-u^n)$, который называется дифференциалом использования.

Далее Christian Schoder, опираясь на работу Lavoie M. [18], предлагает норму прибыли «разложить на долю прибыли π , умноженную на коэффициент использования производственных мощностей u и фондоемкость производства v » [8, pp. 542–568].

На основе простых алгебраических расчетов получается формула краткосрочного равновесия (4):

$$u^* = \frac{\gamma-\beta_u u^n}{(s-\beta_r)\frac{\pi}{v}-\beta_u} \quad \text{…….(4)}$$

Описанная выше Kaleckian модель роста (3, 4) применительно к торговой сфере может быть преобразована в форму, позволяющую оценить неизвестные параметры, такие как скорость корректировки $\emptyset_u N$ и ожидаемый долгосрочный темп роста продаж $\emptyset_\gamma$, по MLE, а также вектор состояния, включающий u_t^N и γ_t фильтром Калмана.

Динамика базовой инвестиционной модели представлена в уравнении (3). В спецификации (3) предполагается, что норма накопления является линейной функцией нормы прибыли и коэффициента использования. Отмеченные индикаторы немного запаздывают, поскольку инвестиционные расходы могут с задержкой реагировать на прибыль. Одновременные значения регрессоров. В результате расчетная формула имеет следующий вид:

$$g_t = \gamma_t + \sum_{i=1}^{L}\beta_{r,i}r_{t-1} + \sum_{i=1}^{L}\beta_{u,i}(u_{t-i} - u_{t-i}^N) + \mu_t \quad (5),$$

$$\mu_t = \rho\mu_{t-1} + v_t, \quad v_t \sim N(0,\sigma_v^2) \quad \text{….(6),}$$

где g_t , r_t и u_t – норма накопления, норма прибыли и дифференциал использования соответственно. $\beta_{i,j}$ при j = r, u – параметры.

Подводя итог, Christian Schoder в своей работе отмечает, что посткалекианцы, такие как Лавуа [19, pp. 113–47] и Датт [12], ответили на эту критику, «предложив полностью скорректированный калекский подход модели с эндогенной корректировкой нормального коэффициента использования».

Заключение

В данной статье представлен обзор значимых литературных источников, отражающих различные подходы исследователей к определению феномена гистерезиса. Вклад статьи в расширение теоретико-методологических основ оценки процесса гистерезиса в экономической сфере можно резюмировать следующим образом:

1. Представлен сравнительный анализ тематической литературы, в которой используются модели безработицы в деловых циклах [9, pp. 26-38.], в области международной торговли и безработицы [11, pp. 1015–1044], в динамике структуры банковских вкладов [1] в сфере торгово-экономических отношений [14], нелинейной динамики выпуска продукции [13], традиционного и альтернативного подхода Blanchard O. [6].

2. Представлен анализ методологических аспектов оценки влияния на гистерезис различных факторов, включая инвестиции в основной капитал, численность экономически активного населения, уровня безработицы, валютного курса, уровня инфляции Baldwin R. [Baldwin, R. (1988), Hysteresis in Import Prices: The Beachhead Effect, American Economic Review 78, 773-785.], Blanchard O.J. and L.H. Summers [7, pp. 15-78].

3. Представлена методология оценки гистерезиса экономического роста на основе базовой модели Лукаса – Барро, Кобба-Дугласа, Kaleckian модели роста [8, pp. 542–568].

Представленный обзор отдельных аспектов феномена гистерезиса в физической и экономической областях показывает необходимость продолжения дальнейших исследований механизмов, оценивающих взаимодействие различных факторов с гистерезисом.

Литература

1. Идрисов Г. И. Гистерезис в динамике структуры банковских вкладов: исследование для стран СНГ / Г. Идрисов, Л. Фрейнкман. – М.: ИЭПП, 2009. – 96 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономики переходного периода. № 123Р). – ISBN 978-5-93255-270-4.
2. Физический энциклопедический словарь, т. 1, М., 1960.
3. Blanchard O., Lawrence H. Summers. Working Paper No. 2035. National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 October 1986.
4. Baldwin R. (1988), Hysteresis in Import Prices: The Beachhead Effect, American Economic Review 78, 773-785.
5. Baldwin, Richard E.; Krugman, Paul (1989) Persistent Trade Effects of Large Exchange Rate Shocks. Quarterly Journal of Economics 104, 635-654.
6. Blanchard O. (2018). Should we reject the natural rate hypothesis? Journal of Economic Perspectives, 32 (1):97{120.
7. Blanchard O. J. and L. H. Summers (1986a). Hysteresis and the European Unemployment Problem, in: S.Fischer (ed.), NBER Macroeconomics Annual 1986, Cambridge MA (MIT Press), 15-78.
8. Christian Schoder. Hysteresis in the Kaleckian growth model: a Bayesian analysis for the us manufacturing sector from 1984 TO 2007m / Metroeconomica 63:3 (2012). pp. 542–568 doi: 10.1111/j.1467-999X.2012.04154. x.
9. Cross, Rod; Allan, Andrew (1988) On the History of Hysteresis, in: R. Cross (Ed.) Unemployment, Hysteresis and the Natural Rate Hypothesis, Oxford/New York, 26-38.
10. Dixit, Avinash (1989) Entry and Exit Decisions under Uncertainty. Journal of Political Economy 97, 620-638.
11. Dosi G., Pereira M. C., Roventini A. and Virgillito M. E. Causes and consequences of hysteresis: aggregate demand, productivity, and employment // Industrial and Corporate Change, 2018, Vol. 27, No. 6, 1015–1044 doi: 10.1093/icc/dty010.
12. Dutt A. K. (1997): «Equilibrium, path dependence and hysteresis in post-Keynesian models», in Arestis, P., Palma, G., Sawyer, M. (eds): Markets, Unemployment and Economic Policy: Essays in Honour of Geoff Harcourt, vol. 2, Routledge, London.
13. Francesco Furlanetto, Antoine Lepetit, Orjan Robstad, Juan Rubio-Ramirez, Pal Ulvedal (2021). \ Estimating Hysteresis Effects, Finance and Economics Discussion Series 2021-059. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System, https://doi.org/10.17016/FEDS.2021.059.
14. Gene M. Grossman, Elhanan Helpman. Working Paper No. 3526. National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 December 1990.
15. Goke M. 2002. Various concepts of hysteresis applied in economics. Journal of Economic Survey 16(2): 167–188.
16. Kwiatkowski D, Phillips P, Schmidt P, Shin Y. 1992. Testing the null hypothesis of stationarity against the alternative of a unit root: how sure are we that economic time series have unit roots. Journal of Econometrics 54(108): 159–178.
17. Lang D., Peretti C. 2009. A strong hysteretic model of Okun's law: theory and a preliminary investigation. International Review of Applied Economics 23(4): 445–462.
18. Lavoie M. (1992): Foundations of Post-Keynesian Economic Analysis, Edward Elgar, Aldershot.
19. Lavoie M. (1996): «Horizontalism, Structuralism, Liquidity Preference and the Principle of Increasing Risk Scottish Journal of Political Economy, 1996, vol. 43, issue 3, 275-300.
20. Lavoie M. (1996): «Traverse, hysteresis, and normal rates of capacity utilization in Kaleckian models of growth and distribution», Review of Radical Political Economics, 28 (4), pp. 113–47.
21. Leo n-Ledesma, Lang D., Peretti C. 2003.Unemployment, hysteresis and transition. Working Paper No. 234, European Central Bank.
22. Lindbeck Assar; Snower, Dennis J. (1986) Wage Setting, Unemployment and Insider-Outsider Relations. American Economic Review, Papers and Proceedings 76, 235-239.
23. Phelps Edmund S. (1972) Inflation Policy and Unemployment Theory – The Cost-Benefit Ap-proach to Monetary Planning, London.
24. Sach, Jeffrey D. (1986) High Unemployment in Europe: Diagnosis and Policy Implications. NBER Working Paper Series 1830, Cambridge/MA.
25. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://ru.wikipedia.org/, свободный. – Загл. с экрана.
26. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.fxyz.ru, свободный. – Загл. с экрана.

References:

1. Idrisov G. I. Gisterezis v dinamike struktury bankovskih vkladov: issledovanie dlya stran SNG / G. Idrisov, L. Frejnkman. – M.: IEPP, 2009. – 96 s.: il. – (Nauchnye trudy / In-t ekonomiki perekhodnogo perioda. № 123R). – ISBN 978-5-93255-270-4.
2. Fizicheskij enciklopedicheskij slovar', t. 1, M., 1960.
3. Blanchard O., Lawrence H. Summers. Working Paper No. 2035. National bureau of economic research 1050

Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 October 1986.
4. Baldwin R. (1988), Hysteresis in Import Prices: The Beachhead Effect, American Economic Review 78, 773-785.
5. Baldwin, Richard E.; Krugman, Paul (1989) Persistent Trade Effects of Large Exchange Rate Shocks. Quarterly Journal of Economics 104, 635-654.
6. Blanchard O. (2018). Should we reject the natural rate hypothesis? Journal of Economic Perspectives, 32 (1):97{120.
7. Blanchard O. J. and L. H. Summers (1986a). Hysteresis and the European Unemployment Problem, in: S.Fischer (ed.), NBER Macroeconomics Annual 1986, Cambridge MA (MIT Press), 15-78.
8. Christian Schoder. Hysteresis in the Kaleckian growth model: a Bayesian analysis for the us manufacturing sector from 1984 TO 2007m / Metroeconomica 63:3 (2012). rp. 542–568 doi: 10.1111/j.1467-999X.2012.04154. x.
9. Cross, Rod; Allan, Andrew (1988) On the History of Hysteresis, in: R. Cross (Ed.) Unemployment, Hysteresis and the Natural Rate Hypothesis, Oxford/New York, 26-38.
10. Dixit, Avinash (1989) Entry and Exit Decisions under Uncertainty. Journal of Political Economy 97, 620-638.
11. Dosi G., Pereira M. C., Roventini A. and Virgillito M. E. Causes and consequences of hysteresis: aggregate demand, productivity, and employment // Industrial and Corporate Change, 2018, Vol. 27, No. 6, 1015–1044 doi: 10.1093/icc/dty010.
12. Dutt A. K. (1997): «Equilibrium, path dependence and hysteresis in post-Keynesian models», in Arestis, P., Palma, G., Sawyer, M. (eds): Markets, Unemployment and Economic Policy: Essays in Honour of Geoff Harcourt, vol. 2, Routledge, London.
13. Francesco Furlanetto, Antoine Lepetit, Orjan Robstad, Juan Rubio-Ramirez, Pal Ulvedal (2021). \ Estimating Hysteresis Effects, Finance and Economics Discussion Series 2021-059. Washington: Board of Governors of the Federal Reserve System, https://doi.org/10.17016/FEDS.2021.059.
14. Gene M. Grossman, Elhanan Helpman. Working Paper No. 3526. National bureau of economic research 1050 Massachusetts Avenue Cambridge, MA 02138 December 1990.
15. Goke M. 2002. Various concepts of hysteresis applied in economics. Journal of Economic Survey 16(2): 167–188.
16. Kwiatkowski D, Phillips P, Schmidt P, Shin Y. 1992. Testing the null hypothesis of stationarity against the alternative of a unit root: how sure are we that economic time series have unit roots. Journal of Econometrics 54(108): 159–178.
17. Lang D., Peretti C. 2009. A strong hysteretic model of Okun's law: theory and a preliminary investigation. International Review of Applied Economics 23(4): 445–462.
18. Lavoie M. (1992): Foundations of Post-Keynesian Economic Analysis, Edward Elgar, Aldershot.
19. Lavoie M. (1996): «Horizontalism, Structuralism, Liquidity Preference and the Principle of Increasing Risk Scottish Journal of Political Economy, 1996, vol. 43, issue 3, 275-300.
20. Lavoie M. (1996): «Traverse, hysteresis, and normal rates of capacity utilization in Kaleckian models of growth and distribution», Review of Radical Political Economics, 28 (4), pp. 113–47.
21. Leo n-Ledesma, Lang D., Peretti C. 2003.Unemployment, hysteresis and transition. Working Paper No. 234, European Central Bank.
22. Lindbeck Assar; Snower, Dennis J. (1986) Wage Setting, Unemployment and Insider-Outsider Relations. American Economic Review, Papers and Proceedings 76, 235-239.
23. Phelps Edmund S. (1972) Inflation Policy and Unemployment Theory – The Cost-Benefit Ap-proach to Monetary Planning, London.
24. Sach, Jeffrey D. (1986) High Unemployment in Europe: Diagnosis and Policy Implications. NBER Working Paper Series 1830, Cambridge/MA.
25. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://ru.wikipedia.org/, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
26. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.fxyz.ru, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.

УДК:338.432

СУХОЧЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА
к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента в АПК ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина», г. Орел, Россия,
E-mail: suhoceva@bk.ru

ГРУДКИНА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА
к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента в АПК, ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина», г. Орел, Россия
e-mail: t_grudkina@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-20-26

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОИЗВОДСТВА МАСЛИЧНЫХ КУЛЬТУР С УЧЕТОМ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММЫ WIALON

Аннотация. *В статье авторы* ***рассматривают*** *динамическое развитие масличной отрасли региона, обосновывают преимущество внедрения программы Wialon, отражая элементы применения цифровизации в сельском хозяйстве. В ходе подготовки статьи был использован абстрактно-логический метод, монографический, экономико-математический, статистического анализа.* ***В результате исследования*** *отмечено, что в условиях инновационного развития отрасли целесообразно использовать комплексный подход к возделыванию масличных культур, учитывать взаимодействие экономических, технологических, технических, организационных факторов. Полученные в статье* ***выводы*** *свидетельствуют о влиянии инновационных процессов на деятельность сельскохозяйственных организаций, подтверждая то, что только те из них смогут долго оставаться лидерами, которые обеспечат создание и развитие технических и технологических новшеств цифровизации.*

Ключевые слова: *аграрная экономика, инновационные процессы, масличные культуры, технологические новшества, цифровизация, Wialon.*

SUKHOCHEVA NADEZHDA ALEKSANDROVNA
Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Agroindustrial Complex of the Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russia,
E-mail: suhoceva@bk.ru

GRUDKINA TATIANA IVANOVNA
Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Agro-industrial Complex, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russia,
e-mail: t_grudkina@mail.ru

EFFICIENCY OF OILSEED PRODUCTION TAKING INTO ACCOUNT THE APPLICATION OF THE WIALON PROGRAM

Abstract. *In the article, the authors consider the dynamic development of the oilseed industry in the region, substantiate the advantage of implementing the Wialon program, reflecting the elements of digitalization in agriculture. Abstract-logical method, monographic, economic-mathematical, statistical analysis were used during the preparation of the article.* ***As a result of the study,*** *it was noted that in the conditions of innovative development of the industry, it is advisable to use*

an integrated approach to the cultivation of oilseeds, to take into account the interaction of economic, technological, technical, organizational factors. ***The conclusions*** *obtained in the article indicate the impact of innovative processes on the activities of agricultural organizations, confirming that only those of them will be able to remain leaders for a long time, which will ensure the creation and development of technical and technological innovations of digitalization.*
Keywords: *agrarian economy, innovative processes, oilseeds, technological innovations, digitalization, Wialon.*

1. Введение

Динамика роста производства масличной отрасли напрямую зависит от эффективности применения элементов цифровизации, в то время когда цифровизация экономики АПК наращивает темпы своего развития и направляет элементы новейших достижений науки и техники в процесс производства, в которых применяются цифровые платформы, информационно-коммуникационные технологии [5]. В этой связи целесообразно внедрение адаптивных ресурсосберегающих технологий выращивания масличных культур, направленных не только на повышение урожайности посредством создания наиболее комфортных условий развития растений и снижение затрат на производство 1 ц семян, но и обеспечение в целом роста эффективности функционирования масличной отрасли.

На протяжении ряда лет в Орловской области происходит освоение инноваций обозначенной отрасли, начиная с производства нетрадиционных сельскохозяйственных культур до внедрения в производство высокопроизводительной техники (уборочные машины, агрегаты и оборудование по подготовке почвы, уходу за растениями).

Вышеизложенное характеризует особую актуальность и практическую значимость исследования вопросов эффективности производства масличных культур с учетом применения элементов цифровизации.

2. Основная часть

Развитие масложировой отрасли Орловской области является механизмом снижения производственных затрат и роста эффективности на основе освоения инноваций. Проводя экономический анализ развития отрасли производства масличных культур, нельзя не отметить и факт, повлекший за собой увеличение посевных площадей, – это высокая ликвидность масличных культур [4]. В связи с наращиванием посевных площадей под масличными культурами Орловская область увеличивает объемы по производственным параметрам, занимаемые в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Динамика производства масличных культур в РФ и Орловской области [9,10]

Производство	Годы				2021 в % к 2015, раз
	2015	2019	2020	2021	
Посевные площади, тыс. га					
РФ	11517	14615	14398	16623	144,3
Орловская область	119,2	221,8	216,7	283,3	в 2,4 раза
Доля Орловской области по посевным площадям в РФ, %	1,03	1,52	1,51	1,7	165,0
Валовый сбор, тыс. тонн					
РФ	13854	22769	21245	24850	179,4
Орловская область	185,4	444,9	483,1	597,9	в 3,2 раза
Доля Орловской области по валовому сбору в РФ	1,34	1,95	2,27	2,41	17,9
Урожайность, ц/га					
РФ	12,9	16,3	15,2	15,3	126,4
Орловская область	15,8	20,7	22,6	21,1	133,5
Абсолютное отклонение по урожайности Орловской области от РФ	+2,9	+4,4	+7,4	+5,8	в 2 раза

Таким образом, можно констатировать, что за шесть прошедших лет площади, занятые в целом под масличными культурами, увеличились в 1,4 раза. Отмечается ежегодный рост производственных мощностей под нетрадиционными сельскохозяйственными культурами для Орловской области, такими, как рапс и соя. Так, посевные площади под рапсом увеличились почти на 40 тыс. га, под соей более чем на 60 тыс. га. В 2021 г. произошло резкое увеличение посевных площадей горчицы. За весь исследуемый период (2015–2021 гг.) наибольший удельный вес в структуре посевных площадей масличных культур приходится на сою. Так, с 2006 г. в России были весьма существенно увеличены посевные площади под рапсом, при этом рост наблюдается в основном за счет расширения площадей и географии сева ярового рапса, возделыванию которого способствуют благоприятные климатические условия. Ежегодный прирост масличного производства привел к увеличению количества реализованного товарного зерна и семян масличных культур (табл. 2).

Таблица 2

Объемы производства и реализации масличных культур в Орловской области [10]

Показатели	Годы						2020 г. в % к 2015 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Объем производства семян и плодов масличных культур (в весе после доработки), тыс. тонн	185,4	239,4	253,4	379,2	444,9	483,1	в 2,6 раза
Реализовано, тыс. тонн	146,0	175,4	226,4	218,0	364,5	434,0	в 3 раза
Уровень товарности, %	78,7	73,3	89,2	57,5	81,9	89,8	114,1

Таким образом, сельскохозяйственные организации, возделывающие масличные культуры, реализуют их не в полном объеме в текущем году. При этом одни производители при наличии складского помещения оставляют товарное зерно и ждут пиковых цен реализации, которые становятся возможными в начале нового календарного года, когда заводы-переработчики уже растратили свои запасы и приступили к их пополнению. Другие оставляют накопленные объемы с целью инвестирования. Одним из условий стабильного развития регионов является активизация инвестиционной деятельности, направленная на привлечение финансовых и материальных ресурсов инвесторов, а также их рациональное использование в экономическом развитии региона. Осуществляя стратегический анализ рыночной среды, предприятиям АПК важно оценить емкость рынка, ее размеры и тенденции к сокращению или росту [3]. Заметим, ежегодное увеличение производственных параметров приводит к сложностям при контроле статей расходов. В этой связи в сельском хозяйстве нашла широкое применение система спутникового мониторинга Wialon. Данная система предлагает набор возможностей и решений, которые помогают сельскохозяйственным организациям сокращать расходы на топливо, вести учет выполненной работы, например, количество обработанной почвы (га). Преимущества применения программы Wialon представлены на рис. 1.

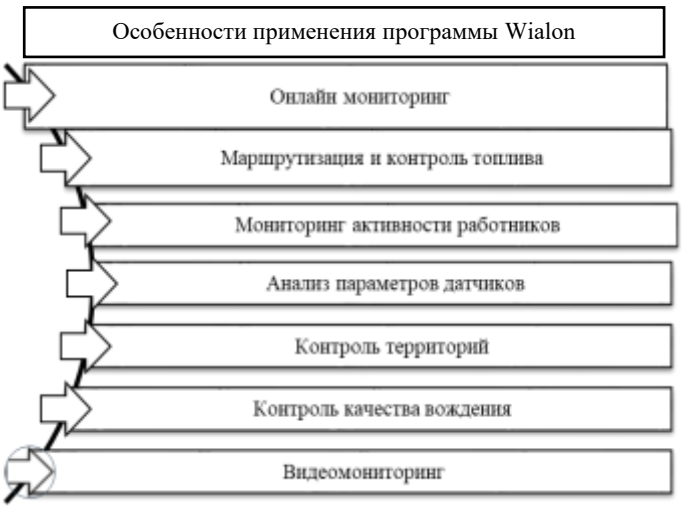

Рис.1. *Преимущества применения программы Wialon*

Анализ развития масличной отрасли в России и более подробный в Орловской области сложившихся тенденций высветил проблемные аспекты, тормозящие инновационный характер её развития, позволил обосновать мейнстримы их решения и роста ее эффективности [8]. В этой связи далее остановимся на некоторых особенностях внедрения элементов цифровизации в процесс производства. Первоначальным этапом внедрения спутниковой программы Wialon является ввод исходных данных в систему. К ним относится: карта полей, наименование техники, вид работ (рис. 2).

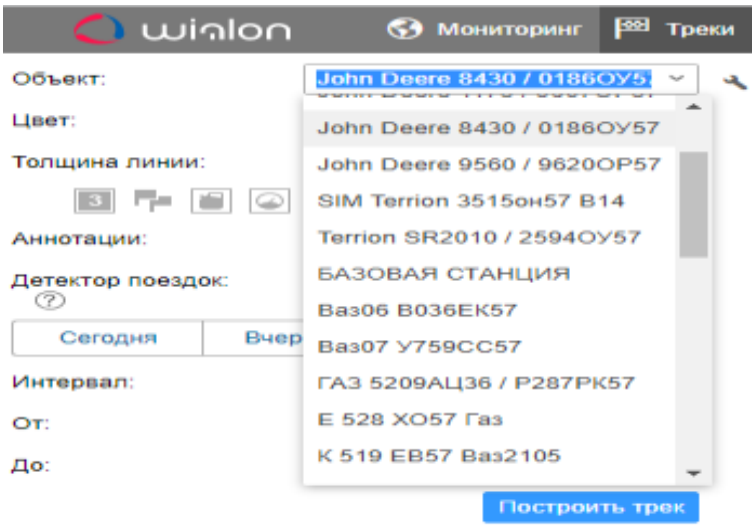

Рис. 2. *Составляющие элементы программы Wialon*

Применение программы позволяет: вести учет работы техники; отмечать простои; отслеживать расход топлива; учитывать объем выполненных работ. Программа Wialon позволяет построить трек на определенный вид техники, указав дату выполнения работы. По треку можно будет с помощью специальной линейки рассчитать объем выполненных работ (рис. 3).

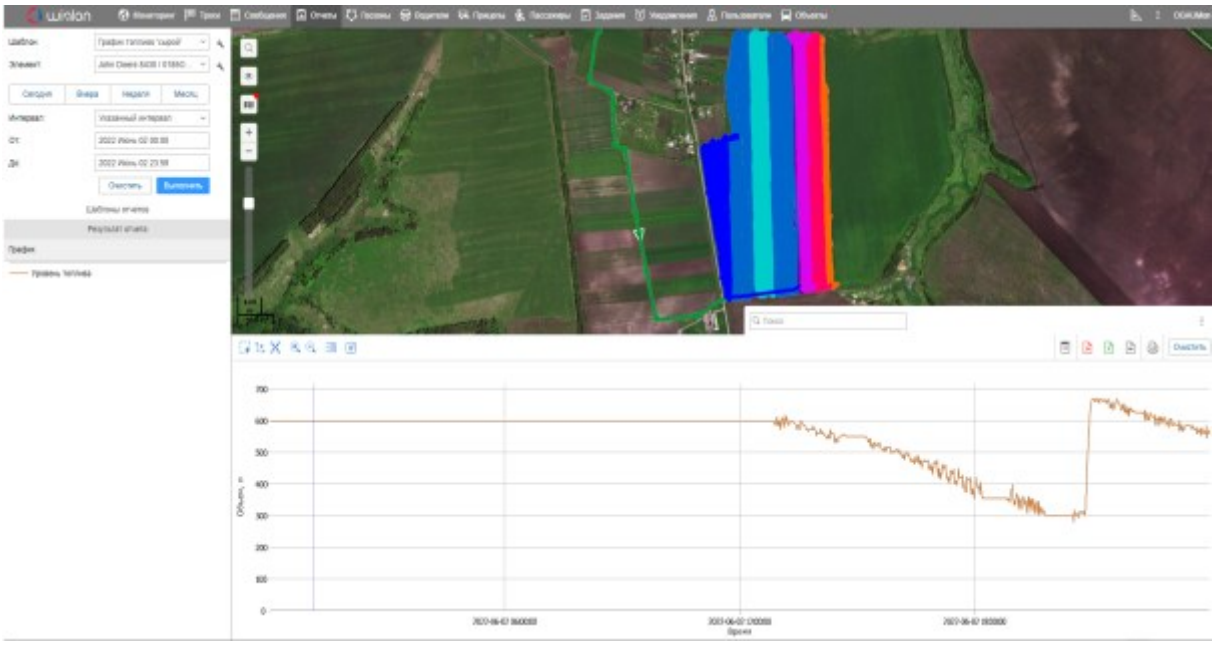

Рис. 3. *Мониторинг работ*

Отметим, в верхней части рис. 3 отмечен (зафиксирован) объем выполненных работ, в нижней части показан расход топлива в баке. В этой связи одним из направлений инновационного развития является внедрение принципов цифровой экономики в агросферу [1]. На наш взгляд, применение программы Wialon позволит выйти на новый уровень организации работы, повы-

сить эффективность масличной отрасли при условии применения элементов цифрофизации. Анализируя высказывания авторов по вопросам влияния различных факторов на экономическую эффективность производства масличных культур, можно сделать вывод, что большинство авторов придерживаются, в первую очередь, мнения, что основополагающим фактором развития производства являются посевные площади сельскохозяйственных организаций. Мы согласны с этим мнением, но, на наш взгляд, следует обратить внимание как на объемы производства, так и на количество сельскохозяйственных организаций, занимающихся возделыванием масличных культур. Следовательно, факторы, влияющие на экономическую эффективность, весьма различны и в той или иной степени воздействуют на повышение уровня экономической эффективности производства. Ежегодное изменение направлений и механизмов государственной поддержки сельского хозяйства делает государственную поддержку непрогнозируемой, повышает риски реализации инвестиционных проектов в сфере сельского хозяйства [8]. При этом внедрение инновационных технологий – главный фактор высокой эффективности [7]. Более детально определим влияние эффективности технической базы на экономическую эффективность (табл. 3).

Таблица 3

Показатели, отражающие влияние технической базы на производство рапса в сельскохозяйственной организации

Масличные культуры	Фонд оснащённость, тыс. руб. / га	Энерговооружённость, л.с. / чел.-час.	Удельный вес рапса в структуре посевных площадей, %	Оснащённость комбайнов рапсовыми столами, ед./га
	538,9	3,9	4,7	0,01

Таким образом, из полученных данных видно, что удельный вес рапса в структуре посевной площади составляет 4,75%, оснащённость комбайнов рапсовыми столами составляет 0,01 ед. /га. Что же касается такого показателя, как энерговооружённость, то он в 2019 г. составляет 3,9 л.с /чел.-час. Преимуществом использования процедуры обобщенной модели для анализа результатов полевых опытов является возможность построения моделей по средним данным в случае отсутствия информации по повторностям [6]. Также наблюдается зависимость урожайности от наличия энергетических мощностей в хозяйстве, что подтверждено проведением корреляционного анализа, свидетельствующего о том, что связь между урожайностью масличной культуры и наличием энергетических мощностей тесная, зависимость обратная, т. е. одному значению результативного признака будут соответствовать 1 и более значений факторного. Следовательно, вариация урожайности за исследуемый период на 64% обусловлена наличием энергетических мощностей и на 36% влиянием неучтенных факторов, которые в данном случае не изучались. Для того чтобы добиться увеличения прибыли от реализации и, соответственно, рентабельности продукции, необходимо выявлять неиспользуемые в производственном процессе основные фонды, что приведет к снижению производственных затрат [2].

Основываясь на результатах полученного прогноза (табл. 4), можно сделать вывод, что рациональность формирования и использования технической базы производства масличных культур во многом определяет экономическую эффективность отрасли.

Таблица 4

Прогнозный сценарий экономической эффективности производства масличных культур

Варианты прогноза	Средние прогнозируемы значения фактора			Прогнозируемая прибыль на 1га, тыс. руб.	Отношение прогнозного показателя к фактическому, %
	Энерговооружённость, л.с./чел.	Удельный вес рапса в структуре посевных площадей, %	Оснащённость комбайнов рапсовыми столами, ед./тыс. га		
Снижение уровня развития технического потенциала	3,5	4,05	0,009	7,83	90
Поступательное развитие технического потенциала	4,19	4,95	0,011	9,57	110

Эффективное развитие производства масличных культур также зависит от технической оснащённости производства и рационального использования ресурсного потенциала. Это одна из важнейших функций эффективного менеджмента, необходимая для успешного развития организации. Кроме этого, повышение эффективности производства масличных культур связано с ролью государственного стимулирования, направленного на наращивание их объемов. На региональном уровне согласно Постановлению Правительства Орловской области от 8 апреля 2020 г. № 219 был утвержден порядок предоставления субсидии на стимулирование увеличения производства масличных культур. В которых отмечено, что субсидии предоставляются сельскохозяйственным товаропроизводителям (без учета налога на добавленную стоимость) для возмещения части затрат на производство масличных культур на 1 тонну реализованных и (или) отгруженных на собственную переработку масличных культур. Следовательно, совокупное применение элементов цифровой экономики и государственного стимулирования развития масличной отрасли позволит уделять внимание проблеме эффективности производства масличных культур, его оценке, выявлению критических контрольных точек с целью обоснования и реализации актуальных направлений развития.

3. Выводы

Таким образом, эффективный агробизнес предполагает повышение конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. При оценке эффективности инновационной технологии следует учитывать обстоятельства, что некоторые показатели являются прямым следствием внедрения инновационных технологий, а другие связаны с ними опосредованно. Считаем, что применение программы Wialon позволит выйти на новый уровень организации работы, повысить эффективность масличной отрасли при условии применения элементов цифрофизации. Реализация на практике всех перечисленных мероприятий по улучшению технологии производства масличных культур позволит, на наш взгляд, повысить урожайность, качество продукции и в целом повысить экономическую эффективность данной отрасли.

Литература

1. Дохолян, С. В., Балиянц, К. М. Теоретические и практические подходы к стратегическому развитию агропромышленного комплекса СКФО на основе цифровизации // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 1. С. 82–97.
2. Дударева, А. Б., Докальская, В. К. Управление инвестиционными возможностями воспроизводства основных фондов // Вестник аграрной науки. 2022. № 1 (94). С. 78–84.
3. Гасанова, А. Д., Эминова, Э. М. Использование стратегического анализа в практике предприятий АПК // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 12 (62). С. 55–61.
4. Кравченко, Т. С., Сухочева, Н. А., Волченкова, А. С. Инновационный подход формирования бизнес-потенциала отрасли растениеводства : монография. – Орел, 2017.
5. Ловчикова, Е. И., Солодовник, А. И. Цифровая экономика и финансово-инфраструктурное обеспечение : взаимосвязь, проблемы и перспективы. // Банковский сектор : состояние, тенденции и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 103–107.
6. Мельник, А. Ф., Шуметов, В. Г., Кондрашин, Б. С. Использование процедуры обобщенной линейной модели для анализа результатов сельскохозяйственных исследований // Успехи современного естествознания. 2019. № 2. С. 23–29.
7. Рыбалко, Т. С. Инновационные технологии в растениеводстве Орловской области // Техника и оборудование для села. 2009. № 4. С. 20–23.
8. Polukhin, A. A, Grudkina, T. I., Grudkina, M. A. Factors increasing the effectiveness of state support in agriculture // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. 274, conference 1. – URL : https://doi.org/10.1088/1755-1315/274/1/012113.
9. URL : http://www.gks.ru/ (дата обращения 15. 07.2022 г.).
10. URL : http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/ (дата обращения 25.07.2022 г).

References:

1.Doholyan, S. V., Baliyanc, K. M. Teoreticheskie i prakticheskie podhody k strategicheskomu razvitiyu agropromyshlennogo kompleksa SKFO na osnove cifrovizacii // Problemy rynochnoj ekonomiki. 2022. № 1. S. 82 –97.
2. Dudareva, A. B., Dokal'skaya, V. K. Upravlenie investicionnymi vozmozhnostyami vosproizvodstva osnovnyh fondov // Vestnik agrarnoj nauki. 2022. № 1 (94). S. 78–84.
3. Gasanova, A. D., Eminova, E. M. Ispol'zovanie strategicheskogo analiza v praktike predpriyatij APK // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2015. № 12 (62). S. 55–61.
4. Kravchenko, T. S., Suhocheva, N. A., Volchenkova, A. S. Innovacionnyj podhod formirovaniya biznes-potenciala otrasli rastenievodstva : monografiya. – Orel, 2017.
5. Lovchikova, E. I., Solodovnik, A. I. Cifrovaya ekonomika i finansovo-infrastrukturnoe obespechenie : vzaimosvyaz', problemy i perspektivy. // Bankovskij sektor : sostoyanie, tendencii i perspektivy razvitiya : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S. 103–107.

6. Mel'nik, A. F., SHumetov, V. G., Kondrashin, B. S. Ispol'zovanie procedury obobshchennoj linejnoj modeli dlya analiza rezul'tatov sel'skohozyajstvennyh issledovanij // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. 2019. № 2. S. 23–29.
7. Rybalko, T. S. Innovacionnye tekhnologii v rastenievodstve Orlovskoj oblasti // Tekhnika i oborudovanie dlya sela. 2009. № 4. S. 20–23.
8. Polukhin, A. A, Grudkina, T. I., Grudkina, M. A. Factors increasing the effectiveness of state support in agriculture // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. 274, conference 1. – URL : https://doi.org/10.1088/1755-1315/274/1/012113.
9. URL : http://www.gks.ru/ (data obrashcheniya 15. 07.2022 g.).
10. URL : http://orel.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/orel/ru/ (data obrashcheniya 25.07.2022 g).

УДК 332.13

ДОХОЛЯН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН»,
e-mail: sergsvd@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-27-35

МЕХАНИЗМ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ РЕГИОНОВ

Аннотация. *В представленной статье рассматриваются методологические основы формирования механизма устойчивого социально-экономического развития проблемных регионов. В проблемных регионах именно с помощью механизма управления устойчивым социально-экономическим развитием разрабатывается и внедряется стратегия развития региона и его социально-экономическая политика. Оптимизация политики региона, определение региональных пропорций процесса воспроизводства позволит добиться устойчивого развития экономики региона РФ, обеспечить его сбалансированное развитие. Структурно социально-экономическая политика представляет собой сложную многофункциональную систему, являющейся частью региональной политики федерального уровня.*

Ключевые слова: *механизм, концепция, устойчивое развитие, экономика региона, экономическая политика, проблемные регионы, социально-экономическое развитие региона, парадигма, социо-эколого-экономическая система.*

DOKHOLYAN SERGEY VLADIMIROVICH
Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala,
e-mail: sergsvd@mail.ru

MECHANISM OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF PROBLEM REGIONS

Abstract. *The article discusses the methodological foundations of the formation of a mechanism for sustainable socio-economic development of problem regions. In problem regions, it is with the help of a mechanism for managing sustainable socio-economic development that a regional development strategy and its socio-economic policy are developed and implemented. Optimization of the region's policy, determination of regional proportions of the reproduction process will allow achieving sustainable development of the economy of the region of the Russian Federation, ensuring its balanced development. Structurally, socio-economic policy is a complex multifunctional system that is part of the regional policy of the federal level.*

Keywords: *mechanism, concept, sustainable development, regional economy, economic policy, problem regions, socio-economic development of the region, paradigm, socio-ecological and economic system.*

Введение. Новые явления глобализации на современном этапе развития общества становятся характерными особенностями развития не только региональной, но и мировой экономики. Особенно ярко это выражается в информатизации, транспарентности, интеграции, реинтегрировании, в динамичном развитии экономических процессов. Происходит своего рода процесс сближения регионов государств, который получил название «регионализация глобализа-

ции».

Но каждому региону присуще своя уникальная социально-экономическая структура, свои природная специфика и т.д. Это и задает направление развития хозяйственной деятельности в регионе и возможности для привлечения инвестиций. Таким образом, для региональной экономики свойственно найти закономерности развития хозяйства.

В настоящее время многие российские регионы так или иначе являются проблемными.

Для проблемных регионов РФ ограничены возможности для того, чтобы выбрать альтернативные сценарии своего развития. Негативные процессы, происходящие в российской экономике, стали причиной для создания «новой» стратегии роста и применения совершенно новых инновационных инструментов, с помощью которых необходимо стимулировать развитие региона.

Ряд региональных проблем требуют первоочередного решения, поскольку от этого решения зависит развитие страны в целом. К таким проблемам относятся проблемы социального и экономического характера, а также регулирование структуры экономики с учетом присущих региону природной и национальной специфики. Это объяснимо, так как регион является национальной частью государства.

Методы исследования. «Концепция устойчивого развития (sustainable development) – одна из современных, наиболее распространенных и поддерживаемых мировым сообществом концепций взаимодействия общества и природы. Концепция была призвана стать альтернативой традиционно потребительскому отношению к природе» [1].

При этом главная современная цивилизационная цель была сформулирована таким образом: «Найти способы существования цивилизации, не только позволяющие сохранять уже достигнутый уровень жизненного потенциала человечества, но и обеспечивающие его постоянный рост в течение неопределенно длительного времени» [2].

Разные ученые в своих трудах говорили о том, что в современных условиях необходимо сменить парадигму развития цивилизации. Решение данной проблемы можно увидеть во многих работах ученых. (труды В.И. Вернадского [3], Н.Н. Моисеева [4], В.А. Коптюга [5], Д. Медоуза [6] и др.).

Российские исследователи также интересовались вопросами устойчивого развития экономики в проблемных регионах. Это обусловлено тем, что динамическое равновесие социально-экономической системы интересует и российских ученых, так как сохранение динамического равновесия позволяет региону добиться безопасного, стабильного и целостного развития. Решение проблемы устойчивости социально-экономической системы возможно, только если будет сформирован научный фундамент с методическим обеспечением механизма управления устойчивостью развития экономики, а также сопровождающийся обоснованными действиями органов власти региона на всех уровнях управления.

Исследование проблем социального и экономического развития региона представлен в работах таких отечественных ученых, как Попова Л.А. [7], Синюка Т.Ю. [8], Прущак О.В. [9], Евченко А.В. [10], Сорокина Н.Ю. [11], Куянцева И.А., Кильчукова А.Л., Канаметова Д.А. [12], Пономарева М.А. [13].

Переход к устойчивому развитию тормозится явными сложившимися экологическими проблемами, исчерпаемостью природных ресурсов, и при этом отсутствуют четкие способы, с помощью которых эти проблемы будут решены, что говорит об отсутствии соответствующей теоритической базы, которая позволит целесообразно решить эти проблемы. Данная концепция своего рода альтернатива существующим концепциям, и важным ее отличием является усовершенствование подходов к ее реализации, которые будут соответствовать как современным условиям, так и работать на перспективу.

В настоящее время концепция устойчивого развития становится необходимой парадигмой, которая позволит сбалансировать экономическую, социальную и экологическую области развития страны. В современных условиях под «устойчивым социально-экономическим развитием» понимается сбалансированные социальные, экономические и экологические процессы.

Целенаправленный процесс управления экономической системой, ориентированный на экономический рост и рост уровня качества жизни при минимальных угрозах экологии, является устойчивым социально-экономическим развитием.

На рис.1 выделены основные факторы, которые сдерживают устойчивое развитие экономики государства.

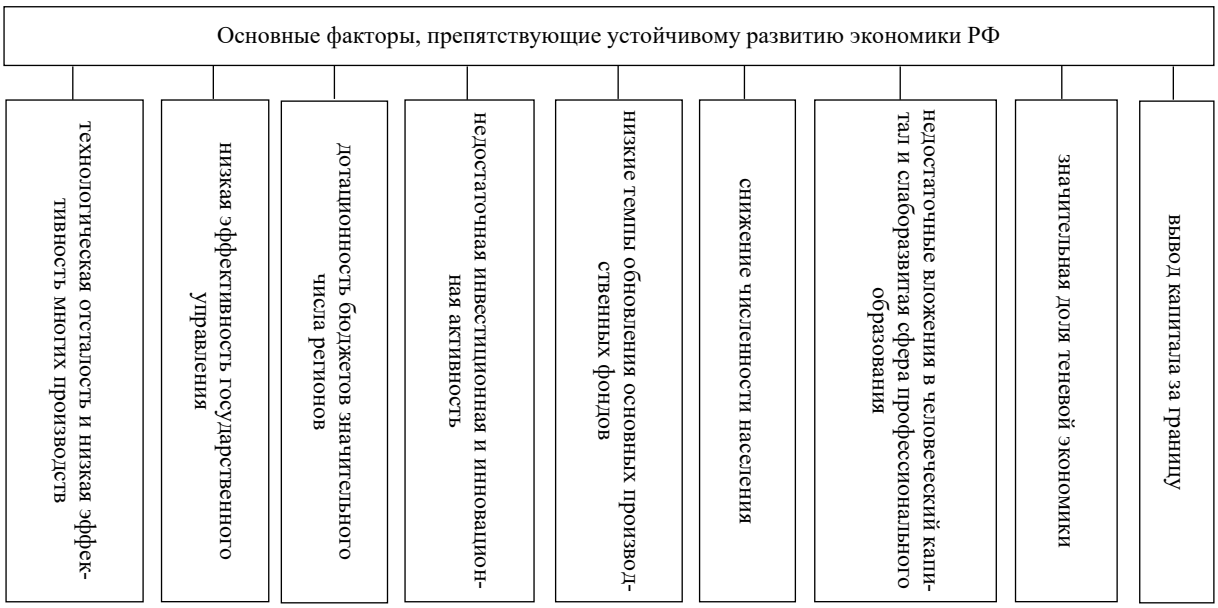

Рис. 1. *Основные факторы, сдерживающие устойчивое развитие экономики государства*

Возникновение экономики устойчивого развития произошло в начале XXI в., когда формировалась социально-экономическая парадигма, основная направленность которой была нацелена на то, чтобы поддержать в устойчивом состоянии следующую целостную систему: экология – экономика – социум. Таким образом, главным объектом экономики устойчивого развития является социо-эколого-экономическая система (СЭЭС), представляющая собой переплетение таких систем, как социальная, экологическая и экономическая, которые вместе функционируют в конкретной институциональное среде. Все выделенные подсистемы выполняют в СЭЭС разные функции.

Устойчивость развития региона дает возможность не только погасить отрицательное влияние различного рода факторов, будь то внешнеэкономические или институциональные, но и в сложившихся условиях найти преимущества, которые позволили бы территориям обрести новые свойства.

Любое управление и, в частности, управление устойчивым развитием региона подразумевает создание необходимого механизма управления.

Такой механизм управления устойчивым развитием экономики региона состоит в том, чтобы сбалансировать действие всех его элементов путем применения мер экономического, административного, правового характера и собственных ресурсов, для того чтобы быстро и эффективно среагировать на меняющееся состояние внешней и внутренней среды, успешно реализовать стратегию развития с целью обеспечить устойчивое развитие региона.

«Методологически механизм регулирования развития региона формируется на основе теоретических положений и соответствующих им действующих и проектируемых законодательных актов, определяющих нормы и правила функционирования региональной хозяйственной системы в рамках соблюдения предельных параметров поведения субъектов рыночных отношений. При этом развитие хозяйственной системы региона с точки зрения учета интересов населения должно быть социально ориентировано» [14].

Система регионального развития находится под влиянием не только всеобщих законов развития. На нее оказывает воздействие и экономические законы, в которых отражаются все причинно-следственные связи, присущие всем экономическим явлениям и процессам. В основе механизма управления устойчивым развитием экономики региона особенности, связанные с развитием региона. Закономерный процесс прогрессивных изменений качественного и количественного состояния системы региона, посредством которой создаются наилучшие условия для обеспечения качества жизни населения, является региональным развитием. Поэтому устойчивое развитие экономики региона на современном этапе один из актуальных вопросов.

Управление развитием региона в существующих теориях описывается как отдельная группа методов административного, правового, экономического, социального характера без соединения их в целое. При этом принцип устойчивости развития не применяется ни одной из известных теорий.

Поскольку регион – эта система, состоящая из элементов, которые связаны межу собой, то справедливо сказать, что данная система обладает такими свойствами, как сохранение равновесия под воздействием среды.

В основе такой способности лежит механизм эволюции, своего рода приспособления к изменениям, происходящим в среде. И если в отношении природных систем данный механизм получил освещение в научной литературе, то в отношении социально-экономических систем он изучен незначительно.

Переход региональной системы с одного этапа развития на другой при негативных изменениях и нестабильной ситуации, происходящих во внешней среде, осуществляется с помощью механизма устойчивого социально-экономического регионального развития. К основным факторам такой нестабильности относится обострение политической ситуации, экономическое ослабление страны, технологические изменения, экологические воздействия и т.д.

Достижение региональной системой состояния, которое сохранит и, более того, обогатит региональную систему новыми качественными признаками, является целью механизма устойчивого социально-экономического развития региона. Задачи механизма группируются с учетом предметных областей[1] и уровней устойчивого социально-экономического развития[2].

Комплексная совокупность, включающая принципы, методы и инструменты с помощью которых органы региональной власти влияют на процессы социального и экономического характера, для того чтобы сделать наилучший стратегический выбор, в основе которого лежит система планирования, имеющая многоэтапную систему планирования, является механизмом управления устойчивым развитием экономики проблемного региона.

Системное использование методов административно-правового, экономического и социального характера, включая рычаги и инструменты управления, ресурсные средства, нацеленные на то, чтобы качественно адаптировать региональную систему к изменчивой среде, реализовать стратегию развития региона, обеспечить устойчивое развитие проблемного региона, представляет собой механизм управления устойчивым социально-экономическим развитием проблемного региона.

Механизму управления социально-экономическим развитием отведена системообразующая роль в механизме развития региона. Это обусловлено тем, что механизм управления социально-экономическим развитием, формируя цели устойчивого развития, стратегию устойчивого развития, а также разрабатывая пути её реализации, соединяет в целое все составляющие региональной системы.

Если переход системы региона с одного социально-экономического уровня на качественно новый под влиянием со стороны постоянно меняющейся среды и является механизмом устойчивого развития региона, то с помощью механизма управления развитием у данного перехода определяется направление, цель и обеспечивается устойчивость системы. Таким образом, устойчивость социально-экономической системы обеспечивается соответствующим управлением.

Для того чтобы достичь вышеизложенные цели, следует выработать социально-экономическую политику региона, ориентиры которой заложены в стратегию социально-экономического развития.

Механизм управления устойчивым социально-экономическим развитием выступает своего рода инструментом, с помощью которого разрабатывается и внедряется социально-экономическая политика региона.

Механизм, с помощью которого регулируется и обеспечивается социальное и экономическое развитие регионов, в совокупности с системой организации экономических отношений являются основой механизма управления развитием региона.

Механизм управления развитием субъекта Федерации является неотъемлемой частью федерального механизма управления регионами, основная цель которого заключается в достижении оптимальных условий, для того чтобы в регионах эффективно развивались экономическая и социальная сфера, с учетом постоянного изменения потребностей.

Государственные органы власти разрабатывают механизм управления устойчивым социально-экономического развитием региона, и в то же время сам механизм является отражением экономических принципов и закономерностей. В совокупности эти два аспекта дадут наиболее оптимальный механизм, с помощью которого будут эффективно развиваться регионы.

Устойчивое развитие задает равновесие региональной системе, которое рассчитывается с

[1] Здоровье населения, экономическая, продовольственная, общественная, информационная безопасность, обеспечение хозяйствующих субъектов и населения электроэнергией, рациональное использование природных ресурсов и т.д.
[2] Человек, предприятие, муниципальное образование, отрасль, регион.

использованием количественных и качественных показателей, а также их положительного прироста. Оптимизация политики региона, определение региональных пропорций процесса воспроизводства позволит добиться устойчивого развития экономики региона РФ, обеспечить его сбалансированное развитие.

«Под региональной экономической политикой в Российской Федерации (РФ) понимается система целей и задач по управлению экономическим и социальным развитием регионов, а также механизм их реализации. Региональная экономическая политика является органической частью общей социально-экономической политики государства, синтезирующей ее региональные аспекты. Она направлена на всемерное использование благоприятных и нивелирование действия негативных региональных факторов для достижения общих стратегических целей и задач социально-экономического развития страны и ее регионов. Вместе с тем это часть общей региональной политики, создающая экономические основы целостности российского государства, всех жизненно важных направлений развития и обустройства российского общества» [15].

В результате взаимодействия объективные факторы и условия политики, которая проводится в регионе, взаимодействуя между собой, создают ситуацию, исходя из которой и определяются различия в развитии того или иного региона, а также перспективы его развития.

Россия – это государство, которое по своему географическому положению, этническому разнообразию, социальной и экономической дифференциации уникально. Природно-климатические, культурно-исторические факторы, а также процесс формирования структуры хозяйства региона определяют социально-экономическую дифференциацию регионов.

Любое государство становится перед решением такой важной макроэкономической задачи, как сведение к минимуму неравномерностей в социально-экономическом развитии своих субъектов.

Поэтому стратегически важным для России является проведение сильной государственной региональной политики, направленной на сглаживание чрезмерной дифференциации территорий в уровнях социально-экономического развития [15].

Инструменты регулирования региональной экономики, соответствующие мировым правилам информационной экономики, применяемые проблемными регионами, которые не имеют собственного естественного потенциала, дает им возможность на современном этапе повысить конкретность региона и, соответственно, качество жизни своего населения.

«С этих позиций основными целями региональной политики являются: обеспечение экономических, социальных, правовых и организационных основ федерализма в РФ, создание единого экономического пространства; обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, обеспечение социальной помощи и гарантирование социальных прав граждан независимо от экономического положения региона. Одновременно реализация этих и других целевых установок предполагает выравнивание условий социально-экономического развития регионов, максимальное использование природно-климатических особенностей регионов – создание условий для укрепления собственной экономической базы регионов, а также в рамках комплексной экологической защиты предотвращение загрязнения окружающей среды подведомственных территорий» [15].

Кроме частных темпов воспроизводства экономики, на развитие направлений экономики проблемных регионов влияет темпы роста ВВП страны в целом. При этом необходимо учитывать как природные, так и исторические и этнические особенности региона, включая производственные и людские ресурсы. В то же время мультипликативный эффект будет достигнут, если из всего многообразия вариантов будет выбраны именно приоритетные.

«Структурно социально-экономическая политика представляет собой сложную многофункциональную систему, являющейся частью региональной политики федерального уровня и включающей в себя ряд подсистем: бюджетно-налоговая политика, инвестиционная политика, промышленная политика, аграрная политика и другие структуры. На рис. 2 представлен один из возможных вариантов блок-схемы структуры социально-экономической политики региона, посредством которой ее ключевые составляющие увязываются каналами прямой и обратной связи в единую систему» [15].

Возросшая необходимость обеспечить территориальную целостность государства на принципах построения федеративных отношений в современных условиях привели к тому, что исследования большей части проблем, связанных со стратегическим развитием, сместились в предметную область экономики региона [15].

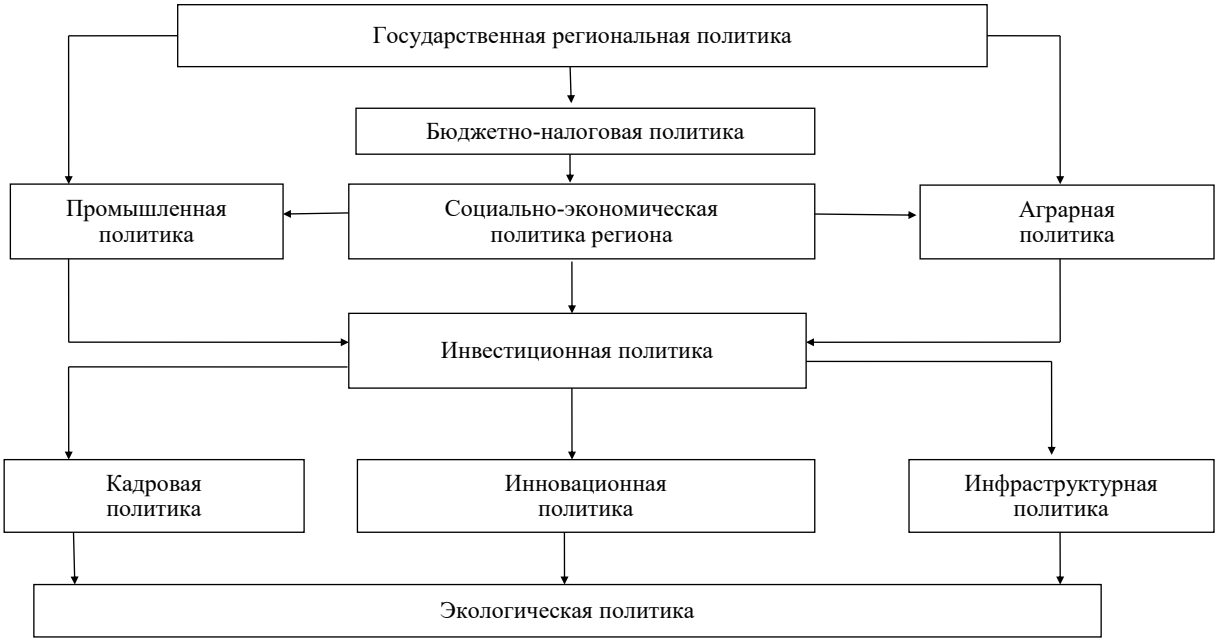

Рис. 2. *Блок-схема структуры социально-экономической политики региона [15]*

Обеспечить стабильность, устойчивость и непрерывное развитие региона в будущем является основной задачей, которая стоит перед всеми регионами России. Именно стратегическое поведение субъектов имеет исключительно важное значение. Производимая продукция будет конкурентоспособна и приносить прибыль, если товаропроизводители будут чутко реагировать на динамичное изменение ситуации на рынке, конструктивно использовать информационные технологии, разумно применять механизм цен [16].

Стратегия социально-экономического развития проблемного региона определяется формами проявления устойчивого развития. При этом социально-экономические проблемы стоят на особом месте, так как от их решения зависит достижение главной цели развития региона – увеличить вклад регионов в общий прирост национального богатства и улучшить условия и качество жизни регионального социума.

«Региональный хозяйственный комплекс функционирует под влиянием разнонаправленных экономических интересов: национальных, региональных и хозяйствующих субъектов. При быстро меняющихся социально-политических и экономических условиях перед хозяйствующими субъектами проблемного региона стоит задача обеспечения не только выживаемости, но и реализации своего потенциала через повышение прибыльности производства. Каждый из них должен разрабатывать и реализовывать собственную стратегию, потребность, формирование которой вызвано самим процессом социально-экономического развития и главной его целью – повышением эффективности производства в сочетании с устойчивым ростом уровня жизни населения» [15].

Поскольку регионы имеют различные географические, природные, национальные и социально-экономические признаки, они отличаются и по уровню развития своего региона. Таким образом, стратегические задачи развития того или иного региона определяются региональными аспектами [15].

Стратегия развития региона является основным документом, генеральным планом, в котором дано направление социального и экономического развития региона, определены его цели и задачи, сценарии развития с учетом сложившейся ситуации в регионе.

Стратегия социально-экономического развития формируется с учетом тех особенностей, которые присущи региону и которые способствуют развитию в нем инновационной политики.

Наличие стратегии развития – важное конкурентное преимущество региона. Исходя из практического опыта, разный тип регионов, соответственно, имеет разную стратегию развития. Новая стратегия – это поэтапный переход на новый уровень развития в экономической, социальной и экологической сферах региона.

Основными задачами развития региона являются определение приоритетов развития регионов с наилучшим распределением ресурсов, с сглаживанием слабых сторон региона и усилением сильных. «В обобщенном виде основными функциями стратегии следует считать: диа-

гностическую, измерительную, прогнозную, дифференцирующую, защитную, информационно -накопительную, стимулирующую» (рис. 3) [15].

Установление путей развития региона, выбор инструментов управления проводится после того, как сделана оценка устойчивости развития региона, в основе которой лежит стратегический анализ и с помощью которой можно уйти от воздействия отрицательных факторов развития и применить свои преимущества в развитии региона. В стратегическом анализе региона применяются SWOT и PEST-методики. В результате такого анализа определяются наилучшие пути развития для конкретного субъекта-региона. И такой анализ ложится в основу самой стратегии развития региона. В самой стратегии уже с помощью методов и инструментов развития определяется, какие сферы экономической и общественной жизни региона необходимо развивать.

Повышение конкуренции, движение с большой скоростью перемен, которые мы можем наблюдать в настоящее время в обществе и экономике, подталкивают государство к разработке механизма управления устойчивым развитием региона. Подобные глобальные вызовы не под силу традиционному планированию. Мировая практика подтверждает первоочередность стратегии перед тактикой. Благосостояние населения страны зависит от устойчивости социально-экономической системы региона, которая, в свою очередь, зависит от последовательности и структурированности задач стратегии, рационального применения ресурсов, поэтапного и последовательного проведения планируемых мероприятий.

Рис. 3. *Основные функции стратегии регионального развития*

В современных условиях, когда внешняя среда характеризуется постоянной нестабильностью, механизм управления устойчивым развитием выступает главным инструментом, с помощью которого государство управляет экономикой проблемных регионов.

Стабильное социально-экономическое развитие в регионе достигается посредством его устойчивого развития, что, в свою очередь, формирует основную доходную часть бюджета региона, обеспечивает эффективную занятость населения, успешное развитие социальной инфраструктуры, обеспечивает платежеспособный спрос. А это в дальнейшем позволит развивать промышленность, предпринимательство и торговлю, что повлечет за собой повышение уровня и качества жизни населения региона.

Для того чтобы в регионе сложились благоприятные условия для развития бизнеса, были минимизированы возможности создания в регионе конфликтных ситуаций на социальном уровне, создание стратегии должно происходить с учетом пожеланий участников данного процесса. Так, необходимо сбалансировать интересы органов региональной власти и хозяйственных субъектов региона. Такой баланс интересов достигается посредством таких инструментов, как социальное партнерство и учет особенностей региона. Не менее необходимо сбалансировать взаимодействие региональных органов и бизнес сообщества

Для того чтобы решить проблемы социально-экономического развития, которые, как правило, носят комплексный характер, следует с учетом нехватки ресурсов сбалансировать действие всех субъектов с соблюдением их интересов. Кроме того, действующий механизм устойчивого развития требует дополнения и усовершенствования, выражающихся в учете особенностей региона, его экономической деятельности.

Структура и элементы региональной системы, которые рассматривались различными исследователями, требуют дополнения, поскольку в современных реалиях не являются полными. Это обусловлено тем, что не учитывались интересы стейкхолдеров[3], к которым относятся

[3] Стейкхóлдер (англ. stakeholder), также заинтересованная сторона, причастная сторона, участник работ, роль в проекте – лицо или организация, имеющая права, долю, требования или интересы относительно системы или её свойств, удовлетворяющих их потребностям и ожиданиям

финансовые и инвестиционные институты, образовательные организации и научные институты, бизнес-структуры, социальные учреждения. Поэтому рекомендуется новый организационно-экономический механизм, который включает комплекс элементов, который позволит региону эффективно развиваться, состоящий из: государственных органов[4], бизнес-структур[5], социальных учреждений[6], образовательных организаций и научных институтов[7], инвестиционно -инновационного институтов развития[8], финансовых институтов[9].

Основное направление совершенствования механизма регионального развития состоит в выделении состава участников, усилия которых в совокупности должны быть направлены на решение стоящих перед ними задач системного значения. При этом действие элементов необходимо детализировать, а в основу механизма должно быть заложены равные права и взаимная выгода всех субъектов региональной системы.

В проблемных регионах действие механизма устойчивого социально-экономического развития находится под воздействием предпосылок, стимулов и факторов.

«Сбалансированность механизма устойчивого социально-экономического развития проблемного региона обеспечивается минимизацией сопротивления структурных элементов социально-экономической системы региона. Своевременное устранение с учетом системы взаимодействия решит существующие проблемы и предупредит возникновение новых проблем» [16].

Выводы. В заключение представляется важным отметить наиболее значимые аспекты регионального развития. «Экономика – это самовыживающая система, которая, несмотря на все сложности, угрозы и вызовы, рано или поздно находит верные решения и пути их реализации» [15]. Обеспечить стабильность, устойчивость и непрерывное развитие региона в будущем является основной задачей, которая стоит перед всеми регионами России. Именно в этом направлении должны работать органы региональной власти. В проблемных регионах именно посредством механизма управления устойчивым социально-экономическим развитием разрабатывается и внедряется стратегия развития региона и его социально-экономическая политика. Оптимизация политики региона, определение региональных пропорций процесса воспроизводства позволит добиться устойчивого развития экономики региона РФ, обеспечить его сбалансированное развитие.

Литература

1. Бринчук, М. М. Концепция устойчивого развития : потребности в совершенствовании // Астраханский вестник экологического образования. 2015. №. 1 (31). С. 5–13.
2. Программа действий: Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро в популярном изложении / Центр «За наше общее будущее». – Женева, 1993.
3. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста [Текст] / В.И. Вернадский. – М. : Наука, 1988.
4. Моисеев, Н. Н. Элементы теории оптимальных систем [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М., 1975. С. 479–490.
5. Коптюг, В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь, 1992) [Текст] / В.А. Коптюг // Информационный обзор, РАН, СО. – Новосибирск, 1992. С. 24.
6. Meadows, D. H. The Limits to Grow – A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, W.W. Behrens. – New York, 1974.
7. Попов, Л. А. Концепция устойчивого развития, или Новая социально-экономическая парадигма // Учет и статистика. 2012. № 2 (26). С. 65–68.
8. Синюк, Т. Ю. Концепция устойчивого развития как базис формирования системы диагностики социально-экономического развития региона // Наука и бизнес : пути развития. 2012. № 5. С. 110.
9. Прущак, О. В. Роль концепции устойчивого социально-экономического развития в решении глобальных проблем современности // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности. 2019. С. 232–238.
10. Евченко, А. В. Трансформация целевых ориентиров регионального социально-экономического роста в условиях перехода к реализации концепции устойчивого развития // Экономический рост как основа устойчивого развития России. 2019. С. 231–238.

[4] В этом качестве выступают представительные и исполнительные органы государственной власти региона.
[5] В этом качестве выступают организации, осуществляющие свою хозяйственную и иную деятельность в регионе.
[6] В этом качестве выступают разного рода объединения и союзы, представляющие интересы различных экономических субъектов, включая домохозяйства, а также общественные советы при органах государственной власти, торгово-промышленные палаты, союзы промышленников и предпринимателей, региональные объединение работодателей и т.д.
[7] В первую очередь учебные заведения, научно-исследовательские институты и т.д.
[8] Это, прежде всего, те структуры, которые обеспечивают финансовую, имущественную, образовательную, консультационную поддержку инновационной деятельности региона в рамках целевых комплексных программ и по своей сути являются проводниками государственной политики по поддержке инновационной деятельности, являясь частью региональной инновационной системы.
[9] В этом качестве выступают коммерческие банки, страховые, инвестиционные компании, пенсионные фонды, международные финансово-кредитные институты и т.д.

11. Сорокина, Н. Ю. Условия реализации концепции устойчивого социально-экономического развития регионов // Международная научно-практическая конференция «Региональная экономика, инвестиции, социально-экономическое развитие: теория, методология и концепция модернизации». 2013. С. 76–81.
12. Куянцев, И. А., Кильчукова, А. Л., Канаметова, Д. А. Методология формирования региональной концепции устойчивого социально-экономического развития // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 124–130.
13. Пономарева, М. А. Основы управления устойчивым развитием региона. – 2014.
14. Петросянц, В. З., Дохолян, С. В. Концептуальные основы стратегии регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2011. № 3. С. 40–50.
15. Петросянц, В. З., Дохолян, С. В. Особенности и условия формирования социально-экономической политики в субъектах Северо-Кавказского федерального округа // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 2 (36). С. 91–105.
16. Петросянц, В. З., Дохолян, С. В., Петросянц, Д. В. Концептуальные основы формирования организационно-экономического механизма регулирования регионального развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 4 (66). С. 51–58.
17. Дохолян, С. В. Совершенствование организационно-экономического механизма системного регулирования комплексного развития проблемных регионов // Экономика и предпринимательство. 2021. № 9 (134). С. 650–657.

References:

1. Brinchuk, M. M. Koncepciya ustojchivogo razvitiya : potrebnosti v sovershenstvovanii //Astrahanskij vestnik ekologicheskogo obrazovaniya. 2015. №. 1 (31). S. 5–13.
2. Programma dejstvij: Povestka dnya na XXI vek i drugie dokumenty konferencii v Rio-de-ZHanejro v populyarnom izlozhenii / Centr «Za nashe obshchee budushchee». – ZHeneva, 1993.
3. Vernadskij, V. I. Filosofskie mysli naturalista [Tekst] / V.I. Vernadskij. – M. : Nauka, 1988.
4. Moiseev, N. N. Elementy teorii optimal'nyh sistem [Tekst] / N.N. Moiseev. – M., 1975. S. 479–490.
5. Koptyug, V. A. Konferenciya OON po okruzhayushchej srede i razvitiyu (Rio-de-ZHanejro, iyun', 1992) [Tekst] / V.A. Koptyug // Informacionnyj obzor, RAN, SO. – Novosibirsk, 1992. S. 24.
6. Meadows, D. H. The Limits to Grow – A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind / D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, W.W. Behrens. – New York, 1974.
7. Popov, L. A. Koncepciya ustojchivogo razvitiya, ili Novaya social'no-ekonomicheskaya paradigma // Uchet i statistika. 2012. № 2 (26). S. 65–68.
8. Sinyuk, T. YU. Koncepciya ustojchivogo razvitiya kak bazis formirovaniya sistemy diagnostiki social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona // Nauka i biznes : puti razvitiya. 2012. № 5. S. 110.
9. Prushchak, O. V. Rol' koncepcii ustojchivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya v reshenii global'nyh problem sovremennosti // Rossijskaya obshchestvenno-gumanitarnaya nauka pered vyzovami sovremennosti. 2019. S. 232–238.
10. Evchenko, A. V. Transformaciya celevyh orientirov regional'nogo social'no-ekonomicheskogo rosta v usloviyah perekhoda k realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya // Ekonomicheskij rost kak osnova ustojchivogo razvitiya Rossii. 2019. S. 231–238.
11. Sorokina, N. YU. Usloviya realizacii koncepcii ustojchivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Regional'naya ekonomika, investicii, social'no-ekonomicheskoe razvitie: teoriya, metodologiya i koncepciya modernizacii». 2013. S. 76–81.
12. Kuyancev, I. A., Kil'chukova, A. L., Kanametova, D. A. Metodologiya formirovaniya regional'noj koncepcii ustojchivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. 2014. № 3. S. 124–130.
13. Ponomareva, M. A. Osnovy upravleniya ustojchivym razvitiem regiona. – 2014.
14. Petrosyanc, V. Z., Doholyan, S. V. Konceptual'nye osnovy strategii regional'nogo razvitiya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2011. № 3. S. 40–50.
15. Petrosyanc, V. Z., Doholyan, S. V. Osobennosti i usloviya formirovaniya social'no-ekonomicheskoj politiki v sub"ektah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2013. № 2 (36). S. 91–105.
16. Petrosyanc, V. Z., Doholyan, S. V., Petrosyanc, D. V. Konceptual'nye osnovy formirovaniya organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma regulirovaniya regional'nogo razvitiya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2016. № 4 (66). S. 51–58.
17. Doholyan, S. V. Sovershenstvovanie organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma sistemnogo regulirovaniya kompleksnogo razvitiya problemnyh regionov // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2021. № 9 (134). S. 650–657.

УДК 332.13

ДЕНЕВИЗЮК ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН г. Махачкала, Россия,
e-mail: d_dmitry@inbox.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-36-48

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

Аннотация. *В данной статье актуализирован методический инструментарий оценки комплексного социально-экономического развития городов, основанный на построении интегральных индикаторов, обобщающих частные статистические показатели их функционирования. На основе предложенных методических подходов проведены расчеты интегральных индикаторов социально-экономического развития городов Северо-Кавказского федерального округа с численностью населения свыше 100 тысяч жителей и представлена сравнительная характеристика основных тенденций их развития как в рамках каждой из городских подсистем, так и по интегральным характеристикам комплексного развития. В ходе подготовки статьи были использованы методы обобщения, сравнительного анализа и синтеза. Представленные методические подходы и результаты интегральной оценки уровня социально-экономического развития городов могут быть использованы органами государственной власти и муниципального управления при разработке и корректировке стратегий социально-экономического развития городов Северо-Кавказского федерального округа.*
Ключевые слова: *город, социально-экономическое развитие, оценка, комплексный подход.*

DENEVIZYUK DMITRY ALEXANDROVICH
Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the DFC Makhachkala, Russia,
e-mail: d_dmitry@inbox.ru

AN INTEGRATED APPROACH TO ASSESSING THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY

Abstract. *In this article, the methodological tools for assessing the complex socio-economic development of cities are updated, based on the construction of integral indicators summarizing private statistical indicators of their functioning. Based on the proposed methodological approaches, calculations of integral indicators of socio-economic development of cities of the North Caucasus Federal District with a population of over 100 thousand inhabitants are carried out and a comparative characteristic of the main trends of their development is presented both within each of the urban subsystems and according to the integral characteristics of complex development. During the preparation of the article, methods of generalization, comparative analysis and synthesis were used. The presented methodological approaches and the results of an integrated assessment of the level of socio-economic development of cities can be used by public authorities and municipal administration in the development and adjustment of strategies for socio-economic development of cities in the North Caucasus Federal District.*
Keywords: *city, socio-economic development, assessment, integrated approach.*

Введение. Динамика общественного развития в целом и экономики в частности с первых шагов цивилизации базировалась на городах, что, соответственно, вызывает интерес к их формированию, эволюциям различных аспектов их функционирования как центров цивилизации, экономики, технологий, гуманитарных практик [6, с. 172]. Город – это важная территориальная и административная единица; центр, обладающий сложной технической структурой и технологиями, где сосредотачиваются мощные производственно-экономические и финансовые

ресурсы; это система, которая обеспечивает взаимодействие политической, экономической, социальной и культурной жизни общества [4, с. 107]. Являясь крупными экономическими и социальными центрами, современные города бурно развиваются, что определяет необходимость выработки принципиально новых решений, накопившихся и нарастающих в них проблем [3, с. 286]. Значительные масштабы разрастания и неконтролируемого роста обуславливают столкновение городов с серьезными экономическими, социальными, экологическими и инфраструктурными проблемами, определяющими необходимость в своевременной, обоснованной и результативной модели городского развития. С одной стороны, города способны предоставить оптимальные условия для обеспечения устойчивого развития, в то же время если реальная реализация их роста и развития не будет иметь сбалансированный характер, то они со временем могут стать эпицентрами концентрации неравенства и неразумной эксплуатации ограниченных ресурсов, что формирует запрос на такие модели городского развития, которые позволят комплексно оценить параметры функционирования городов и выработать эффективные пути их развития [10, с. 50-51].

Основная часть.

1. Методические инструментарии оценки комплексного социально-экономического развития города.

Устойчивое развитие современных городов неосуществимо без комплексного подхода к реализации процессов обоснования и разработки управленческих решений. Комплексное освоение и развитие территорий – основа формирования современной урбанистической среды [11]. Комплексное развитие характеризуется в первую очередь совокупностью воздействия на систему для ее целенаправленного развития и приведения к определенному результату, также можно сказать, что это полнота охвата явлений и процессов рассматриваемой системы [9]. На наш взгляд, под комплексным социально-экономическим развитием города следует понимать поддерживаемый процесс качественных прогрессивных преобразований, при котором достигается высокая экономическая эффективность и устойчивое социальное благополучие горожан, а от их сочетания на городской территории создается положительный синергетический эффект.

Конечно, необходимо понимать, что развитие отдельного города не может характеризоваться каким-либо одним показателем, при этом поиск системы унифицированных показателей, адекватно описывающих функционирование и развитие группы городов, представляет собой актуальную задачу [7].

Для достижения целей комплексного социально-экономического развития города важно обеспечить объективную оценку ситуации и тенденций функционирования городской экономики и социальной сферы, что позволит определить слабые и сильные стороны городских подсистем, направленность трендов и в конечном счете обосновывать принятие качественных управленческих решений в той или иной области. Для практической реализации такой оценки в первую очередь необходимо сформировать такую систему показателей, которая бы позволяла обеспечить на основе первичных абсолютных и относительных статистических данных получение относительно несложных удельных величин, получаемых расчетным путем, которые в элементарном виде отражали бы сложившуюся ситуацию. На практике в качестве таких показателей можно использовать интегральные индикаторы комплексного социально-экономического развития города и его подсистем. Такие интегральные индикаторы, обеспечивая количественную и качественную характеристику объекта исследования, могут стать инструментом для диагностики, визуализации, оценки и обсуждения системных проблем городского развития и, соответственно, позволят своевременно скорректировать подходы к регулированию процессов, происходящих в экономике и социальной сфере города.

В предыдущих исследованиях нами была адаптирована и апробирована методика построения интегральных индикаторов устойчивого развития города, основанная на методических подходах российских ученых С. А. Айвазяна [1] и Н. Ф. Меновой [8], которая позволила осуществить оценку устойчивости развития города Махачкалы с 2001 по 2010 год [2]. Но расчеты по этой методике предполагали выбор в качестве объекта исследования одного отдельно взятого города. Целью же нашего исследования является определение комплексных интегральных характеристик группы городов, что, соответственно, немного меняет порядок и параметры расчетов. В связи с этим перед нами стоит цель уточнения и обоснования методики построения интегральных индикаторов, обобщающих частные статистические показатели, и демонстрация ее работоспособности на практике.

Построение интегральных индикаторов комплексного социально-экономического развития

городов будет основано на сведении интегральных характеристик соответствующих городских подсистем, а тех, в свою очередь, на свертке ряда частных статистически регистрируемых показателей. На рисунке 1 представлен вариант общей схемы иерархической структуры статистических показателей и интегральных характеристик. В расчете интегральных индикаторов развития города 2-го уровня должны быть использованы первичные статистические показатели (относительные), отражающие наиболее значимые стороны развития города.

Рис. 1. *Иерархическая структура формирования интегрального индикатора комплексного социально-экономического развития города.*
Источник*: разработано автором.*

При формировании базового набора исходных статистических показателей следует руководствоваться следующими требованиями:

1) ***Информационная доступность.*** Используемые для расчетов первичные показатели должны быть включены в номенклатуру официальных статистических изданий или вычислены из значений, туда включенных.

2) ***Представительность.*** В перечень, используемый для расчетов, должны быть включены первичные статистические показатели, максимально раскрывающие параметры и характеристики функционирования соответствующей подсистемы города.

3) ***Информационная достоверность.*** Задействованные в расчетах первичные статистические показатели должны адекватно отражать состояние анализируемого объекта.

4) ***Динамичность.*** Статистическая база исходных показателей должна быть сформирована за счет показателей динамики, то есть включать многомерные временные ряды.

Перед расчетом интегральных характеристик каждой из городских подсистем необходимо провести процедуру свертки исходных статистических показателей (стандартизации), то есть привести их величины к «общему знаменателю». Для этого с каждым из отобранных первичных статистических показателей необходимо осуществить такое преобразование (унификацию), по результатам которого они будут приведены к N-бальной шкале, при которой нулевая величина стандартизированного показателя будет соответствовать самой низкой характеристике качества, а наибольшая – самому высокому (при любом выбранном N). В наших расчетах будет принято N = 1. При этом выбор унифицирующего преобразования зависит от того, к какому из двух типов принадлежит анализируемый показатель – стимуляторам или дестимуляторам. Если увеличение статистического показателя положительно влияет на состояние соответствующей подсистемы, то его считают стимулятором. Если же рост показателя отрицательно влияет на характеристики подсистемы, то его считают дестимулятором [11]. Примем величину каждого отдельного первичного статистического показателя X_{ij} при унификации за X_{ij}^{o}. При этом если соответствующий статистический показатель является стимулятором, то расчет унифицированного значения показателя X_{ij}^{stim} будет осуществляется по формуле:

$$X_{ij}^{stim} = \frac{X_{ij} - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \cdot N \quad (1)$$

где X_{min} – минимальное значение *j*-го показателя *i*-го города,

X_{max} – максимальное значение j-го показателя *i*-го города.

Если же соответствующий первичный показатель является дестимулятором, то расчет унифицированного значения показателя X_{ij}^{dest} будет осуществляться по формуле:

$$X_{ij}^{dest} = \left(1 - \frac{X_{ij} - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}\right) \cdot N \quad (2)$$

Значение интегрального индикатора X_i^{int} для каждой из подсистем и каждого отдельного города в отдельности вычисляется из полученных унифицированных значений по формуле:

$$X_i^{int} = \frac{1}{m+k}\left[\sum_{j=1}^{m} X_{ij}^{stim} + \sum_{j=1}^{k} X_{ij}^{dest}\right] \quad (3)$$

где X_i^{int} – интегральный индикатор соответствующей подсистемы i-го города;

m – число показателей стимуляторов;

k – число показателей дестимуляторов.

Интегральный индикатор комплексного социально-экономического развития $X_{интегр.}$ соответствующего города вычисляется исходя из количества подсистем по следующей формуле:

$X_{интегр.} = (X_{экон.} + X_{демогр.} + X_{ур.жиз.} + X_{соц.инфр.})/4$ (4)

где $X_{экон.}$ – интегральный индикатор подсистемы экономического развития города;

$X_{демогр.}$ – интегральный индикатор подсистемы демографического развития города;

$X_{ур.жиз.}$ – интегральный индикатор подсистемы развития уровня жизни (благосостояния) жителей города;

$X_{соц.инфр.}$ – интегральный индикатор подсистемы развития социальной инфраструктуры города.

Оценку полученных интегральных значений показателей в том числе можно производить исходя из градации уровня развития, достигнутого соответствующей интегральной характеристикой, представленной в таблице 1.

Таблица 1

Градация уровней развития города и его подсистем в зависимости от достигнутых значений соответствующих интегральных характеристик

Уровень развития	Значение интегральной характеристики
Высокий уровень развития	0,8 – 1,0
Значительный уровень развития	0,6 – 0,8
Средний уровень развития	0,4 – 0,6
Низкий уровень развития	0,2 – 0,4
Критически низкий уровень развития	0,0 – 0,2

Источник: *разработано автором.*

Полученные в результате расчетов по представленной методике индикаторы позволят провести оценку социально-экономического развития как отдельного города, так и сравнительную характеристику основных тенденций развития группы городов как в рамках каждой из подсистем, так и по интегральным характеристикам комплексного развития.

2. Комплексная оценка уровня социально-экономического развития городов СКФО с численностью населения свыше 100 тысяч человек.

Основываясь на представленных выше методических подходах к определению интегральных характеристик функционирования города, попытаемся провести системную (комплексную) оценку социально-экономического развития городов Северо-Кавказского федерального округа.

Первоначально необходимо определиться с перечнем первичных показателей, которые позволят выявить комплексные характеристики уровня социально-экономического развития городов Северо-Кавказского федерального округа. Для комплексной оценки тенденций социально-экономического развития городов, на наш взгляд, необходим динамический ряд, включающий значения первичных показателей не менее чем за последние 5 лет. Источником официальной информации для такой оценки может выступить статистический сборник «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов», периодичность выпуска которого один раз в два года. При этом следует отметить, что в данном статистическом сборнике представляются сведения только о социально-экономическом развитии столиц регионов Российской Федерации, а также городов с численностью населения свыше 100 тысяч человек. В связи с этим в качестве объектов исследования были определены 14 городов Северо-Кавказского федерального округа, а именно Владикавказ, Грозный, Дербент, Ессентуки, Каспийск, Кисловодск, Махачкала, Назрань, Нальчик, Невинномысск, Пятигорск, Ставрополь, Хасавюрт, Черкесск. Анализ представленных в статистических сборниках сведений, позволил определить перечень показателей, отражающих основные проблемы и диспропорции в социально-экономическом развитии городов. Принимались в учет только относительные показатели, а все абсолютные приводились в относительный вид. При отборе показателей также принималось во внимание наличие полного динамического ряда без пробелов, так как отсутствие сведений даже по одному году нарушило бы систему расчета стандартизированных значений. В качестве динамического диапазона был определен временной промежуток в девять лет – с 2011 по 2019 год.

Таблица 2

Исходные относительные статистические показатели городских подсистем

Подсистемы комплексного развития города	Исходные относительные статистические показатели
1. Подсистема экономического развития (производственной сферы) города (X экон.)	1.1. Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на одного городского жителя, тыс. руб.
	1.2. Наличие основных фондов организаций на одного городского жителя (на конец года), тыс. руб.
	1.3. Степень износа основных фондов (на конец года), %
	1.4. Удельный вес полностью изношенных основных фондов в общем объеме основных фондов, %
	1.5. Инвестиции в основной капитал на одного городского жителя (в фактически действовавших ценах), тыс. руб.
2. Подсистема демографического развития города (X демогр.)	2.1. Прирост численности населения, %
	2.2. Население города моложе трудоспособного возраста в общей численности, %
	2.3. Население города трудоспособного возраста в общей численности, %
	2.4. Население города старше трудоспособного возраста в общей численности, %
	2.5. Естественный прирост (убыль) на 1000 человек населения
	2.6. Миграционный прирост (убыль), на 1000 человек населения
3. Подсистема развития уровня жизни (благосостояния) жителей города (X ур. жиз.)	3.1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	3.2. Средний размер назначенных пенсий, руб.
	3.3. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного городского жителя (на конец года), $м^2$
4. Подсистема развития социальной инфраструктуры города (X соц. инфр.)	4.1 Количество мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, приходящееся на 100 детей в возрасте 1-6 лет
	4.2. Численность врачей на 10000 человек населения
	4.3. Численность среднего медицинского персонала на 10000 человек населения
	4.4. Число больничных коек круглосуточных стационаров на 10000 человек населения
	4.5. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, посещений в смену на 10000 человек населения

Источник: *разработано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Отобранные для расчетов интегральных индикаторов комплексного социально-экономического развития городов Северо-Кавказского федерального округа показатели, по каждому из которых должен быть произведен расчет стандартизированных значений, были сгруппированы в 4 подсистемы, (таблица 2).

Нами были проведены расчеты стандартизированных значений по каждому из представленных в таблице 2 показателей, а на их основе рассчитаны интегральные характеристики отдельных подсистем и комплексного социально-экономического развития каждого из рассматриваемых городов. Результаты расчетов отражены в таблицах 3-7. Представленные расчеты интегральных характеристик отражают комплексный уровень развития каждого города или его подсистем в рамках совокупности отобранных 14 городов. Включение в расчет любого другого города автоматически повлечет за собой изменение стандартизированных значений и, соответственно, интегральных характеристик по всем рассматриваемым городам.

Таблица 3

Интегральные значения индикаторов подсистемы экономического развития городов СКФО

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Махачкала	0,304	0,313	0,345	0,287	0,301	0,300	0,297	0,276	0,239
Дербент	0,276	0,297	0,299	0,289	0,275	0,301	0,312	0,334	0,356
Каспийск	0,123	0,427	0,240	0,438	0,442	0,446	0,458	0,454	0,421
Хасавюрт	0,343	0,317	0,334	0,296	0,288	0,268	0,249	0,154	0,255
Ставрополь	0,343	0,351	0,362	0,419	0,438	0,423	0,424	0,432	0,433
Ессентуки	0,371	0,336	0,301	0,311	0,299	0,354	0,353	0,348	0,397
Кисловодск	0,315	0,319	0,348	0,365	0,344	0,313	0,285	0,303	0,294
Невинномысск	0,639	0,628	0,662	0,672	0,643	0,676	0,683	0,720	0,756
Пятигорск	0,383	0,392	0,374	0,386	0,367	0,354	0,344	0,342	0,339
Назрань	0,140	0,217	0,247	0,409	0,302	0,271	0,238	0,235	0,276
Нальчик	0,341	0,319	0,310	0,310	0,331	0,353	0,348	0,309	0,325
Черкесск	0,411	0,438	0,458	0,438	0,462	0,458	0,454	0,446	0,401
Владикавказ	0,372	0,376	0,360	0,353	0,372	0,374	0,352	0,337	0,356
Грозный	0,250	0,287	0,311	0,325	0,336	0,363	0,393	0,457	0,434

Источник: *рассчитано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Таблица 4

Интегральные значения индикаторов подсистемы демографического развития городов СКФО

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Махачкала	0,534	0,530	0,523	0,528	0,532	0,526	0,499	0,497	0,479
Дербент	0,501	0,501	0,509	0,504	0,505	0,480	0,453	0,462	0,480
Каспийск	0,588	0,588	0,602	0,610	0,628	0,643	0,611	0,592	0,696
Хасавюрт	0,556	0,555	0,553	0,546	0,544	0,537	0,509	0,513	0,565
Ставрополь	0,431	0,452	0,457	0,426	0,382	0,378	0,315	0,352	0,504
Ессентуки	0,237	0,270	0,257	0,276	0,293	0,278	0,255	0,276	0,337
Кисловодск	0,292	0,254	0,267	0,232	0,218	0,209	0,190	0,171	0,190
Невинномысск	0,208	0,173	0,189	0,198	0,176	0,152	0,136	0,113	0,151
Пятигорск	0,320	0,330	0,298	0,280	0,250	0,273	0,251	0,246	0,276
Назрань	0,847	0,759	0,710	0,679	0,706	0,618	0,555	0,544	0,562
Нальчик	0,343	0,336	0,325	0,327	0,305	0,293	0,274	0,243	0,292
Черкесск	0,244	0,223	0,209	0,220	0,181	0,192	0,204	0,220	0,236
Владикавказ	0,252	0,237	0,246	0,278	0,233	0,229	0,214	0,191	0,206
Грозный	0,647	0,597	0,618	0,623	0,622	0,629	0,647	0,609	0,721

Источник: *рассчитано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Таблица 5

Интегральные значения индикаторов подсистемы развития уровня жизни (благосостояния) жителей городов СКФО

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Махачкала	0,087	0,178	0,261	0,301	0,359	0,385	0,430	0,496	0,542
Дербент	0,018	0,077	0,140	0,189	0,240	0,276	0,328	0,389	0,446
Каспийск	0,055	0,137	0,200	0,264	0,325	0,357	0,455	0,443	0,489
Хасавюрт	0,048	0,118	0,209	0,235	0,268	0,274	0,318	0,377	0,419
Ставрополь	0,279	0,358	0,436	0,499	0,568	0,602	0,653	0,723	0,780
Ессентуки	0,206	0,281	0,359	0,417	0,476	0,501	0,550	0,606	0,662
Кисловодск	0,200	0,265	0,326	0,383	0,446	0,476	0,538	0,594	0,642
Невинномысск	0,262	0,323	0,388	0,456	0,520	0,572	0,641	0,700	0,763
Пятигорск	0,237	0,315	0,375	0,456	0,522	0,555	0,604	0,660	0,708
Назрань	0,112	0,251	0,237	0,305	0,342	0,331	0,287	0,358	0,458
Нальчик	0,165	0,248	0,307	0,357	0,404	0,422	0,467	0,535	0,656
Черкесск	0,189	0,251	0,334	0,390	0,409	0,459	0,509	0,570	0,627
Владикавказ	0,274	0,355	0,436	0,485	0,536	0,565	0,605	0,672	0,723
Грозный	0,379	0,524	0,366	0,429	0,469	0,481	0,523	0,621	0,664

Источник: *рассчитано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Таблица 6

Интегральные значения индикаторов подсистемы развития социальной инфраструктуры городов СКФО

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Махачкала	0,330	0,288	0,273	0,292	0,277	0,281	0,293	0,292	0,313
Дербент	0,204	0,214	0,209	0,215	0,219	0,219	0,230	0,245	0,219
Каспийск	0,154	0,137	0,134	0,127	0,127	0,130	0,121	0,126	0,108
Хасавюрт	0,137	0,140	0,126	0,125	0,192	0,211	0,201	0,205	0,140
Ставрополь	0,526	0,577	0,546	0,543	0,544	0,596	0,670	0,697	0,753
Ессентуки	0,241	0,304	0,305	0,307	0,303	0,282	0,268	0,261	0,220
Кисловодск	0,158	0,182	0,194	0,208	0,208	0,215	0,205	0,205	0,200
Невинномысск	0,310	0,361	0,355	0,346	0,356	0,305	0,309	0,310	0,297
Пятигорск	0,213	0,292	0,298	0,318	0,334	0,323	0,315	0,320	0,335
Назрань	0,483	0,490	0,412	0,424	0,353	0,356	0,453	0,438	0,344
Нальчик	0,696	0,702	0,747	0,769	0,729	0,766	0,773	0,772	0,791
Черкесск	0,589	0,592	0,606	0,602	0,656	0,665	0,654	0,690	0,721
Владикавказ	0,704	0,736	0,659	0,603	0,624	0,623	0,667	0,684	0,711
Грозный	0,637	0,656	0,659	0,633	0,653	0,659	0,635	0,647	0,678

Источник: *рассчитано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Далее графически интерпретировав полученные значения, проведем сравнительную характеристику основных тенденций развития городов Северо-Кавказского федерального округа как в рамках каждой из подсистем, так и по интегральным индикаторам комплексного развития.

Таблица 7

Интегральные значения индикаторов комплексного развития городов СКФО

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Махачкала	0,313	0,328	0,350	0,352	0,367	0,373	0,380	0,390	0,393
Дербент	0,250	0,272	0,289	0,299	0,310	0,319	0,331	0,357	0,375
Каспийск	0,230	0,322	0,294	0,360	0,380	0,394	0,411	0,404	0,428
Хасавюрт	0,271	0,282	0,305	0,301	0,323	0,323	0,319	0,312	0,345
Ставрополь	0,395	0,434	0,450	0,472	0,483	0,500	0,516	0,551	0,618
Ессентуки	0,264	0,298	0,306	0,328	0,343	0,354	0,357	0,372	0,404
Кисловодск	0,241	0,255	0,284	0,297	0,304	0,303	0,304	0,318	0,332
Невинномысск	0,355	0,371	0,399	0,418	0,424	0,426	0,442	0,461	0,491
Пятигорск	0,288	0,332	0,336	0,360	0,368	0,376	0,379	0,392	0,414
Назрань	0,396	0,429	0,402	0,454	0,426	0,394	0,383	0,394	0,410
Нальчик	0,386	0,401	0,422	0,441	0,442	0,458	0,465	0,465	0,516
Черкесск	0,358	0,376	0,402	0,412	0,427	0,443	0,455	0,482	0,496
Владикавказ	0,400	0,426	0,425	0,430	0,441	0,448	0,459	0,471	0,499
Грозный	0,478	0,516	0,488	0,502	0,520	0,533	0,550	0,584	0,624

Источник: *рассчитано автором на основании данных Росстата [12-17].*

Как видно из рисунка 2, значительным уровнем развития в течение всего рассматриваемого периода отличается только экономическая сфера г. Невинномысск. И если в 2011 году в интервале среднего уровня развития экономической подсистемы находился только г. Черкесск, то к 2019 году к нему присоединились г. Грозный, г. Ставрополь и г. Каспийск. При этом следует отметить г. Каспийск, так как это единственный из рассматриваемых городов, который смог в рамках экономической подсистемы преодолеть две границы уровней, находясь наряду с г. Назрань в 2011 г. на критически низком уровне развития. Экономические сферы остальных городов Северо-Кавказского федерального округа так и не смогли выйти за границы низкого уровня развития кроме г. Назрань (за верхнюю границу) в 2014 г. и г. Хасавюрта (за нижнюю границу) в 2018 г.

Переходя к характеристике демографической ситуации в городах Северо-Кавказского федерального округа в первую очередь обращает на себя г. Назрань, который, находясь в 2011 г. в интервале высокого уровня, к 2019-му переместился на средний уровень развития (рисунок 3). Если 2011 г. на значительном уровне демографического развития находился только г. Грозный, то к 2019 г. к нему присоединился г. Каспийск. На среднем уровне демографического развития, кроме г. Каспийск, к 2019 г. сохранили свои позиции г. Хасавюрт, г. Ставрополь, г. Дербент и г. Махачкала, при этом г. Ставрополь с 2015 по 2018 гг. проседал до низкого уровня развития демографической подсистемы. Все остальные города сохранили к 2019 г. позиции в рамках интервала низкого уровня демографического развития, за исключением г. Кисловодск и г. Невинномысск, которые опустились на критически низкий уровень.

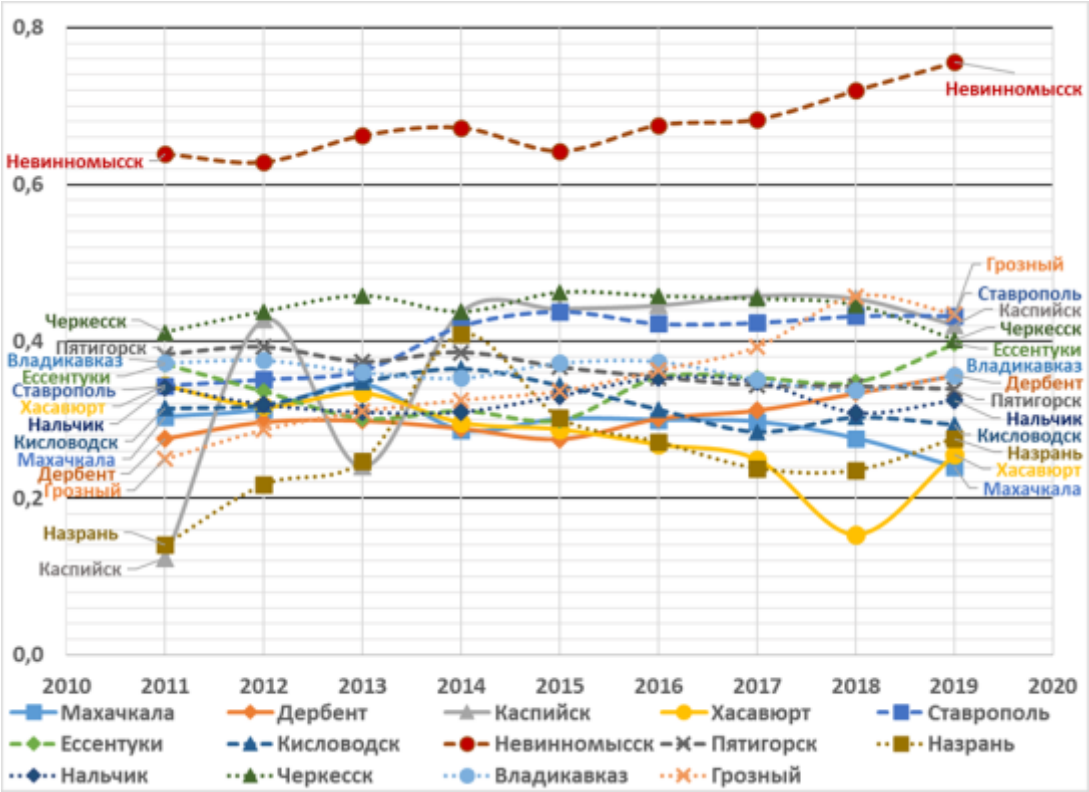

Рис. 2. *Динамика значений интегральных характеристик подсистем экономического развития городов СКФО.*

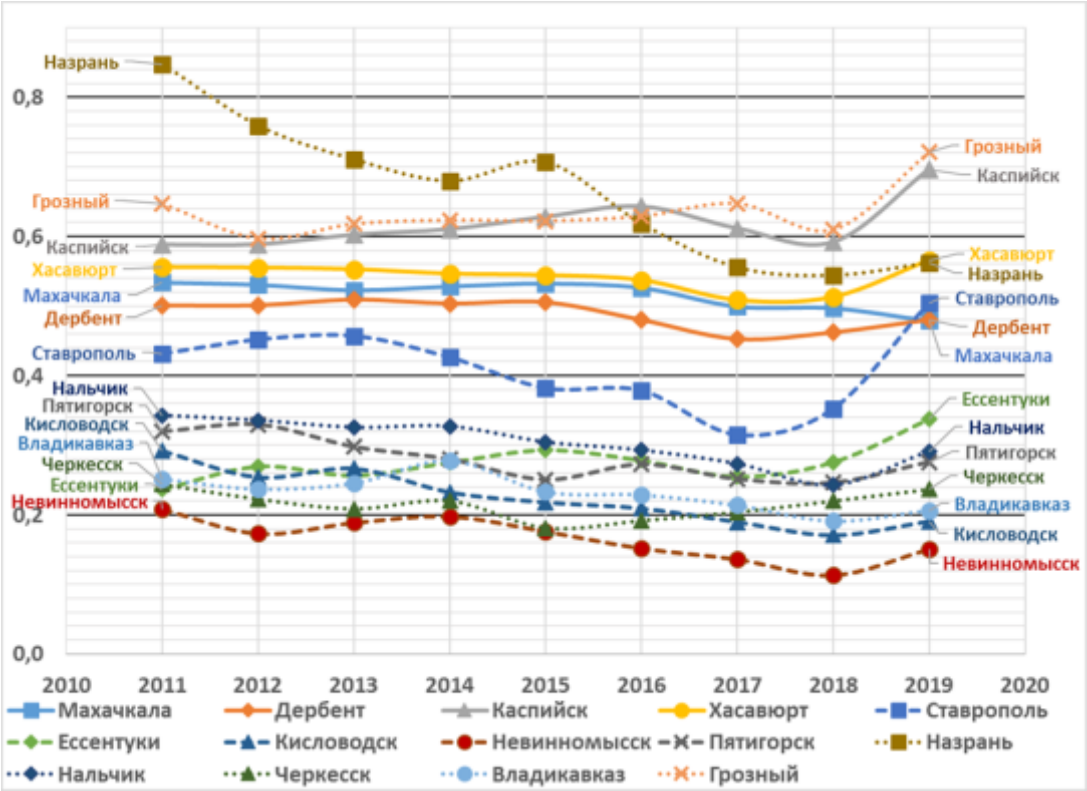

Рис. 3. *Динамика значений интегральных характеристик подсистемы демографического развития городов СКФО.*

Как следует из рисунка 4, материальное благополучие жителей городов Северо-Кавказского федерального округа динамично росло. Наибольшей волатильностью значений интегральных характеристик подсистемы развития уровня жизни (благосостояния) жителей отметились г. Назрань, г. Грозный, г. Каспийск, г. Хасавюрт и г. Нальчик. К 2019 г. значительного уровня достигло благосостояние жителей г. Ставрополь, г. Невинномысск, г. Владикавказ, г. Пятигорск, г. Грозный, г. Ессентуки, г. Нальчик, г. Кисловодск и г. Черкесск, а среднего – городов Республики Дагестан и г. Назрань.

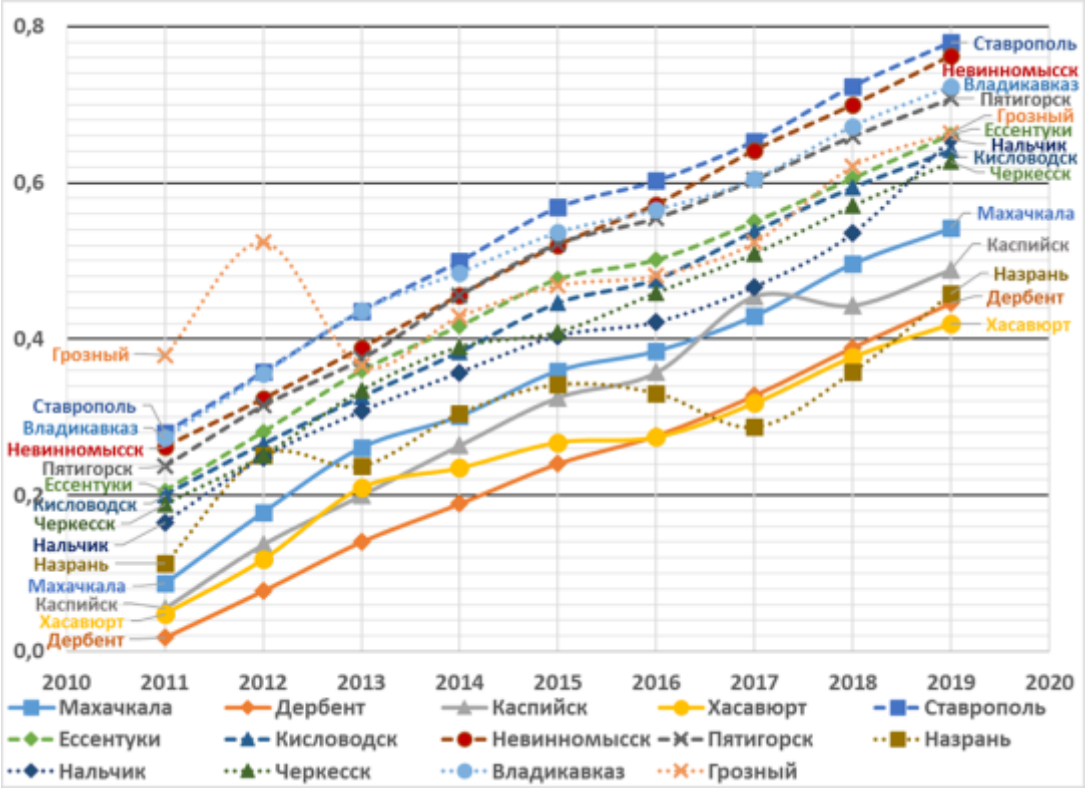

Рис. 4. *Динамика значений интегральных характеристик подсистемы развития уровня жизни (благосостояния) жителей городов СКФО.*

Анализируя значения интегральных характеристик подсистемы развития социальной инфраструктуры городов Северо-Кавказского федерального округа, сразу бросается в глаза значительная развитость этой сферы именно в столицах регионов, за исключением г. Назрань и г. Махачкала (рисунок 5). Так если в 2011 г. значительным уровнем развития социальной инфраструктуры отметились г. Владикавказ, г. Нальчик и г. Грозный, то к 2019 г. к ним присоединились г. Ставрополь и г. Черкесск. Коридор среднего уровня развития социальной инфраструктуры к 2019 г. вообще опустел, так как г. Назрань переместился на низкий уровень к таким городам, как г. Пятигорск, г. Махачкала, г. Невинномысск, г. Ессентуки и г. Дербент. К 2019 г. на критически низких значениях сохраняется уровень развития социальной инфраструктуры в г. Кисловодск, г. Хасавюрт и. г. Каспийск, причем г. Кисловодск и г. Хасавюрт в течение 2011–2019 гг. периодически переходили на низкий уровень развития.

Как видно из рисунка 6, к 2019 г. в соответствии со значениями интегральных индикаторов только два города достигли значительного уровня комплексного развития – г. Грозный и г. Ставрополь. При этом г. Грозный стартовал в 2011 г. из интервала среднего, а г. Ставрополь – низкого уровня развития. К г. Владикавказ к 2019 г. на средний уровень комплексного развития подтянулись г. Нальчик, г. Черкесск, г. Невинномысск, г. Каспийск, г. Пятигорск, г. Назрань, г. Ессентуки. В течение всего рассматриваемого периода так и не смогли выйти за пределы коридора низкого уровня комплексного развития г. Махачкала, г. Дербент, г. Хасавюрт и г. Кисловодск.

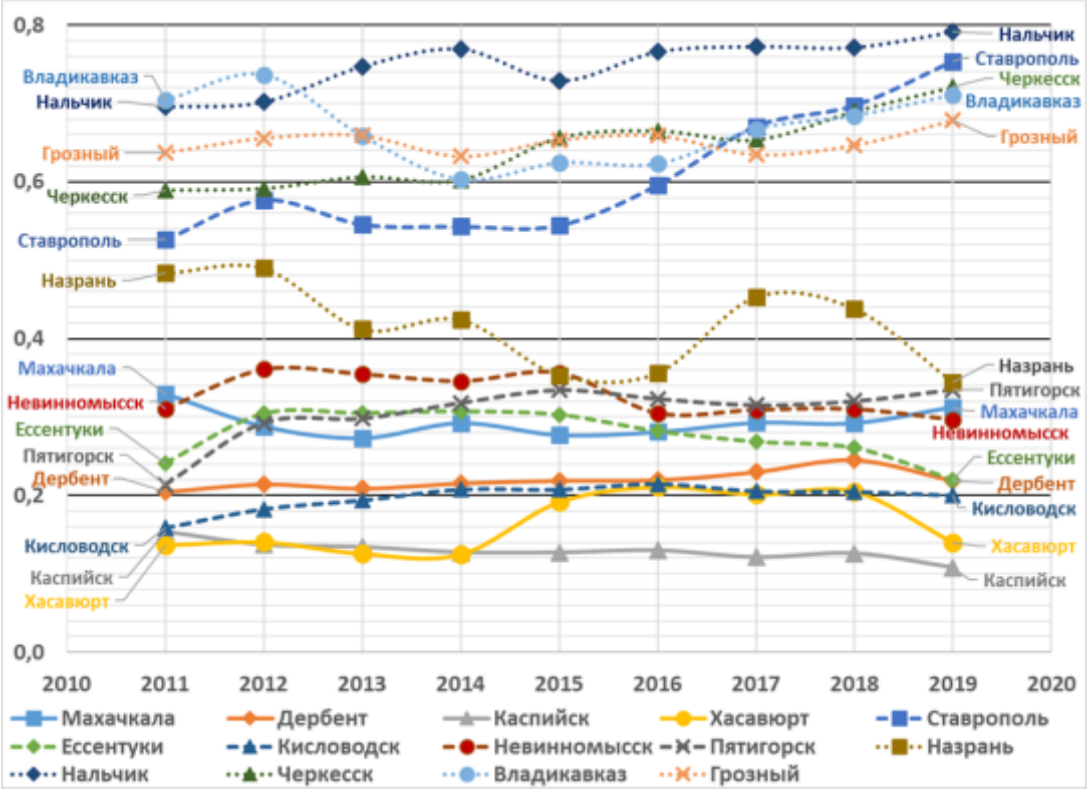

Рис. 5. *Динамика значений интегральных характеристик подсистемы развития социальной инфраструктуры городов СКФО.*

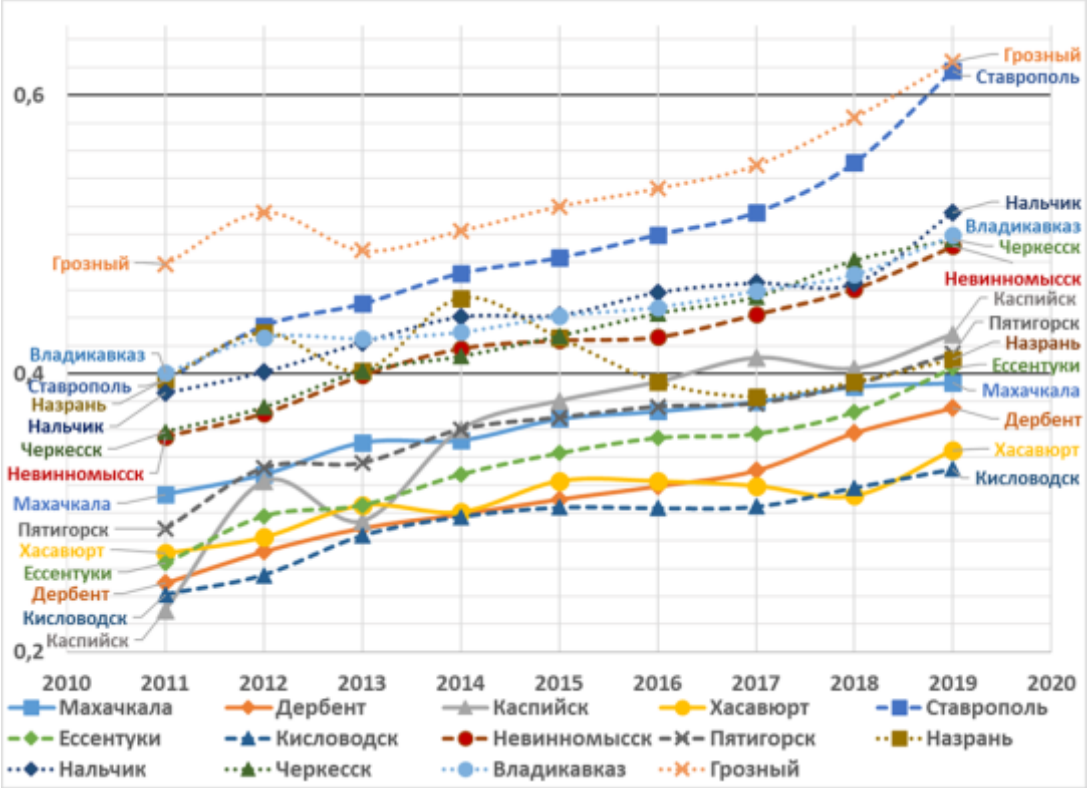

Рис. 6. *Динамика интегральных значений индикаторов комплексного развития городов СКФО.*

Заключение. Представленные выше методические подходы и проведенные на их базе расчеты позволили, на наш взгляд, достаточно объективно комплексно оценить уровень социально-экономического развития отдельных городов Северо-Кавказского федерального округа как в целом, так и по отдельным сферам (подсистемам) их жизнедеятельности, и могут быть использованы в качестве дополнительной информационно-аналитической поддержки для информационной системы принятия решений, например, при разработке, реализации и корректировке стратегий социально-экономического развития на уровне муниципального управления.

Литература

1. Айвазян С. А. К методологии измерения синтетических категорий качества жизни населения // Экономика и математические методы. – 2003. – № 2. – С. 33-53.
2. Деневизюк Д. А. Устойчивое развитие города: вопросы теории и методика оценки // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2012. – № 2 (32). – С. 103-112.
3. Зимин В. А., Лукьянова В. В. Возможности инновационного развития крупного города // Московский экономический журнал. – 2021. – № 7. – С. 285-293.
4. Иваненко Л. В., Тасеев В. Б. Управление инновационным развитием крупного города // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2017. – № 2 (20). – С.107-113.
5. Коварда В. В. О необходимости выделения показателей-стимуляторов и показателей-дестимуляторов при определении уровня социально-экономического развития // Вестник Евразийской науки. – 2019. – №3. – Том 11. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://esj.today/PDF/55ECVN319.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
6. Леонов С. Н. Город как модель и форма общественного развития // Пространственная экономика. – 2020. – № 1. – С. 172. DOI: 10.14530/se.2020.1.171-183.
7. Макеев В. А. Функционирование и развитие крупного города: проблема устойчивости // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 6. – Ч. 4. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://web.snauka.ru/issues/2015/06/55334, свободный. – Загл. с экрана.
8. Менова Н. Ф. Социальные аспекты устойчивого социально-экономического развития муниципального образования // Вопросы статистики. – 2006. – № 5. – С. 62-67.
9. Папко И. В. Теоретические аспекты устойчивого и комплексного развития сельских территорий // Проблемы экономики. – 2005. – № 4. – С. 171-179.
10. Полунин К. Е., Серебрякова С. В., Энговатова А. А. Иерархия целей устойчивого развития города и методология оценки их достижения // Инновации. – 2019. – №7 (249). – С. 50-58.
11. Просвирнин Д. А. Современные аспекты комплексного подхода к развитию городских территорий // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. – № 48. – С. 76-81.
12. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 397 с.
13. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 397 с.
14. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2014: Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 433 с.
15. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 442 с.
16. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 443 с.
17. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 456 с.

References:

1. Ajvazyan S. A. K metodologii izmereniya sinteticheskih kategorij kachestva zhizni naseleniya // Ekonomika i matematicheskie metody. – 2003. – № 2. – S. 33-53.
2. Denevizyuk D. A. Ustojchivoe razvitie goroda: voprosy teorii i metodika ocenki // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2012. – № 2 (32). – S. 103-112.
3. Zimin V. A., Luk'yanova V. V. Vozmozhnosti innovacionnogo razvitiya krupnogo goroda // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. – 2021. – № 7. – S. 285-293.
4. Ivanenko L. V., Taseev V. B. Upravlenie innovacionnym razvitiem krupnogo goroda // Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. – 2017. – № 2 (20). – S.107-113.
5. Kovarda V. V. O neobhodimosti vydeleniya pokazatelej-stimulyatorov i pokazatelej-destimulyatorov pri opredelenii urovnya social'no-ekonomicheskogo razvitiya // Vestnik Evrazijskoj nauki. – 2019. – №3. – Tom 11. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://esj.today/PDF/55ECVN319.pdf, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
6. Leonov S. N. Gorod kak model' i forma obshchestvennogo razvitiya // Prostranstvennaya ekonomika. – 2020. – № 1. – S. 172. DOI: 10.14530/se.2020.1.171-183.
7. Makeev V. A. Funkcionirovanie i razvitie krupnogo goroda: problema ustojchivosti // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. – 2015. – № 6. – CH. 4. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://web.snauka.ru/issues/2015/06/55334, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
8. Menova N. F. Social'nye aspekty ustojchivogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya municipal'nogo obrazovaniya // Voprosy statistiki. – 2006. – № 5. – S. 62-67.

9. Papko I. V. Teoreticheskie aspekty ustojchivogo i kompleksnogo razvitiya sel'skih territorij // Problemy ekonomiki. – 2005. – № 4. – S. 171-179.
10. Polunin K. E., Serebryakova S. V., Engovatova A. A. Ierarhiya celej ustojchivogo razvitiya goroda i metodologiya ocenki ih dostizheniya // Innovacii. – 2019. – №7 (249). – S. 50-58.
11. Prosvirnin D. A. Sovremennye aspekty kompleksnogo podhoda k razvitiyu gorodskih territorij // Aktual'nye voprosy ekonomicheskih nauk. – 2016. – № 48. – S. 76-81.
12. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2011: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2011. – 397 s.
13. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2012: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2012. – 397 s.
14. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2014: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2014. – 433 s.
15. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2016: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2016. – 442 s.
16. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2018: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2018. – 443 s.
17. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-ekonomicheskie pokazateli gorodov. 2020: Stat. sb. / Rosstat. – M., 2020. – 456 s.

УДК 330.322

АРСЛАНОВ ШАМИЛЬ ДЖАВАДОВИЧ
к.э.н., доцент, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», Махачкала, Россия,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-49-55

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. Цель исследования *состоит в анализе современных вызовов и альтернативных возможностей регионального развития.* ***Методология исследования*** *основана на корректном использовании методов анализа и синтеза, а также систематизации, сравнения, экономического и логического анализа.* ***Результаты.*** *Установлено, что краудфандинг, не меняя принципы и механизмы классического инвестирования, дополняет его новыми альтернативными возможностями. А динамичный рост рынка краудфандинга в России является показателем того, что даже при наличии достаточно серьезных проблем в сфере развития новых альтернативных возможностей инвестирования государство предпринимает максимум усилий для поддержки и развития отечественного рынка кредитно-финансовых ресурсов. Использование механизмов краудфандинга способно сформировать новый виток развития инвестиционной деятельности в стране и в ее регионах при условии развития макропруденциальной политики ЦБ.* ***Выводы.*** *Для страны в целом и ее регионов альтернативные пути и механизмы развития кредитно-инвестиционных рынков являются весьма перспективным способом поддерживать и развивать свою экономику.*
Ключевые слова: *регион, вызовы, возможности, альтернативные финансы.*

ARSLANOV SHAMIL DJAVADOVICH
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Socio-Economic Policy of the region, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia,
e-mail: ars_dgu@mail.ru

MODERN CHALLENGES AND ALTERNATIVE OPPORTUNITIES INVESTMENT DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. The purpose *of the study is to analyze modern challenges and alternative opportunities for regional development.* ***The research methodology*** *is based on the correct use of methods of analysis and synthesis, as well as systematization, comparison, economic and logical analysis.* ***Results.*** *It is established that crowdfunding, without changing the principles and mechanisms of classical investment, complements it with new alternative opportunities. And the dynamic growth of the crowdfunding market in Russia is an indicator that even if there are quite serious problems in the development of new alternative investment opportunities, the state is making every effort to support and develop the domestic market of credit and financial resources. The use of crowdfunding mechanisms can form a new round of investment activity development in the country and in its regions, subject to the development of the Central Bank's macroprudential policy.* ***Conclusions.*** *For the country as a whole and its regions, alternative ways and mechanisms for the development of credit and investment markets are a very promising way to support and develop its economy.*
Keywords: *region, challenges, opportunities, alternative finance.*

Введение. Постпандемийная экономика нашей страны столкнулась с новым вызовом – экономической изоляцией со стороны США и западной Европы, чье давление на другие страны приводит к глобализации санкционной политики против России. В сложившихся условиях регионам России необходимо стимулировать развитие внутреннего рынка инвестиционно-финансовых ресурсов.

Актуализация задач инвестиционного развития регионов формирует новые возможности развития, базовым среди которых является создание региональных административно-правовых основ для формирования и популяризации альтернативных источников привлечения инвестиционных ресурсов, а также повышения инвестиционной активности населения.

Основная часть. Современные геополитические условия диктуют России необходимость развития новых финансово-инвестиционных рынков. В результате чего одним из наиболее популярных видений развития финансово-инвестиционного рынка нашей страны стало развитие исламского банкинга. Тема формирования условий для продуктивного развития исламского банкинга в России стала самой обсуждаемой, хотя еще с 2015 года ЦБ России проводит работу по поиску возможностей имплементации принципов и механизмов исламского финансирования в отечественную экономическую систему.

Как полагают некоторые эксперты, ЦБ РФ в вопросе развития исламского банкинга может сделать ставку на регионы СКФО, а в частности на Дагестан и Чечню. Такой поворот в развитии кредитно-финансовых рынков России не мог не остаться без общественного внимания. Однако анализируя доклад ЦБ России «Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях», опубликованный как раз для общественного обсуждения, мы можем увидеть, что позиция ЦБ РФ по исламским финансам четко не обозначена, а позиция по вопросам развития цифрового рубля и IT-платформ не только не изменилась, а приобрела новые аспекты своей актуальности.

В то же время ЦБ РФ четко определил цели и направления развития отечественного финансового рынка в горизонте до 2023 года, учитывая сложившиеся геополитические общемировые условия ведения бизнеса, таблица 1 [2].

Таблица 1

Взаимосвязь целей и направлений развития финансового рынка

	Цель 1. Укрепление доверия розничного потребителя и инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности	Цель 2. Развитие современного финансового рынка для удовлетворения потребностей российской экономики в инвестициях и эффективных платежных сервисах	Цель 3. Обеспечение финансовой стабильности – бесперебойного функционирования финансового рынка, в том числе в условиях стресса
Повышение защищенности прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, повышение финансовой грамотности	++	+	+
Содействие цифровизации	++	++	+
Повышение доступности финансовых услуг для граждан и бизнеса	++	+	
Содействие конкуренции на финансовом рынке	++	++	
Обеспечение финансовой стабильности	+	+	++
Расширение вклада финансового рынка в достижение целей устойчивого развития и ESG-трансформации российского бизнеса		++	+
Содействие развитию долгосрочного финансирования (длинных денег)		++	+
Развитие регулирования секторов финансового рынка	++	++	++

++ – направление в значимой мере способствует достижению цели;
+ – направление способствует достижению целей.

При этом, определяя устойчивость финансового сектора страны, которая представлена в «Обзоре финансовой стабильности Банка России» [3], таблица 2.

Таблица 2

Индикаторы мониторинга развития финансового рынка*.

Наименование индикатора	Текущее значение	Ожидаемая динамика
Композитный индекс удовлетворенности финансовых организаций, финансовыми продуктами населения работой (услугами) и каналами предоставления финансовых услуг, баллы	49,7 1 полугодие 2021	Рост
уровень цифровизации финансовых услуг для физических лиц, %	70,5 1 полугодие 2021	Рост
уровень цифровизации финансовых услуг для юридических лиц, %	65	Рост

**Опрос проводится один раз в три года.*

Соответственно, мы можем ожидать новый виток развития актуальности коллективных инвестиционных ресурсов, развитие которых напрямую связано с развитием цифровых платформ [1]. Еще одним направлением, позволяющим развивать в России низкорисковые инвестиции, является макропруденциальная политика ЦБ РФ, основой которой на сегодняшний день является защита интересов конечных бенефициаров.

Итак, согласно данным того же ЦБ РФ, на конец марта 2022 года в реестр операторов инвестиционных платформ (ОИП) Банка России было включено более 57 операторов (указанный прирост к предыдущему году составил более 60 %), из которых 17 находятся в состоянии бездействия по причине налаживания программного обеспечения, что составляет 28 % (рисунок 1).

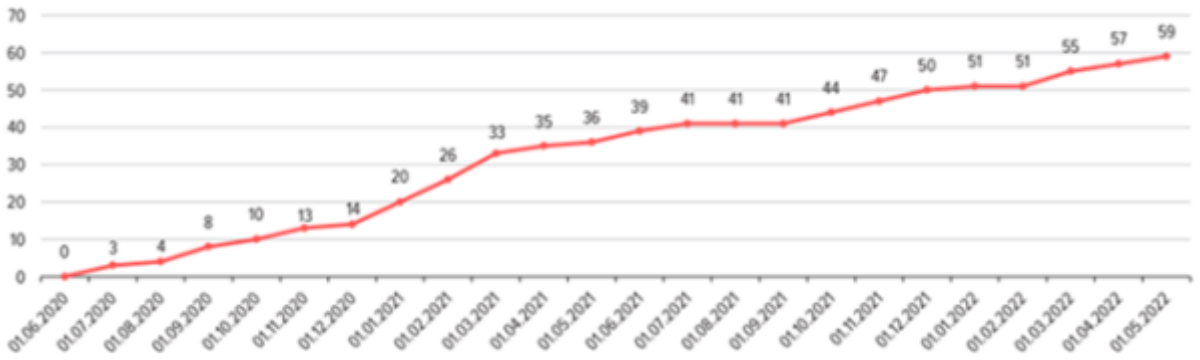

Рис. 1. *Динамика включения инвестиционных платформ в реестр ЦБ РФ.*

Инвестиционные платформы на сегодняшний день позволяют развивать инвестиционные процессы на основе механизмов краудфандинга тремя способами:

– на основе краудлендинга [4];

– на основе краудинвестиций [5];

– на основе утилитарных цифровых прав (УЦП).

Рынок краудфандинга является динамично растущим, так, в 2021 году в сравнении с 2020 годом объемы привлеченных денежных средств с помощью цифровых платформ возросли на 97 %, то есть с 7 миллиардов до 13,8 миллиардов рублей [6].

И такой рост обусловлен притоком заемщиков – субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП), понесших финансовые потери в период пандемии COVID-19.

Уже в начале 2022 года объем рынка краудфандинга в стоимостном выражении сократился на 2,4 миллиарда рублей, что составило 42 % в сравнении с 4 кварталом 2021 года. Но при этом 10 цифровых платформ показали рост объема привлеченных денежных средств (рисунок 2).

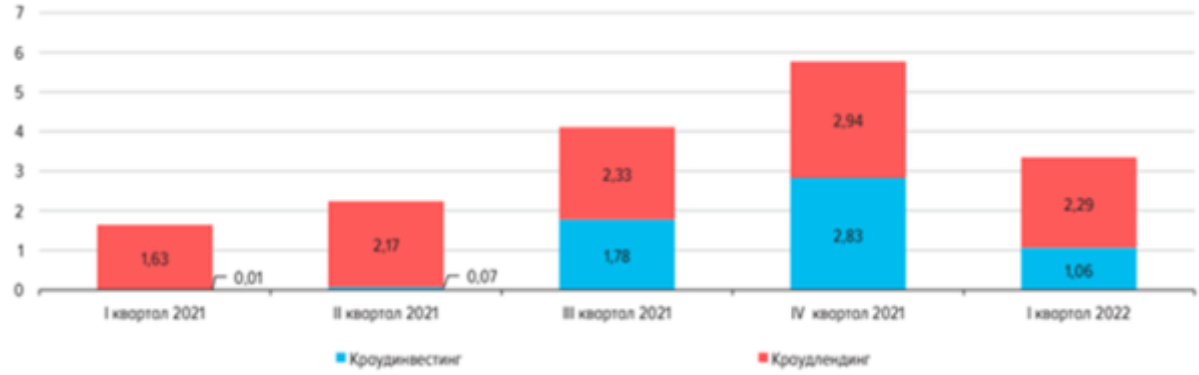

Рис. 2. *Объем денежных средств, привлеченных ОИП.*

В связи с началом СВО в начале марта 2022 года около восьми инвестиционных платформ приняли решение о приостановке приема новых клиентов, но уже в апреле – мае 2022 года свою деятельность возобновили четыре платформы из восьми.

В то же время около половины действующих ОИП в конце 1 квартала 2022 года смогли получить положительный финансовый результат.

В чем же преимущество краудфандинга над традиционными механизмами привлечения кредитно-финансовых средств?

Рассмотрим все «возможности краудфандинга как средства привлечения финансово-инвестиционных ресурсов» [9].

Краудлендинг чаще всего используется компаниями при возникновении необходимости быстрого пополнения своих оборотных средств [7]. В 2021 году объем привлеченных средств на основе краудлендинга достиг 9 миллиардов рублей, что составило около 60 % от общего объема привлеченных денежных средств на основе механизма краудфандинга.

Многие ОИП напрямую заинтересованы в оценке кредитоспособности потенциальных заемщиков, поскольку низкая платежная дисциплина заемщика повышает бизнес-риски для самой платформы, что в итоге выльется в отток инвесторов.

В связи с чем более 25 ОИП напрямую заняты разработкой и улучшением скоринговых моделей. Разрабатываемые скоринговые модели позволяют отбирать инвестиционные предложения, поступившие ОИП на рассмотрение, и улучшать качество таких предложений [4, 5].

Крауд-инвестиции используются крупными компаниями для привлечения инвестиций. В то же время за 2022 год наблюдается рост количества субъектов МСП, выбравших краудфандинг как средство привлечения инвестиционных ресурсов.

Так, в 1 квартале 2022 года объем денежных средств, привлеченных субъектами МСП, приблизился к 3 миллиардам рублей и составил более 65 % от общего объема привлеченных денежных средств.

Количество уникальных субъектов МСП, привлекавших финансирование на краудфандинговых платформах, в 1 квартале 2022 года составило 870 (за 2021 год – 1700). В структуре заемщиков индивидуальные предприниматели составляют треть (в объеме привлеченного финансирования – 20 %) (рисунок 3 и 6) [3].

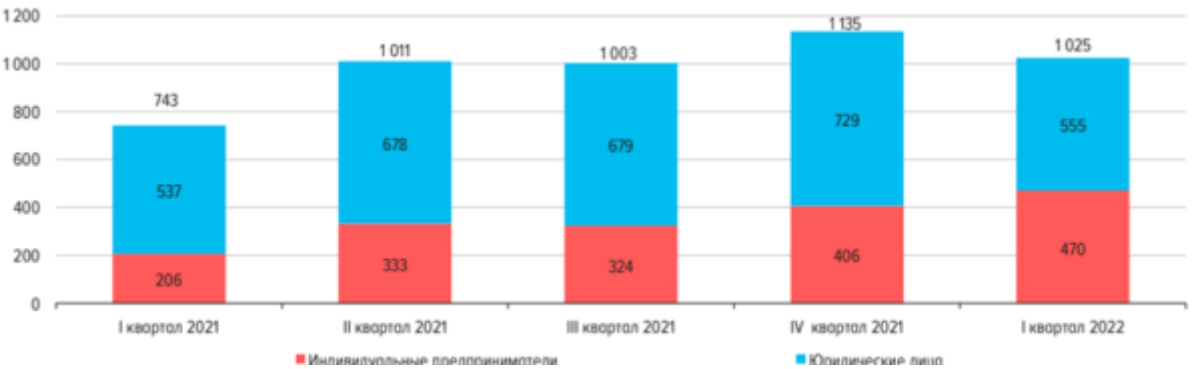

Рис. 3. *Заемщики на инвестиционных платформах.*

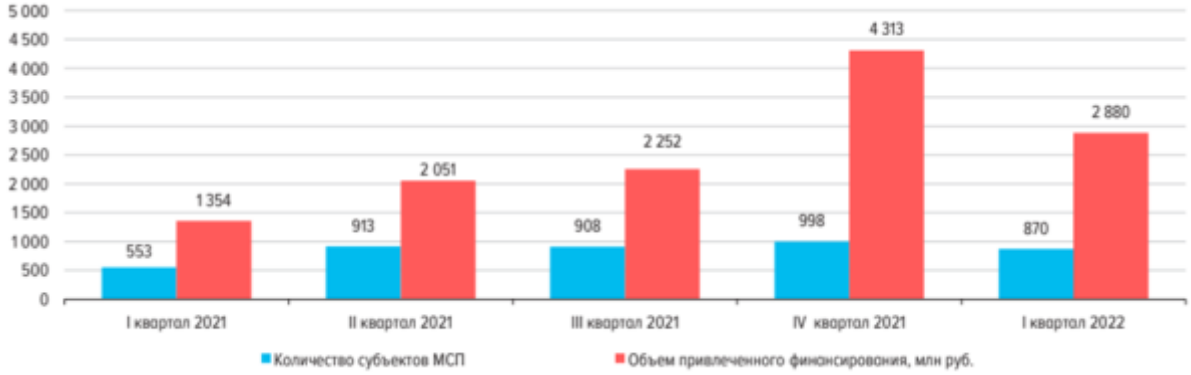

Рис. 4. *Субъекты МСП на рынке краудфандинга.*

Резюмируя наше исследование, можно отметить, что в 2021 году рынок краудфандинга, будучи в фазе своего становления, показал существенный рост по количеству организаций, объему сделок и охвату клиентской базы.

В 1 квартале санкционного 2022 года рынок краудфандинга показывал свое развитие как в части увеличения количества организаций, так и в части увеличения их клиентов. В текущих условиях ужесточения антироссийских санкций и уменьшения рынка капитала и возможностей инвестирования механизмы краудфандинга становятся одним из самых перспективных направлений получения и предоставления финансирования для бизнеса.

Как следствие возникших экономических сложностей позитивно повысилось качество различных клиентских сервисов на инвестиционных платформах. А высокий уровень конкуренции на рынке краудфандинга привел к улучшению качества разрабатываемых инвестиционными площадками скоринговых моделей для отбора заемщиков как основного продукта.

Наблюдаемый рост скорости взаимодействия инвестиционных площадок с клиентами на базе различных месенджеров позволяют нам сделать вывод о том, что механизмы краудфандинга являются перспективнейшим направлением развития альтернативного финансирования бизнеса в России.

В качестве мер сохранения краудфандинговых возможностей рынка привлечения кредитно -инвестиционных ресурсов в 1 квартале 2022 года Банком России были запущены следующие механизмы:

– временное ненаправление предписаний Банком России за нарушение требований к минимальному размеру собственных средств для возможного использования данных средств ОИП с целью дополнительного финансирования своей деятельности;

– временное ненаправление предписаний за нарушение требований к срокам передачи информации в бюро кредитных историй с целью снижения операционной нагрузки ОИП;

– продление сроков представления отчетности в Банк России;

– перенос срока начала применения нормативных актов Банка России по бухгалтерскому учету и бухгалтерской (финансовой) отчетности операторами инвестиционных платформ с 01.01.2023 по 01.01.2025.

Благодаря чему большинство ОИП благополучно сумели продолжить свою деятельность без существенных изменений условий бизнеса.

Безусловно, развитие краудфандинговых технологий является стимулирующим фактором для развития экономик регионов нашей страны. Поэтому конкурентные преимущества получат именно те регионы, которые смогут сформировать достаточно успешный цифровой инвестиционный потенциал.

И речь здесь идет не только о небольших и социальных проектах, а затрагиваются достаточно крупные региональные проекты на основе народного софинансирования.

Поэтому развитие и популяризация краудфандинговых инвестиций в регионах России должны стать стратегическим приоритетом развития их «цифровой» инвестиционной деятельности.

Результаты. По своей сути краудфандинг не меняет принципы и механизмы, присущие классическому инвестированию (исключение составляют проекты, основанные на пожертвованиях), а лишь дополняет их новыми альтернативными возможностями.

Динамичный рост рынка краудфандинга в России является показателем того, что даже при наличии достаточно серьезных проблем в сфере развития новых альтернативных возможностей инвестирования государство предпринимает максимум усилий для поддержки и развития отечественного рынка кредитно-финансовых ресурсов.

Соответственно, Россия и ее регионы способны сформировать новый виток развития инвестиционной деятельности на основе коллективных цифровых инвестиционных ресурсов, основываясь на макропруденциальной политике ЦБ РФ, основой которой является защита интересов конечных бенефициаров.

Выводы. Для страны в целом и ее регионов альтернативные пути и механизмы развития кредитно-инвестиционных рынков являются весьма перспективным способом поддерживать и развивать свою экономику. Современные краудфандинговые технологии, основанные на развитии цифровизации, способны внести в социально-экономическую систему региона механизмы, способные запустить процессы появления ранее не доступных форм инвестирования, к которым можно отнести механизмы венчурного финансирования, исламские финансы и низкорисковое инвестирование.

Литература

1. Арсланов Ш. Д., Максимова С. Ю. Региональные финансово-инвестиционные ресурсы: альтернативные виды цифрового крауд-инвестирования // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 1 (123). – С. 91-97.
2. Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket//, (дата обращения: 02.09.2022.), свободный. – Загл. с экрана.
3. Информационно-аналитический материал Банка России «Обзор рынка краудфандинга в России». [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf дата обращения: 02.09.2022.), свободный. – Загл. с экрана.
4. Краудинвестинг. Финансовый гений. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: http://fingeniy.com/kraudinvesting/ (дата обращения: 02.09.2022.), свободный. – Загл. с экрана.
5. Новые инструменты привлечения финансирования для развития технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России: аналитический доклад // НИУ ВШЭ. – Апрель, 2018. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]:: https://www.csr.ru/upload/iblock/d43/d43abe96c5e5a9cc5dea8c673f5028e1.pdf (дата обращения: 02.09.2022), свободный. – Загл. с экрана.
6. Сальникова К. В., Пермяков Р. В. Аналитический обзор состояния рынка краудфандинга и краудлендинга в РОССИИ // Вестник евразийской науки. – 2021. – № 2.
7. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум – будущее бизнеса / Дж. Хау; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.alpinabook.ru/catalog/book-7286/ (дата обращения: 02.09.2022.), свободный. – Загл. с экрана.
8. Agarwal A., Catalini C. & Goldfarb A. (2013) Some Simple Economics of Crowdfunding, Innovation Policy and the Economy. Chicago: University of Chicago Press. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: http://www.nber.org/papers/w19133.pdf/, (дата обращения: 02.09.2022.) свободный. – Загл. с экрана.
9. Davies R. (2015) Three provocations for civic crowdfunding. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.researchgate.net/publication/269998241_Three_provocations_for_civic_crowdfunding/, (дата обращения: 02.09.2022.), свободный. – Загл. с экрана.
10. Kortleben H., Vollmar B., 2012, «Crowdinvesting: Eine Alternative in der Gründungsfinanzierung?» PFH Forschungspapiere/Research Papers Göttingen, Deutschland: Private University of Applied Sciences (PFH). 2012/06. S. 4.

References:

1. Arslanov SH. D., Maksimova S. YU. Regional'nye finansovo-investicionnye resursy: al'ternativnye vidy cifrovogo kraud-investirovaniya // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. –2021. – № 1 (123). – S. 91-97.
2. Bank Rossii. Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket//, (data obrashcheniya: 02.09.2022.), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
3. Informacionno-analiticheskij material Banka Rossii «Obzor rynka kraudfandinga v Rossii». [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf data obrashcheniya: 02.09.2022.), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
4. Kraudinvesting. Finansovyj genij. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: http://fingeniy.com/kraudinvesting/ (data obrashcheniya: 02.09.2022.), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
5. Novye instrumenty privlecheniya finansirovaniya dlya razvitiya tekhnologicheskih kompanij: praktika ispol'zovaniya i perspektivy razvitiya v Rossii: analiticheskij doklad // NIU VSHE. – Aprel', 2018. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]:: https://www.csr.ru/upload/iblock/d43/d43abe96c5e5a9cc5dea8c673f5028e1.pdf (data obrashcheniya: 02.09.2022), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
6. Sal'nikova K. V., Permyakov R. V. Analiticheskij obzor sostoyaniya rynka kraudfandinga i kraudlendinga v ROSSII // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2021. – № 2.

7. Hau Dzh. Kraudsorsing. Kollektivnyj razum – budushchee biznesa / Dzh. Hau; Per. s angl. – M.: Al'pina Pablisher. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.alpinabook.ru/catalog/book-7286/ (data obrashcheniya: 02.09.2022.), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
8. Agarwal A., Catalini C. & Goldfarb A. (2013) Some Simple Economics of Crowdfunding, Innovation Policy and the Economy. Chicago: University of Chicago Press. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: http://www.nber.org/papers/w19133.pdf/, (data obrashcheniya: 02.09.2022.) svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
9. Davies R. (2015) Three provocations for civic crowdfunding. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.researchgate.net/publication/269998241_Three_provocations_for_civic_crowdfunding/, (data obrashcheniya: 02.09.2022.), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
10. Kortleben H., Vollmar B., 2012, «Crowdinvesting: Eine Alternative in der Gründungsfinanzierung?» PFH Forschungspapiere/Research Papers Göttingen, Deutschland: Private University of Applied Sciences (PFH). 2012/06. S. 4.

УДК 332.14:31

НОВИКОВА ИРИНА ИГОРЕВНА
к.э.н., ведущий научный сотрудник отдела «Управление АПК и сельскими территориями» НИИЭОАПК ЦЧР - филиал ФГБНУ «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева», г. Воронеж, Россия,
e-mail: irinchic@mail.ru

КОПТЕВ КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ
аспирант НИИЭОАПК ЦЧР - филиал ФГБНУ «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева», г. Воронеж, Россия,
e-mail: kirill.koptev@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-56-64

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. *В условиях перехода к новому технологическому укладу экономика России претерпевает колоссальные изменения на всех уровнях ее функционирования. Стремительное инновационное развитие оказывает существенное влияние на трансформацию социально-экономических структур всех уровней, что впоследствии усиливает качественную неоднородность сельского экономического пространства. Сложившиеся в настоящее время административные барьеры между муниципальными образованиями приводят к тому, что на сельских территориях происходит ухудшение условий их развития, а применяемые управленческие решения в основном направлены на достижение усредненных общерегиональных показателей эффективности деятельности без учета пространственного потенциала каждой конкретной сельской территории.* ***Цель работы*** *— оценить влияние пространственного потенциала на развитие сельских территорий.* ***Методы и методология проведения исследования.*** *В работе были применены следующие методы: монографический, абстрактно-логический, методы системного анализа и экономического сравнения. Основой исследования послужили работы ученых, учитывающие специфику сельских территорий и особенности их пространственного развития.* ***Результаты.*** *Полученные в результате исследования данные позволят определить, насколько эффективно используется имеющийся потенциал сельских территории в разрезе их пространственного развития.* ***Область применения результатов.*** *He results obtained can be used by the legislative and executive authorities in the development of program documents (strategies, concepts) aimed at the socio-economic development of the village.*

Ключевые слова: *сельские территории, пространственный потенциал, пространственное развитие, устойчивое развитие, концентрация, Центрально-Черноземный макрорегион.*

NOVIKOVA IRINA IGOREVNA
Ph.D. in Economics, Leading Researcher of the Department "Management of Agriculture and Rural Areas" of the Central Research Institute of Agricultural Research and Development - Branch of the Voronezh FANC named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia,
e-mail: irinchic@mail.ru

KOPTEV KIRILL SERGEEVICH
postgraduate student of the NIIEOAPK TCHR - branch of the Voronezh FANC named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia,
e-mail: kirill.koptev@mail.ru

SPATIAL POTENTIAL IN RURAL DEVELOPMENT

Abstract. *In the conditions of transition to a new technological order, the Russian economy is undergoing tremendous changes at all levels of its functioning. Rapid innovative development has a significant impact on the transformation of socio-economic structures at all levels, which subse-*

quently enhances the qualitative heterogeneity of the rural economic space. The current administrative barriers between municipalities lead to the fact that conditions for their development are deteriorating in rural areas, and the applied management decisions are mainly aimed at achieving average regional performance indicators without taking into account the spatial potential of each specific rural territory. ***The purpose*** *of the work is to assess the impact of spatial potential on the development of rural areas.* ***Methods and methodology of the study.*** *The following methods were used in the work: monographic, abstract-logical, methods of system analysis and economic comparison. The research was based on the work of scientists taking into account the specifics of rural areas and the peculiarities of their spatial development.* ***Results.*** *The data obtained as a result of the study will allow us to determine how effectively the existing potential of rural territories is used in the context of their spatial development.* ***The scope of the results.*** *He results obtained can be used by the legislative and executive authorities in the development of program documents (strategies, concepts) aimed at the socio-economic development of the village.*
Keywords: *rural areas, spatial potential, spatial development, sustainable development, concentration, Central Chernozem macro-region.*

1. Введение

На фоне происходящих глобальных изменений, а также учитывая трансформацию сложившейся системы взаимоотношений в российской экономике, развитие сельских территории во многом определяется возможностью использования собственных ресурсов [1]. Слабая межтерриториальная связанность и фрагментарность экономического пространства ограничивают возможности использования пространственного потенциала, а также оказывают негативное влияние на эффективность реализации комплексной программы по поддержке села.

Данные проблемы могут быть решены на основе дифференцированного подхода к управлению сельскими территориями. Стимулирование зон с потенциалом роста, ориентирование на умное развитие и переформатирование структуры экономики, формирование единого экономического пространства активно реализуются в других странах. Аналогичные процессы наблюдаются и в России: актуализирована внутрирегиональная диагностика перспективных с позиции экономической динамики территорий, инфраструктурной обеспеченности, оценка интенсивности территориальных взаимосвязей.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации и курс на поддержку прежде всего «перспективных центров экономического роста» требуют применения новых методов к анализу, направленному на выявление сельских территорий, которые могут взаимно интегрироваться и поддерживать друг друга, а также на выделение определенных факторов, позволяющих активизировать имеющийся на территории потенциал для эффективной реализации политики пространственного развития. Исходя из этого, в проводимую оценку необходимо включать измерение параметров межтерриториальной связанности и свойства экономического пространства [2, 3].

2. Основная часть

2.1 Методический подход к оценке пространственного развития сельских территорий

В настоящее время пространственный потенциал является основой развития сельских территорий и в зависимости от природно-климатических условий факторы пространственного потенциала могут либо использоваться в зависимости от потребностей развития той или иной территории, либо не применяться, сохраняясь для возможного последующего вовлечения в сельское развитие [4, 5]. Однако при этом пространственный потенциал, давая определенное представление о заложенных на территориях возможностях дальнейшего их функционирования, не является полностью идентичным оценке конкретной отрасли или сфере жизнедеятельности населения, позволяя анализировать связанность экономического пространства сельских территорий через множество показателей. В различных исследованиях для этого предлагается разделить весь массив информации на три группы:

– показатели экономической сферы (отправление и перевозки грузов, торговля, производство и т.д.);

– показатели социальной сферы (перевозки пассажиров, коэффициенты естественного и миграционного прироста, безработица и занятость);

– показатели финансовой сферы (объем инвестиций в основной капитал) [6, 7, 8].

Однако, несмотря на проводимые исследования, до сих пор остается нерешенным вопрос

идентификации экономического пространства сельских территорий через пространственный потенциал в рамках каждого отдельного субъекта Российской Федерации [9]. Это связано с тем, что каждый отдельный регион имеет свои особенные сочетания различных территорий из кризисных, открытых и подверженных постоянному влиянию позитивных и негативных изменений на других территориях, а также развивающиеся, которые в полном объеме используют имеющийся пространственный потенциал и отличаются интенсивностью межтерриториального взаимодействия.

Исходя из этого, для измерения связанности экономического пространства сельских территорий возможен расчет такого показателя, как уровень концентрации объектов в различных частях сельской местности. Однако получаемые результаты его применения в полной мере не позволяют ответить на вопрос, наблюдаются ли общие закономерности связанности расположенных поблизости друг от друга территорий. Следовательно, требуется дополнительно оценить пространственное развития близкорасположенных сельских территорий через расчет индекса Морана – коэффициент пространственной автокорреляции [10, 11]

В качестве индикаторов для проводимых исследований, позволяющих охарактеризовать пространственное развитие сельских территорий, будут использоваться такие показатели, как «плотность постоянного сельского населения», «плотность экономической деятельности» и «плотность инновационной деятельности». Выявление особенностей расселения жителей, с одной стороны, указывает на размещение в пространстве территории одного из важнейших ресурсов – населения, а, с другой стороны, позволяет сделать некоторые выводы об условиях жизни на различных территориях. Данные об объемах инвестиций и масштабах выполнения работ и услуг позволяют оценить активность функционирования хозяйственных комплексов, являющихся центрами притяжения человеческих ресурсов, эффективное использование которых направлено на удовлетворение интересов и экономических потребностей их носителей [12, 13].

Учитывая, что диспропорции в пространственном развитии отдельных муниципальных образований в границах территории одного субъекта Российской Федерации в большинстве случаев оказывают такое же влияние на развитие территорий, как и на межрегиональным уровне (при этом ситуация в отдельных регионах может складываться по-разному), то объектами исследования нами были выбраны области Центрально-Черноземного макрорегиона, каждая из которых отличается не только территориальным расположением (географическое положение, климатические условия, природно-ресурсный потенциал и т.д.), но и особенными пространственными характеристиками (кластеры, особые экономические зоны, агломерации и т.д.). Интерес к региональному разрезу пространства может быть объяснен тем, что при довольно высокой целостности и компактности территорий они имеют значительные отличия как по имеющемуся пространственному потенциалу, так и по возможным вариациям их пространственной организации [14, 15].

Белгородская область – является одним из самых быстроразвивающихся регионов РФ. Ведущими видами экономической деятельности, обеспечивающими основной объем валового регионального продукта Белгородской области, остаются обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство охота и лесное хозяйство, оптовая и розничная торговля, строительство, транспортировка и хранение, на долю которых приходится 80,0% производимого валового регионального продукта. Его объем в 2020 г. составил в текущих основных ценах 964,1 млрд руб., что в сопоставимых ценах выше уровня 2019 г. на 2,1%, а ВРП на душу населения достигло уровня 622,3 тыс. руб.

Осуществление мероприятий по развитию промышленного производства позволило оценивать индекс промышленного производства в области за 2020 г. на уровне 102,2%, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленным видам деятельности составил 942,6 млрд руб. Вместе с этим значительный вклад в развитие региона вносят агропромышленный комплекс за счет эффективного функционирования крупных агрохолдинговых структур, занимающих ведущие позиции на рынке продовольствия в своих товарных сегментах. Выпуск продукции сельского хозяйства во всех категориях хозяйств за 2020 г. достиг 265,8 млрд руб. и составит 100,7% в сопоставимых ценах к уровню 2019 г. Объем работ, выполненный по виду деятельности «Строительство», составит 146 млрд руб., что на 13,1% выше уровня 2019 г. в сопоставимых ценах. В результате реализации комплекса мер, направленного на повышение инвестиционной привлекательности области, объем инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования в 2020 г. оценивается в объеме 159,3 млрд руб.

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций по области за 2020

г. превысила 36,7 тыс. руб. и увеличилась по сравнению с 2019 г. на 6,1%. В 2019 г. в результате естественного и миграционного движения среднегодовая численность населения области составила 1549,2 тыс. чел.

Воронежская область – аграрно-промышленный регион, где промышленное производство области представлено следующими видами экономической деятельности: добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром; водоснабжение и т.д.

Индекс промышленного производства в 2020 г. по отношению к 2019 г. составил 103,8%. В области также развито сельскохозяйственное производство: возделывают зерновые культуры, сахарную свеклу, подсолнечник, картофель и овощи. В 2020 г. в хозяйствах всех категорий намолочено 6167,2 тыс. тонн зерна в весе после доработки (119,1% от уровня 2019 г.), 1050,1 тыс. тонн подсолнечника (84,1%), накопано 3547,9 тыс. тонн сахарной свеклы (снижение в 2 раза), 717,9 тыс. тонн картофеля (73,4%); собрано 415 тыс. тонн овощей открытого и защищенного грунта (95,5%). Производство молока за 2020 г. увеличилось на 4,5%, мяса (в убойном весе) – на 2,9%, яиц – на 0,4%. Объем работ и услуг, выполненных собственными силами предприятий и организаций по виду деятельности «Строительство», в 2020 г составил 134 млрд руб., или 98,1% к уровню 2019 г., что позволило организациями всех форм собственности ввести в действие 1725,8 тыс. кв. м жилья, или 91,9% к уровню 2019 г. [16].

Ежемесячный среднедушевой денежный доход жителя области составил 31997,2 руб. и по сравнению с 2019 г. практически не изменился, при этом реальные денежные доходы сократились на 4,8%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в 2020 г. составила 36374,4 руб., что на 8,0% выше, чем в 2019 г., средний размер назначенной месячной пенсии достиг 14669,8 руб.

Курская область – регион, обладающий достаточно развитой промышленно-аграрной направленностью при одновременном сохранении экологии. Этому способствует его расположенность в климатической зоне с благоприятными условиями для ведения эффективного растениеводства и животноводства, а также обеспеченность территорий области необходимыми для этого разнообразными природными ресурсами, развитой транспортной инфраструктурой, высоким уровнем энергообеспеченности.

На территории области расположено крупнейшее в мире железорудное месторождение – Курская магнитная аномалия, поэтому основу экономики области составляет промышленность, доля которой в валовом региональном продукте составляет 34,9%. Удельный вес продукции сельского хозяйства 16,3%; оптовой и розничной торговли – 10,0%; транспорта и связи – 5,2%, строительства – более 7,0%.

По итогам 2020 г. валовой региональный продукт оценивается на уровне 98,5% по сравнению с 2019 г., а индекс промышленного производства составил 102,9%, в т. ч. в добыче полезных ископаемых – 98,4%; в обрабатывающих отраслях – 105,3%; в обеспечении электрической энергией, газом и паром – 107,7%. Работы по виду деятельности «Строительство» в 2020 г. выполнены в объеме 76,6 млрд руб. или 92,4% к 2019 г. и сданы в эксплуатацию жилые дома площадью 522,9 тыс. кв. метров или 94,4% к уровню 2019 г.. Введено в эксплуатацию 272,5 км газораспределительных сетей.

Важнейшую роль в экономике Курской области играет аграрный сектор. Основным богатством региона являются черноземы, которые составляют около 80,0% земельных угодий. Основные направления растениеводческой отрасли – производство зерновых, кормовых и масличных культур, сахарной свеклы, картофеля. В области развивается животноводство, что позволяет не только в полном объеме обеспечивать себя мясом птицы и свиней, но и производить отгрузку в другие регионы. Индекс производства продукции сельского хозяйства по итогам 2020 г составил 108,1%, а объем произведенной валовой продукции – 193,3 млрд руб. Произведено 5,8 млн тонн зерна в весе после доработки или 117,5% к уровню 2019 г., 3,9 млн тонн сахарной свеклы (74,1%), 631,9 тыс. тонн скота и птицы на убой в живом весе (119,1%), 334,0 тыс. тонн молока (110,0%).

Инвестиции в основной капитал освоены в сумме 140,1 млрд руб. Индекс физического объема составил 90,5%, что связано со сложившейся высокой базой за 2019 г. – 142,7 млрд руб. Снижение показателей по потребительскому рынку обусловлено введением режима самоизоляции в период пандемии. Индекс физического объема оборота розничной торговли составил 95,6%, оборота общественного питания – 88,0%, объема платных услуг – 89,9%.

Липецкая область – регион, обладающий значительным производственным потенциалом, благоприятным инвестиционным климатом, что позволяет развиваться не только промышленной отрасли, но и агарной и строительной, а также поддерживать высокий уровень развития

социально-инженерной инфраструктуры и обеспечивать на территориях необходимые условия для повышения уровня и качества жизни населения.

Промышленное производство является основой экономического потенциала области, на его долю приходится около 66,0% валового регионального продукта. Промышленный комплекс области носит многоотраслевой характер, включает в себя чёрную металлургию, машиностроение и металлообработку, электроэнергетику, пищевую, химическую, лёгкую, промышленности и промышленность стройматериалов.

Валовой региональный продукт в 2020 г. увеличился на 3,6% по сравнению с 2019 г. и составил 548,8 млрд руб. Основной объем добавленной стоимости Липецкой области сформирован в: обрабатывающих производствах (39,9%), сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (12,1%), оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств (9,5%), строительстве (6,9%).

В 2020 г. объем валовой продукции сельского хозяйства составил 136 млрд руб. с ростом на 11,4% к 2019 г., в т. ч. в растениеводстве – 88 млрд руб. (рост на 17,2%), животноводстве – 48 млрд руб. (на 2%). Объем работ по виду деятельности «Строительство» за 2020 г. составил 54 млрд руб. или 101,8% к уровню 2019 г. За счет всех источников финансирования введено в эксплуатацию 903 тыс. кв. м жилья или 83,0% к уровню 2019 г. В 2020 г. инвестиции в основной капитал использованы в объеме 128,5 млрд руб., что составило 87,0% к уровню 2019 г.

Тамбовская область – это аграрно-промышленный регион, в котором последние несколько лет развитию АПК уделяется повышенное внимание. В структуре валового регионального продукта региона доля АПК составляет более 27,0% и вместе с пищевой промышленностью сельское хозяйство формирует треть ВРП области.

Объем промышленного производства составил 207,7 млрд руб. Индекс промышленного производства по полному кругу производителей – 104,4%. Динамику промышленного производства области в значительной степени определяет деятельность обрабатывающих производств (индекс промышленного производства в этом виде деятельности составил 105,2%). Объем отгруженной продукции – 104,8 млрд руб. Стоимость валовой продукции сельского хозяйства составила 170,8 млрд руб. или 109,4% к уровню 2019 г. (продукция растениеводства – 112,0%, продукция животноводства – 105,8%). Объем выполненных работ по виду деятельности «Строительство» составил 31,7 млрд руб. или 97,9% к уровню 2019 г.: построено и введено в эксплуатацию (за счет всех источников финансирования) 702,7 тыс. кв. м общей площади жилья, что составляет 76,4% к уровню 2019 г. Основной объем ввода жилья осуществлён за счет индивидуального строительства, удельный вес которого составил 77,8% от общего ввода.

2.2. Оценка пространственного потенциала и развития сельских территорий Центрально-Черноземного макрорегиона

Полученные результаты показывают, что все области Центрально-Черноземного макрорегиона отличаются друг от друга по направлениям своего развития, но при этом имеют и много схожих характеристик, таких, как климатические условия, развитость сельского хозяйства (отрасль везде является базовой для экономики), значительная доля сельского населения, постоянный приток инвестиций и т.д.

Исходя из этого нами была проведена оценка пространственного потенциала, влияющего на пространственное развитие сельских территорий Центрально-Черноземного макрорегиона (табл. 1).

Полученные результаты указывают на значительную дифференциацию регионов по отобранным показателям. Так, по плотности сельского населения, которая указывает на наличие человеческого ресурса на территории, лидерами за рассматриваемый период с 2018 по 2020 гг. стали Белгородская и Липецкая области (18,6 и 17,0 чел./км^2 соответственно), тогда как в Курской и Тамбовской областях значение данного показателя не достигает и 12,0 чел./км^2.

Аналогичная ситуация складывается и по показателю плотность экономической деятельности, однако привлечение инвестиций, которые позволяют территориям наращивать свой потенциал для более быстрых темпов развития, происходит более неравномерно. Лидером здесь, как по другим рассмотренным показателям, является Белгородская область, превышая значения плотности инвестиционной деятельности по другим регионам практически в два раза. Самые незначительные изменения (а в 2019 г. даже снижение) зафиксированы в Тамбовской области.

При этом уровень безработицы по всем рассматриваем областям Центрально-Черноземного макрорегиона имеет практически одинаковое значение, однако к 2020 г. наблю-

дается незначительное его увеличение, что может быть связано с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и связанное с этим увеличение числа закрывающихся предприятий и организаций сферы обслуживания [17].

Последним показателем, характеризующим условия пространственной организации сельских территорий, является миграционный приток (отток) сельского населения, который как за период исследования, так и по всем областям имеет значительные расхождения. Такие колебания имеют место из-за складывающихся социально-экономических условий на той или иной сельской территории: наличия рабочих мест, приемлемых условий жизни, необходимой инфраструктуры, экологических условий жизни и т.д. Поэтому можно сделать вывод, что сельская местность Белгородской области является более привлекательной для проживания (положительный уровень миграции за весь период исследования), тогда как Тамбовская наоборот – наблюдается отток населения (однако стоит отметить снижение динамики данного явления).

Таблица 1

Пространственный потенциал сельских территорий областей Центрально-Черноземного макрорегиона

Области	Плотность населения, чел./км^2	Плотность экономической деятельности, тыс. руб. / км^2	Плотность инвестиционной деятельности, тыс. руб. / км^2	Уровень безработицы, %	Уровень миграции, %
2018					
Белгородская	18,7	17618,9	2059,8	4,0	26,6
Воронежская	14,6	10123,1	1250,8	3,7	29,4
Курская	12,0	7624,5	1139,7	4,0	-11,7
Липецкая	17,2	17429,3	1146,0	3,8	-3,6
Тамбовская	11,7	6383,0	1143,9	4,1	-96,8
2019					
Белгородская	18,7	17719,6	2585,9	3,9	59,5
Воронежская	14,5	10567,5	1293,6	3,5	41,7
Курская	11,8	8283,0	1593,9	4,0	38,7
Липецкая	17,1	15612,2	1598,4	3,7	16,1
Тамбовская	11,5	6113,4	837,6	3,9	-17,6
2020					
Белгородская	18,6	18333,3	2679,3	4,9	24,9
Воронежская	14,4	11547,0	1429,1	4,3	2,5
Курская	11,7	9059,3	1777,6	4,9	25,1
Липецкая	17,0	17405,0	1892,6	4,3	-4,0
Тамбовская	11,3	6901,1	1171,9	4,6	-18,9

Далее для оценки пространственного развития сельских территорий была проведена оценка концентрации значимых для сельских территорий параметров развития, а именно, сельского населения, хозяйственной деятельности и инвестиций (табл. 2).

Результаты оценки в отобранных для анализа объектах исследования свидетельствуют о различиях как в системе расселения, так и в распределении инвестиционной и хозяйственной деятельности по территориям. Наибольший уровень концентрации экономической активности в нескольких центрах характерен для Курской области (для данного региона характерно значительная локализация инвестиционной деятельности – практически половина всего объема финансов направляется в Октябрьский район), а человеческих ресурсов – в Тамбовской области (более 20,0% всего сельского населения проживает в Тамбовском районе).

Таблица 2

Уровень концентрации населения, хозяйственной деятельности и инвестиций на сельских территориях Центрально-Черноземного макрорегиона

Показатели	Области				
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Тамбовская
Количество МО*	21	32	28	18	23
Население	В 2 МО* проживает 21,6% сельского населения региона	В 3 МО* проживает 22,0% сельского населения региона	В 3 МО* проживает 24,8% сельского населения региона	В 3 МО* проживает 29,7% сельского населения региона	В 1 МО* проживает 21,6% сельского населения региона
Хозяйственная деятельность	50,6% продукции производится в 2 МО*	40,7% продукции производится в 3 МО*	45,1% продукции производится в 2 МО*	58,1% продукции производится в 3 МО*	40,3% продукции производится в 3 МО*
Инвестиции	В 2 МО* сконцентрировано 49,1% всех инвестиций	В 3 МО* сконцентрировано 46,8% всех инвестиций	В 1 МО* сконцентрировано 47,6% всех инвестиций	В 2 МО* сконцентрировано 40,7% всех инвестиций	В 2 МО* сконцентрировано 24,7% всех инвестиций

**Муниципальное образование.*

При этом также стоит обратить внимание на то, что практически для всех сельских территорий Центрально-Черноземного макрорегиона характерно несоответствие между выбранными показателями. Так, только в Россошанском и Лискинском района Воронежской области, Курском районе Курской области, Липецком районе Липецкой области и Тамбовском районе Тамбовской области зафиксировано соответствие друг другу демографического и экономического потенциала сельских территорий.

Схожие закономерности можно увидеть и при оценке связей по отобранным показателям развития между близко расположенными сельскими территориями, что позволяет выявить еще больше отличительных особенностей для каждого региона (табл. 3).

Таблица 3

Оценка пространственной организации сельских территорий Центрально-Черноземного макрорегиона

Показатели	Области				
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Тамбовская
Количество МО*	21	32	28	18	23
Математическое ожидание индекса Морана	-0,050	-0,032	-0,037	-0,059	-0,045
Индекс Морана					
Плотность населения	-0,045	-0,029	-0,048	-0,048	-0,049
Плотность экономической деятельности	-0,031	-0,035	-0,039	-0,061	-0,041
Плотность инвестиционного пространства	0,039	0,038	-0,041	-0,064	-0,043
Пространственная автокорреляция					
Плотность населения	положит.	положит.	отрицат.	положит.	отрицат.
Плотность экономической деятельности	положит.	отрицат.	отрицат.	отрицат.	положит.
Плотность инвестиционного пространства	положит.	отрицат.	отрицат.	отрицат.	положит.

**Муниципальное образование.*

Положительная автокорреляция означает, что значения наблюдений для соседних территорий близки друг к другу, а формируемое пространство территории по анализируемому показателю развития более однородно. В случае если наблюдается отрицательная автокорреляция, контраст между соседствующими территориями в большинстве случаев выражен весьма ярко, а лидеры зачастую окружены значительно уступающими им в социально-экономическом развитии территориями.

Полученные данные свидетельствуют о несоответствии характера пространственной авто-

корреляции значений рассматриваемых параметров для Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, что проявляется в диспропорции между системой расселения и особенностями размещения субъектов хозяйственной и инвестиционной деятельности. Значения всех анализируемых показателей по муниципальным образованиям Курской области отличаются друг от друга (отрицательная пространственная автокорреляция), что позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне фрагментарности ее пространства и указывает на слабую связанность отдельных территорий друг с другом (в Белгородской области пространство гораздо более целостное – пространственная автокорреляция во всех случаях положительная).

3. Заключение

Таким образом, результаты исследования показывают, что все области Центрально-Черноземного макрорегиона, несмотря на довольно большое количество схожих параметров в развитии сельских территорий, все же имеют достаточно много различий в их пространственном развитии. Так, самое эффективное использование пространственного потенциала наблюдается в Белгородской области, где соответственно зафиксировано самое однородное экономическое пространство по всем выбранным показателям. Полученные реальные результаты от проводимой органами власти политики на всех уровнях в таких регионах может стать тем необходимым инструментов для обеспечения стабильного и устойчивого развития сельских территорий других субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Kiose, V. V. Diversification of the russian economy in the face of economic sanctions // Economy and society. 2017. Vol. 5-1. Iss. 36. P. 11–14.

2. Данилова, И. В., Савельева, И. П., Резепин, А. В. Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов // Экономика региона. 2022. Т. 18. Вып. 1. С. 31–48. DOI:https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-3.

3. Меренкова, И. Н., Перцев, В. Н. Приоритеты социально ориентированного развития сельских территорий и поселений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 4. С. 54–57.

4. Ковалева, И. В. Устойчивое развитие сельских территорий в условиях локализации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 7 (58). С. 122–127. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-7-122-127.

5. Popescu, M., Popescu, C., Per, E., Csosz, I. Rural area and rural development // Definition and Features. 2018. Scientific Works. Series i. 20 (2). P. 88–93.

6. Иншаков, О. В. Экономическое пространство и пространственная экономика / О.В. Иншаков, Д.П. Фролов // ЭНСР. 2005. № 4 (31). С. 58–70.

7. Кириллова, С. А. Региональное развитие и качество экономического пространства / С.А. Кириллова, О.Г. Кантор // Регион: Экономика и Социология. 2010. № 3. С. 57–80.

8. Матвеев, М. М. Теоретические основы концепции социоэкономического пространства / М.М. Матвеев // Вопросы инновационной экономики. 2011. № 5 (5). С. 43–50.

9. Котов, А. В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 3. С. 755–768. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-3.

10. Лаврикова, Ю. Г., Суворова, А. В. Оптимальная пространственная организация экономики региона. Поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. 2020. Т.16. № 4. С.1017–1030. DOI: DOI.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1.

11. Середа, Н. А., Рыбникова, В. Ю., Пилиева, И. И., Цыбакин, С. В. Устойчивое развитие сельских территорий : организационно-пространственный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 249–254. DOI: 10.23672/o0362-0165-9051-m.

12. Меренкова, И. Н., Попов, Д. И., Строганова, И.И. Методические рекомендации по оценке устойчивого развития сельских территорий // Воронеж : ГНУ НИИЭОАПК ЦЧР РФ, 2009.

13. Антипин, И. А., Казакова, Н. В. Концептуальные основы разработки стратегии пространственного развития в муниципальном образовании // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 8. С. 1011–1026.

14. Плисецкий, Е. Л., Плисецкий, Е. Е. Инфраструктурный потенциал территории как фактор устойчивого регионального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 165–186.

15. Меренкова, И. Н., Савенкова, О. Ю. Социально-ориентированное развитие сельских территорий: проблемы и пути решения // Фундаментальные исследования. 2015. № 9-1. С. 156–159.

16. Гаврилова, З. В., Богуцкий, В. С. К вопросу оценки социально-экономического развития сельских территорий Воронежской области // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2021. № 2. С. 74–80.

17. Duguma, L.A., Noordwijk M. van., Minang, P. A., Muthee, K. COVID-19 Pandemic and Agroecosystem Resilience : Early Insights for Building Better Futures // Sustainability. 2021. No.13. P. 1278. DOI: 10.3390/su13031278.

References:
1. Kiose, V. V. Diversification of the russian economy in the face of economic sanctions // Economy and society. 2017. Vol. 5-1. Iss. 36. P. 11–14.
2. Danilova, I. V., Savel'eva, I. P., Rezepin, A. V. Vliyanie mezhterritorial'noj svyazannosti na razvitie ekonomicheskogo prostranstva regionov // Ekonomika regiona. 2022. T. 18. Vyp. 1. S. 31–48. DOI:https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-3.
3. Merenkova, I. N., Percev, V. N. Prioritety social'no orientirovannogo razvitiya sel'skih territorij i poselenij // Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij. 2016. № 4. S. 54–57.
4. Kovaleva, I. V. Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij v usloviyah lokalizacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2021. № 7 (58). S. 122–127. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-7-122-127.
5. Popescu, M., Popescu, C., Per, E., Csosz, I. Rural area and rural development // Definition and Features. 2018. Scientific Works. Series i. 20 (2). P. 88–93.
6. Inshakov, O. V. Ekonomicheskoe prostranstvo i prostranstvennaya ekonomika / O.V. Inshakov, D.P. Frolov // ENSR. 2005. № 4 (31). S. 58–70.
7. Kirillova, S. A. Regional'noe razvitie i kachestvo ekonomicheskogo prostranstva / S.A. Kirillova, O.G. Kantor // Region: Ekonomika i Sociologiya. 2010. № 3. S. 57–80.
8. Matveev, M. M. Teoreticheskie osnovy koncepcii socioekonomicheskogo prostranstva / M.M. Matveev // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2011. № 5 (5). S. 43–50.
9. Kotov, A. V. Prostranstvennyj analiz strukturnyh sdvigov kak instrument issledovaniya dinamiki ekonomicheskogo razvitiya makroregionov Rossii // Ekonomika regiona. 2021. T. 17. № 3. S. 755–768. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-3.
10. Lavrikova, YU. G., Suvorova, A. V. Optimal'naya prostranstvennaya organizaciya ekonomiki regiona. Poisk parametrov i zavisimostej // Ekonomika regiona. 2020. T.16. № 4. S.1017–1030. DOI: DOI.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-1.
11. Sereda, N. A., Rybnikova, V. YU., Pilieva, I. I., Cybakin, S. V. Ustojchivoe razvitie sel'skih territorij : organizacionno-prostranstvennyj aspekt // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2020. № 10. S. 249–254. DOI: 10.23672/o0362-0165-9051-m.
12. Merenkova, I. N., Popov, D. I., Stroganova, I.I. Metodicheskie rekomendacii po ocenke ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij // Voronezh : GNU NIIEOAPK CCHR RF, 2009.
13. Antipin, I. A., Kazakova, N. V. Konceptual'nye osnovy razrabotki strategii prostranstvennogo razvitiya v municipal'nom obrazovanii // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2016. T. 17. № 8. S. 1011–1026.
14. Pliseckij, E. L., Pliseckij, E. E. Infrastrukturnyj potencial territorii kak faktor ustojchivogo regional'nogo razvitiya // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2020. № 3. C. 165–186.
15. Merenkova, I. N., Savenkova, O. YU. Social'no-orientirovannoe razvitie sel'skih territorij: problemy i puti resheniya // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. № 9-1. S. 156–159.
16. Gavrilova, Z. V., Boguckij, V. S. K voprosu ocenki social'no-ekonomicheskogo razvitiya sel'skih territorij Voronezhskoj oblasti // Regional'nye agrosistemy : ekonomika i sociologiya. 2021. № 2. S. 74–80.
17. Duguma, L.A., Noordwijk M. van., Minang, P. A., Muthee, K. COVID-19 Pandemic and Agroecosystem Resilience : Early Insights for Building Better Futures // Sustainability. 2021. No.13. P. 1278. DOI: 10.3390/su13031278.

УДК 331.5

АБДУЛМАНАПОВ ПИРМАГОМЕД ГАБИБУЛЛАЕВИЧ
к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: raha77@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-65-71

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Аннотация. Целью исследования *являлось изучение социально-психологических, экономических, демографических аспектов самосохранительного поведения женщин Республики Дагестан и выявления причин, побуждающих к формированию правильного образа жизни в контексте снижения преждевременной смертности и роста продолжительности жизни. В процессе исследования использовались* ***методы научного познания:*** *анкетного, статистического, экономико-математического моделирования. Информационную базу исследования составили материалы социологического обследования населения, проведенного путем анкетного опроса. Исследование относится к аналитическому типу теоретико-прикладного характера и одномоментного вида. Социологический опрос проводился во второй половине 2020 года в Республике Дагестан, в котором приняли участие 332 женщины репродуктивного возраста.* ***Результаты обследования*** *демонстрируют заниженную самооценку образа жизни у дагестанских женщин, несмотря на почти полное отсутствие вредных привычек в виде курения и употребления алкоголя. Выявлено, что у большинства опрошенных масса тела в пределах нормы, и лишь у 10 % ожирение различной степени. Многодетные женщины более ответственно относятся к собственному здоровью – постоянно и регулярно следят за своим здоровьем. Также наблюдается явная зависимость степени ответственного отношения к здоровью у женщин и от места проживания: сельские жители реже обращаются к врачам, меньше отдыхают и пренебрегают санаторно-курортным лечением.* ***Выводы.*** *Самосохранительное поведение женщин репродуктивного возраста Республики Дагестан в целом можно охарактеризовать как позитивное, направленное на сохранение здоровой продолжительности жизни. Весомый вклад в это дело вносит почти полное отсутствие вредных привычек в виде курения или употребления алкоголя. А также фактором сохранения здоровья выступает привязанность к системе здравоохранения и неигнорирование достижений современной медицины. На продолжительность жизни дагестанских женщин негативное влияние оказывают такие факторы, как неумение отдыхать во время отпуска и слабая приверженность к активным видам укрепления здоровья в виде спорта, закаливания или других физических нагрузок.*

Ключевые слова: *самосохранительное поведение, демографическое поведение, образ жизни, репродуктивное поведение.*

ABDULMANAPOV PIRMAGOMED GABIBULLAEVICH
Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: raha77@mail.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF WOMEN OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abstract. The aim of the study *was to study the socio-psychological, economic, demographic aspects of the self-preservation behavior of women of the Republic of Dagestan and to identify the reasons that encourage the formation of a proper lifestyle in the context of reducing premature mortality and increasing life expectancy. In the course of the research, methods of scientific cognition were used: questionnaire, statistical, economic and mathematical modeling. The information base of the study was made up of the materials of a sociological survey of the population conducted by means of a questionnaire survey.* ***The study*** *belongs to the analytical type of a theoretical and applied nature and of a one-stage type. The sociological survey was conducted in the second half of 2020 in the Republic of Dagestan, in which 332 women of reproductive age took part.* ***The survey results*** *demonstrate an underestimated self-esteem of the lifestyle of Dagestani women, despite the almost complete absence of bad habits in the form of smoking and alcohol consumption. It was revealed that the majority of respondents have a body weight within the normal range, and only 10% have obesity of varying degrees. Women with many children are more responsible about their own health – they constantly and regularly monitor their health. There is also a clear dependence of the degree of responsible attitude to women's health and on the place of residence: rural residents are less likely to go to doctors, have less rest and neglect spa treatment.* ***Conclusions.*** *The self-preserving behavior of women of reproductive age in the Republic of Dagestan as a whole can be characterized as positive, aimed at maintaining a healthy life expectancy. A significant contribution to this is made by the almost complete absence of bad habits in the form of smoking or alcohol consumption. As well as the factor of preserving health is attachment to the health care system and ignoring the achievements of modern medicine. The life expectancy of Dagestani women is negatively affected by factors such as the inability to rest during vacation and a weak commitment to active types of health promotion in the form of sports, hardening or other physical activities.*
Keywords: *self-preservation behavior, demographic behavior, lifestyle, reproductive behavior.*

Введение

Снижение преждевременной смертности и повышение ожидаемой продолжительности жизни остается одной из важнейших задач государственной социально-демографической политики России. В отечественной социально-демографической литературе термин «самосохранительное поведение» впервые был использован в 1982 году и впоследствии употреблялся для обозначения «системы действий и отношений, направленных на сохранение и поддержание здоровья в течение жизни, а также на установку продления срока жизни» [4]. Исследование здоровья населения во многом связано с изучением «образа жизни» как «устойчивого, сложившегося в конкретных общественно-экологических условиях способа жизнедеятельности человека» [9]. Данное понятие включает в себя соблюдение физиологически оптимального режима труда и отдыха, сбалансированное и адекватное питание, достаточный уровень физической активности, соблюдение правил личной гигиены, охрана окружающей среды, полезные для личности формы досуга, соблюдение правил психогигиены [3]. Совершенно очевидно, что нарушение хотя бы одного из них негативно отражается на состоянии здоровья человека и может приглушить усилия по его сохранению и укреплению.

Целью исследования являлось изучение социально-психологических, экономических, демографических аспектов самосохранительного поведения женщин Республики Дагестан и выявления причин, побуждающих к формированию правильного образа жизни в контексте снижения преждевременной смертности и роста продолжительности жизни.

Для анализа демографического поведения было проведено социологическое обследование путем анкетного опроса. Исследование относится к аналитическому типу теоретико-прикладного характера и одномоментного вида. Социологический опрос проводился во второй половине 2020 года в Республике Дагестан, в котором приняли участие 332 женщины репродуктивного возраста. Обработка анкетного материала проводилась с применением программы SPSS.

Результаты

По результатам обследования около 54 % опрошенных считают свой образ жизни «здоровым», 30 % женщин признали, что «ведут не совсем здоровый образ жизни», и 16 % уверены, что до здорового образа жизни им далеко. Результаты обследования демонстрируют

недостаточно положительное отношение женщин к своему образу жизни (рис. 1).

Далее необходимо рассмотреть, в какой мере самооценка образа жизни соответствует реальному поведению респондентов. По данным опроса, не употребляют алкоголь более 97 % женщин Дагестана и не курят около 100 %. Таким образом, в ответах респондентов не прослеживается зависимость между самооценкой образа жизни и отсутствием вредных привычек.

Рис. 1. *Самооценка образа жизни женщинами репродуктивного возраста Республики Дагестан, 2020 год, %.*

Проблемы с нерациональным питанием, низкой двигательной активностью и отсутствием полноценного отдыха относятся к так называемым накопленным факторам риска, способствующим преждевременному формированию хронических заболеваний [2].

Существует несколько методов, позволяющих оценить как избыточный вес, так и его дефицит. Как правило, они все специфичны для мужчин и женщин, причем дифференцированы в зависимости от возраста. Для настоящего исследования использован простейший и популярный индекс – индекс массы тела или индекс Кетле, разработанный бельгийским социологом и статистиком Адольфом Кетле (Adolphe Quetelet) в 1869 году [6].

В соответствии с данными опроса лишь у 55 % женщин репродуктивного возраста Дагестана вес в пределах нормы. Недостаток массы тела встречается у 3 % женского населения. У оставшихся более 40 % женщин наблюдается избыточная масса тела, причем у более 10 % – ожирение различной степени. Таким образом, в ответах респондентов прослеживается отчетливая зависимость между самооценкой образа жизни и характеристиками собственного веса (табл. 1).

Таблица 1

Типология опрошенных по массе тела в 2020 году, %

	Доля в %
Дефицит массы тела	3,0
Нормальная масса тела	55,2
Избыточная масса тела (предожирение)	30,3
Ожирение I степени	10,3
Ожирение II степени	0,6
Ожирение III степени	0,6
Итого	100,0

Важным фактором укрепления здоровья и продления здоровой продолжительности жизни является умение проводить с пользой для здоровья свободное от работы время. В этом аспекте только 65 % занятых в экономике женщин используют оплачиваемый отпуск для отдыха. В отпуске не были уже несколько последних лет 12 % опрошенных, и еще столько же не собираются отдыхать в текущем году. Отдыхать во время отпуска считают пустой тратой времени 11 % женщин (рис. 2).

Рис. 2. *Отношение женщин Дагестана к ежегодному оплачиваемому отпуску, 2020, %.*

Санаторно-курортное лечение во время ежегодного оплачиваемого отпуска проходят лишь 8,5 % женщин республики. На даче или в сельском доме проводят отпуск 2,4 % респондентов. Более 81 % женщин репродуктивного возраста Дагестана проводят отпуск дома (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о том, где они проводят отпуск, в процентах

	Процент
Дома	81,1
На даче	2,4
На курорте	3
В санатории	5,5
Другое	7,9
Итого	100

Следят ли опрошенные за своим здоровьем? Можно предположить, что ответ на этот вопрос будет зависеть от наличия проблем со здоровьем – у кого слабое здоровье, те более ответственно относятся к собственному здоровью. В целом по выборке более 30 % постоянно и регулярно следят за своим здоровьем. Можно утверждать, что эти женщины внимательно подходят к вопросу собственного здоровья. Значительная доля женщин считает, что, к сожалению, не всегда получается следить за своим здоровьем, – 50 % опрошенных. Данная категория лиц, скорее всего, обращается к врачам или иным средствам улучшения здоровья в случае необходимости.

Группа риска – это лица почти или вообще не следящих за собственным здоровьем, которая состоит из 20 % респондентов (рис. 3). Им необходимо пересмотреть свое отношение к здоровью. «Возможно, за повседневной суетой они забывают, что здоровье является ценным ресурсом» [3].

Рис. 3. *Распределение ответов респондентов о частоте слежения за своим здоровьем, %.*

Из категории женщин, которые постоянно и регулярно следят за собственным здоровьем, более 56 % являются многодетными – имеют 2–3 детей (табл. 3). В то же время среди тех, кому не всегда удается контролировать свое здоровье, многодетных немного меньше – 55 %. Но в группе абсолютно безразличных к состоянию своего здоровья женщин с 2-3 детьми значительно меньше – лишь 48,4 %. Из этого можно делать вывод, что женщины с детьми более ответственно относятся к проблеме сохранения своего здоровья.

Женщин, не следящих за своим здоровьем, почти на 10 % больше работающих по найму на постоянной работе, чем остальных категорий опрошенных. Также наблюдается явная зависимость степени ответственного отношения к здоровью у женщин от места рождения и проживания. Если среди постоянно и регулярно следящих за здоровьем женщин около 60 % родились, выросли и проживают в сельской местности, то в группе игнорирующих состояние своего здоровья их более 70 %. Кроме того, из числа последних большая часть представителей проводит ежегодный оплачиваемый отпуск дома без отдыха в туристско-рекреационной инфраструктуре.

Таблица 3

Социально-демографические характеристики женщин в зависимости от степени слежения за собственным здоровьем

	Имеют 2-3 детей	Работают на постоянной основе	Место рождения, проживания – село	Проводят отпуск дома
Из постоянно и регулярно следящих, в %	56,3	62,7	54,9	78,4
Из не всегда следящих, в %	55,1	62,7	59	81,7
Из совсем не следящих, в %	48,4	71	71	83,9

Люди могут по-разному представлять здоровый образ жизни и по-своему воспринимать меры, направленные на улучшение здоровья. Постараемся выяснить, в чем выражается ответственное отношения к своему здоровью у дагестанских женщин, что они подразумевают под понятием «слежение за своим здоровьем». Судя по результатам обследования (табл. 4), наибольшее число опрошенных считает, что ответственное отношение к здоровью должно выражаться в отсутствии вредных привычек – 41 %. Более 35 % респондентов считают, что слежение за своим здоровьем должно выражаться в посещении врача. Действия по сохранению здоровья, связанных с медициной и системой здравоохранения, у современных женщин пользуются особой популярностью. Так, в совокупности связывающих ответственное отношение к здоровью с системой здравоохранения и медициной (посещение врача, обследования, прием лекарств) насчитывается 76,3 %. Но зато регулярным физическим нагрузкам и спорту отдают предпочтение лишь 15 %. Со сбалансированным питанием связывают состояние здоровья чуть больше 10 % женщин.

Таблица 4

Выражение ответственного отношения к своему здоровью, %

	Процент
Посещение врача	35,4
Обследование в больнице	18,9
Прием лекарств	22
Отсутствие вредных привычек	40,9
Регулярные значительные физические нагрузки	9,1
Занятие спортом	4,9
Постоянное закаливание	0
Адекватное и сбалансированное питание	10,4

Традиционная культура народов Кавказа и исламская религия ориентирует человека на бережное отношение к своему здоровью и порицает невнимательное отношение не только к духовному, но и физическому состоянию организма [3]. Так, как показал наш опрос, 98,2 %

опрошенных женщин в той или иной мере соблюдают религиозные обычаи, обряды и традиции, включая посты. Только лишь 1,8 % женщин региона игнорируют религиозные обычаи и народные традиции. Высокая приверженность женщин к религиозным и этнокультурным ценностям обуславливает сохранение здоровья за счет искоренения действий, наносящих ущерб здоровью.

Выводы

Таким образом, самосохранительное поведение женщин репродуктивного возраста Республики Дагестан можно оценивать как позитивное, направленное на сохранение здоровой продолжительности жизни. Весомый вклад в это дело вносит почти полное отсутствие вредных привычек в виде курения или употребления алкоголя. А также фактором сохранения здоровья выступает привязанность к системе здравоохранения и неигнорирование достижений современной медицины. На продолжительности жизни дагестанских женщин негативное влияние оказывают такие факторы, как неумение отдыхать во время отпуска и слабая приверженность к активным видам укрепления здоровья в виде спорта, закаливания или других физических нагрузок.

Литература

1. Абдулманапов П. Г. Особенности репродуктивного поведения населения Республики Дагестан // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – № 9 (131). – С. 78-84.
2. Абдулманапов П. Г. Репродуктивное поведение населения республики Дагестан // Народонаселение. – 2008. – № 4. – С. 121-127.
3. Абдулманапов П. Г., Хаджалова Х. М. Самосохранительное поведение молодёжи демографически благополучного региона // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – 1 (23). – С. 208-215.
4. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). – М.: Издательский дом «NotaBene», 1998. – 360 с.
5. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России / [В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, Л. Л. Рыбаковский; под ред. Л. Л. Рыбаковского]. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 307 с.
6. Демографическое настоящее и будущее России / Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Кожевникова Н. И., Колбанов В. Ф., Мартыненко С. В., Михайлов А. Ю., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л., Страхова Е. В., Федоткина С. А. [Под ред. Колбанова В.Ф. и Рыбаковского Л.Л.]. – М.: Экон-информ, 2012. – 417 с.
7. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. – 214 с.
8. Римашевская Н. М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп. – 2012. – № 509-510. [Электронный ресурс]. [Режим доступа] http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php/ (дата обращения: 07.05.2015), свободный. – Загл. с экрана.
9. Рубцов А. В. Здоровье как социальная ценность // Экономика здравоохранения. – 2005. – № 1.
10. Kostina S., Zaitseva E. Reproduction of human resources in urban and rural areas of Russia: what the number of children depends on // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform, Management and Applied Social Science (ERMASS 2019) – Xiamen, 2019. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: http://dpi-proceedings.com/index.php/ dtssehs/issue/view/386 (дата обращения 12.02.2020), свободный. – Загл. с экрана.
11. Defronzo J. Cross-Sectional Areal Analyses of Factors Affecting Marital Fertility: Actual versus Relative Income // Journal of Marriage and Family. 1976. Vol. 38(4). P. 669–676.

References:

1. Abdulmanapov P. G. Osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya Respubliki Dagestan // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2021. – № 9 (131). – S. 78-84.
2. Abdulmanapov P. G. Reproduktivnoe povedenie naseleniya respubliki Dagestan // Narodonaselenie. – 2008. – № 4. – S. 121-127.
3. Abdulmanapov P. G., Hadzhalova H. M. Camosohranitel'noe povedenie molodyozhi demograficheski blagopoluchnogo regiona // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. – 2016. – 1 (23). – S. 208-215.
4. Antonov A. I. Mikrosociologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i processov). – M.: Izdatel'skij dom «NotaBene», 1998. – 360 s.
5. Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L. Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii / [V. N. Arhangel'skij, A. E. Ivanova, L. L. Rybakovskij; pod red. L. L. Rybakovskogo]. – M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. – 307 s.
6. Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii / Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Kozhevnikova N. I., Kolbanov V. F., Martynenko S. V., Mihajlov A. YU., Rybakovskij L. L., Rybakovskij O. L., Strahova E. V., Fedotkina S. A. [Pod red. Kolbanova V.F. i Rybakovskogo L.L.]. – M.: Ekon-inform, 2012. – 417 s.
7. Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad-2020 / T. K. Rostovskaya, A. A. SHabunova, V. N. Arhangel'skij [i dr.]; Otv. red. T. K. Rostovskaya, A. A. SHabunova; FNISC RAN. – M.: ITD «PERSPEKTIVA», 2021. – 214 s.

8. Rimashevskaya N. M. Modernizaciya Rossii: zdorov'e rossiyan i demograficheskaya situaciya // Demoskop. – 2012. – № 509-510. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa] http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php/ (data obrashcheniya: 07.05.2015), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
9. Rubcov A. V. Zdorov'e kak social'naya cennost' // Ekonomika zdravoohraneniya. – 2005. – № 1.
10. Kostina S., Zaitseva E. Reproduction of human resources in urban and rural areas of Russia: what the number of children depends on // Proceedings of the 2nd International Conference on Education Reform, Management and Applied Social Science (ERMASS 2019) – Xiamen, 2019. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: http://dpi-proceedings.com/index.php/ dtssehs/issue/view/386 (data obrashcheniya 12.02.2020), svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
11. Defronzo J. Cross-Sectional Areal Analyses of Factors Affecting Marital Fertility: Actual versus Relative Income // Journal of Marriage and Family. 1976. Vol. 38(4). P. 669–676.

УДК 331.5

ГАВРИЛОВА ЗОЯ ВАДИМОВНА
к.э.н., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиал ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр им. В.В. Докучаева»,г. Воронеж, Россия,
e-mail: zoya0203@yandex.ru

ЧУМАРИНА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
заведующий кафедрой, Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Липецкой области «Институт развития образования», г. Липецк, Россия
e-mail: ChumarinaEA@admlr.lipetsk.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-72-80

ОЦЕНКА СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются теоретические аспекты сельской занятости и эмпирические изменения в ее уровне. В ходе подготовки статьи был использован монографический, расчетно-конструктивный, абстрактно-логический и статистико-экономический методы исследования (группировки, системного анализа, балльно-рейтинговой оценки).* ***В результате*** *было выявлено, что в настоящее время сельская занятость, с одной стороны, выступает социально-экономической категорией, а с другой – является макроэкономическим индикатором, характеризующим социально-экономическое состояние сельской экономики и сложившийся на селе рынок труда. В статье была проведена оценка сельской занятости в муниципальных районах Липецкой области, которая показала, что примерно треть сельских территорий обладает хорошим запасом ресурсов для эффективного функционирования сельской экономики и привлекает трудовые ресурсы. 16,7 % районов имеют средние показатели сельской занятости, что может повлиять на улучшение или ухудшение социально-экономического положения этих территорий. В большей части районов сельская местность имеет низкий запас трудовых ресурсов для своего развития.*

Ключевые слова: *сельская занятость, муниципальные районы, сельские территории, Липецкая область.*

GAVRILOVA ZOYA VADIMOVNA
Ph.D. in Economics nomics, Leading Researcher, Research Institute of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex of the Central Chernozem Region – branch of the Voronezh Federal Agrarian Research Center named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia,
e-mail: zoya0203@yandex.ru

CHUMARINA ELENA ALEXANDROVNA
Head of the Department, State Autonomous Institution of Additional Professional Education of the Lipetsk Region "Institute of Education Development", Lipetsk, Russia
e-mail: ChumarinaEA@admlr.lipetsk.ru

ASSESSMENT OF RURAL EMPLOYMENT IN MUNICIPAL DISTRICTS OF THE LIPETSK REGION

Abstract. *This article discusses the theoretical aspects of rural employment and empirical changes in its level. During the preparation of the article, the method of monographic, computational-constructive, abstract-logical and statistical-economic research methods (grouping, system analysis,*

point-rating assessment) were used. ***As a result,*** *it was revealed that currently rural employment, on the one hand, acts as a socio-economic category, and on the other hand, it is a macroeconomic indicator characterizing the socio—economic state of the rural economy and the labor market that has developed in rural areas. The article assessed rural employment in municipal districts of the Lipetsk region, which showed that about a third of rural areas have a good supply of resources for the effective functioning of the rural economy and attract labor resources. 16.7% of districts have average rural employment rates, which may affect the improvement or deterioration of the socio-economic situation of these territories. In most areas, rural areas have a low supply of labor resources for their development.*
Keywords: *rural employment, municipal districts, rural territories, Lipetsk region.*

1. Введение.

Сельская экономика стоит перед объективной необходимостью, определенной современными социально-экономическими и политическими условиями, осуществлять цифровизацию, внедрять новые технологии в производственную деятельность, а также наращивать трудовой потенциал сельского населения за счет повышения его занятости и снижения безработицы. Современная обстановка на рынке труда, вызванная непрерывным внедрением результатов научно-технического прогресса во все сферы экономики, определяет новые требования к качеству рабочей силы, корректирует соотношение спроса и предложения на рынке сельских трудовых ресурсов [1].

Поэтому в настоящее время сельская занятость, с одной стороны, выступает социально-экономической категорией, а с другой – является макроэкономическим индикатором, характеризующим социально-экономическое состояние сельской экономики и сложившийся на селе рынок труда. Рассмотрим подробнее сущность данной категории, которая обладает сложным предметом исследования, в том числе разнообразными подходами к ее оценке.

Согласно Федеральному закону «О занятости населения» занятость – это «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход» [2]. Также специфика категории «занятость» выражена в «приобретении новой социально-экономической формы, обусловленной определенным этапом общественного развития» [4]. Некоторые исследователи определяют занятость как «совокупность социально-экономических отношений по поводу привлечения и использования рабочей силы в процессе трудовой деятельности» [17]. Как макроэкономический индикатор занятость отражает уровень количественного и качественного использования трудовых ресурсов [16].

Современные исследователи определяют занятость населения как «сложное социально-экономическое явление, выступающее важнейшей частью общественного воспроизводства, связанное со всеми сторонами жизнедеятельности людей и их образом жизни» [9]. Также часто под занятостью понимают «социально-экономическую категорию, характеризующую вовлечение людей в общественно-полезную деятельность, направленную на создание согласованного результата вне зависимости от возможности получения материального дохода в любой форме» [11].

Исходя из выше сказанного, по нашему мнению, сельская занятость – это система социально-экономических отношений между субъектами сельского рынка труда (собственниками и наемными работниками, занятыми неформальной деятельностью, государственными органами и т. д.) по поводу предоставления рабочих мест, обеспечения благоприятных условий труда, создания условий социальной и правовой защищенности работающих, формирования нормативно-правовых условий для повышения уровня всех видов занятости на селе.

В сельской занятости современные исследователи выделяют стандартные и нестандартные формы занятости. К первой обычно относят занятость в сельском хозяйстве с ее возможной диверсификацией в производственной и непроизводственной сферах. Ко второй – занятость в личных подсобных хозяйствах, вторичную и неполную занятость, неформальную занятость к аграрной сфере и вне ее.

Ученые выяснили, что, используя «занятость» как социально-экономический показатель, можно определить структуру трудовых ресурсов по видам экономической деятельности и по формам собственности, а также охарактеризовать конъюнктуру рынка труда, т. е. представить соотношение спроса и предложения в профессиональном разрезе. В то же время занятость показывает распределение трудовых ресурсов по организационно-правовым формам хозяйству-

ющих субъектов, по режиму трудового дня и отработанному времени. Одновременно изучение занятости позволяет отразить такие не всегда заметные отрицательные процессы, как неформальная занятость и скрытая безработица [13].

К основным особенностям сельской занятости относятся:

– сезонность работ в сельскохозяйственной отрасли предопределяет неравномерный спрос на трудовые ресурсы;

– естественные природные процессы оказывают существенное влияние на приложение труда в аграрной сфере, т. к. они связаны с землей и живыми организмами;

– необходимость привлечения мигрантов делает конкуренцию несправедливой за счет возможности платить им более низкую заработную плату;

– сельская безработица приводит к миграции населения в города, в первую очередь обладающими высокими квалификационными и профессиональными навыками;

– непринятие во внимание актуальных потребностей сельской экономики при подготовке специалистов в ВУЗах приводит к дисбалансу спроса и предложения трудовых ресурсов на селе (закрепляемость выпускников аграрных ВУЗов составляет всего 4 %);

– особенности сельского уклада жизни создают условия для развития фермерства и альтернативной занятости, но низкая предпринимательская активность населения замедляет этот процесс;

– современное состояние сельской экономики, уменьшение числа аграрных предпринимательских структур и объектов социальной инфраструктуры приводит к снижению количества рабочих мест в сельской местности [12].

Еще одной особенностью является сложность оценки сельской занятости.

2. Основная часть.

2.1 Способы оценки сельской занятости.

Наши исследования показали, что имеющаяся в открытом доступе статистическая информация о сельской занятости противоречива и не является полной и достоверной. В российской статистике выделяют несколько групп показателей занятости, однако между собой они количественно не совпадают из-за разных способов расчета.

Для оценки сельской занятости нужно определить источники данных, методы оценивания и перечень показателей. К источникам данных обычно относят материалы наблюдений разных органов и ведомств. Среди методов оценивания в основном применяют четыре способа оценки занятости сельского населения:

– оценка на основе выборочных обследований семей (домохозяйств);

– оценка на основе сплошного или выборочного наблюдения предприятий и организаций;

– оценка на основе расчетов органов статистики;

– оценка на основе данных органов социального страхования [1].

Наиболее часто используют методы, основанные на наблюдениях. В российской статистике применяются три базовых вида оценок: на основе выборочных наблюдений за населением, на информации из бухгалтерской и статистической отчетности предприятий и организаций, на основе расчетов баланса трудовых ресурсов.

Выборочные наблюдения осуществляются Росстатом начиная с 1992 года и являются единственным источником реальной информации, позволяющим в одно и то же время производить измерение экономически занятых, безработных и экономически неактивных лиц в соответствии с методикой Международной организации труда.

При выборочном наблюдении сельского населения с помощью специального опросника его объектом становятся представители населения в возрасте 15-72 лет, у которых определяется вид занятости; при сплошном наблюдении предприятий и организаций не учитываются самозанятые, но измеряется среднесписочная численность занятых через заполнение специальных форм, разработанных Росстатом.

Балансовый метод является комплексным методом исследования структуры и использования сельской рабочей силы и объединяет всю имеющуюся информацию о рынке труда на сельских территориях. Он раскрывает источники формирования трудовых ресурсов, их структуру распределения по отраслям сельской экономики и видам деятельности, в том числе между отдельными регионами страны и районами субъекта РФ. За счет расчета баланса трудовых ресурсов данный метод дает официальную оценку среднегодовой занятости разных групп сельского населения. Баланс сельских трудовых ресурсов состоит из двух частей: ресурсной и

распределительной. Первая характеризует численность сельской рабочей силы и источников ее формирования. Вторая часть распределяет сельские трудовые ресурсы на группы: население, занятое в экономике, неработающие учащиеся в трудоспособном возрасте, незанятое население в трудоспособном возрасте [14].

Обычно выделяют следующие группы показателей, характеризующих сельскую занятость:

– абсолютные показатели численности сельского населения, описывающие его распространенность по сельским территориям;

– относительные показатели структуры экономически активного сельского населения в виде отдельных групп;

– относительные показатели динамики движения сельского населения, выявляющие основные тенденции сельской занятости [15].

Первая выделенная группа показателей содержит в себе показатели численности и уровня занятости сельского населения и делится на две подгруппы. К первой относятся абсолютные показатели (численность занятых в сельской экономике, структура их распределения по отраслям, возрасту, полу, образованию и т. д.), ко второй – показатели безработицы и занятости сельского населения, в том числе трудоспособного возраста, экономически активного и неактивного.

Вторая группа показателей включает показатели, отражающие количественный и структурный состав занятых и безработных на сельских территориях в числе экономически активного сельского населения, определяет их процентный состав по полу, возрасту, семейному положению, образованию, территориальной привязке и т. д.

Третья группа показателей охватывает показатели динамики, оценивающие основные тенденции сельской занятости (абсолютный прирост, абсолютное значение 1 % прироста, темп роста и прироста и т. д.), и показатели движения, описывающие процессы изменений внутри групп, связанные с миграцией. При этом показатели могут быть представлены в абсолютном и относительном виде (коэффициент оборота по приему и выбытию, коэффициент замещения, постоянства и закрепленности рабочей силы) [14].

2.2 Оценка сельской занятости в муниципальных районах Липецкой области.

Для проведения оценки сельской занятости была выбрана Липецкая область, которая является индустриальным регионом, обладающим также достаточно развитым сельским хозяйством. Однако в отношении сельской занятости есть сложность в получении требуемых показателей в разрезе муниципальных районов из данных статистической отчетности, т. к. такая статистика показывает занятость по отраслям, но не отражает численность самозанятых. Причем занятость представлена только по отраслевому принципу, а не по территориальному. Поэтому иногда только данные о численности сельскохозяйственных работников характеризуют занятость сельских жителей.

В целях оценки сельской занятости Липецкого региона нами был проанализирован сборник информационно-статистических материалов «Муниципальные образования Липецкой области», выпущенный в 2021 году администрацией Липецкой области и территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области [13]. Для проведения такой оценки по всем муниципальным районам Липецкой области были выбраны такие показатели, как среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и миграционный прирост / снижение населения на 1000 человек, нами были рассчитаны такие показатели, как доля трудоспособного населения в общей численности населения муниципального района и доля официально зарегистрированного работающего населения в общей численности трудоспособного населения (таблица 1). Отметим, что по умолчанию статистические данные по муниципальным районам приравнивались нами к данным по сельским территориям. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и миграционный прирост / снижение населения на 1000 человек были выбраны нами как показатели привлекательности муниципального района для ведения в нем людьми своей трудовой деятельности. Доля трудоспособного населения в общей численности населения района – это по сути показатель уровня имеющейся в районе рабочей силы, а доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района — это и есть показатель уровня официальной занятости. Однако мы выбрали эти относительные показатели для комплексной оценки занятости в муниципальных районах Липецкой области, а также потому, что именно относительные показатели обладают свойством сравнимости и позволяют сопоставлять изначально несопоставимые данные.

Таблица 1

Исходные данные для оценки сельской занятости в муниципальных районах Липецкой области

Районы Липецкой области	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Миграционный прирост / снижение населения на 1000 человек, чел.	Доля трудоспособного населения в общей численности населения района, %	Доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района, %
Воловский	30271	-1,2	53,3	27,4
Грязинский	41785	1,5	52,6	42,2
Данковский	34531	1,5	51,9	47,6
Добринский	37680	-3,2	54,1	27,5
Добровский	31228	13,5	47,9	33,0
Долгоруковский	32850	1,4	51,9	30,5
Елецкий	36470	1,1	55,1	34,7
Задонский	37836	-4,6	50,7	25,6
Измалковский	31089	-5,6	50,7	32,2
Краснинский	38551	-2,7	49,7	42,5
Лебедянский	39124	-0,7	50,9	36,7
Лев-Толстовский	33939	-6,7	55,6	32,4
Липецкий	38639	22,6	52,0	37,0
Становлянский	35581	1,5	53,6	31,6
Тербунский	33912	1,1	54,8	38,0
Усманский	32488	0,2	54,7	14,4
Хлевенский	32720	-9,6	50,2	34,4
Чаплыгинский	32665	2,2	53,9	16,6

Анализ представленной таблицы показывает, что наибольшая среднемесячная заработная плата зафиксирована в Грязинском районе (41785 руб.), наименьшая – в Воловском районе (30271 руб.). Наиболее привлекательным районом для миграции является Липецкий (миграционный прирост равен 22,6 чел. на 1000 чел. населения), наименее – Хлевенский (миграционная убыль составляет 9,6 чел. на 1000 чел. населения). Наибольшая доля трудоспособного населения в общей численности населения района отмечена в Лев-Толстовском районе (55,6 %), а наименьшая – в Добровском районе (47,9 %). Наибольшая доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района зарегистрирована в Данковском районе (47,6%), а наименьшая – в Усманском районе (14,4%).

Далее была проведена балльно-рейтинговая оценка исходных данных (таблица 2). Каждому показателю по каждому району присваивался балл по принципу, чем лучше показатель, тем выше балл. Затем полученные баллы были суммированы, а каждому району по набранной им сумме баллов был присвоен рейтинговый номер, показывающий его место по уровню сельской занятости среди всех муниципальных районов Липецкой области.

Наибольшую сумму баллов набрал Грязинский район, наименьшую – Измалковский. Рейтинг муниципальных районов Липецкой области по уровню сельской занятости представлен на рисунке 1.

Принципы статистической сводки и группировки позволяют нам разделить все муниципальные районы Липецкой области на четыре группы по уровню сельской занятости, исходя из суммарного балла оценки (таблица 3).

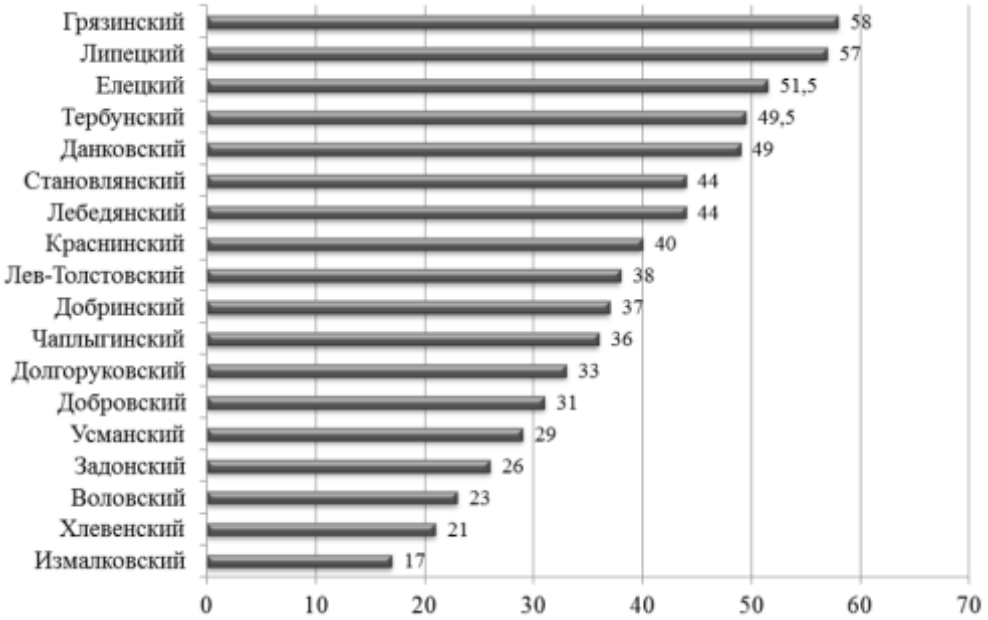

Рис. 1. *Рейтинг муниципальных районов Липецкой области по уровню сельской занятости.*

Таблица 2

Балльно-рейтинговая оценка сельской занятости в муниципальных районах Липецкой области

Районы Липецкой области	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	Балл оценки	Миграционный прирост / снижение населения на 1000 человек, чел.	Балл оценки	Доля трудоспособного населения в общей численности населения района, %	Балл оценки	Доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района, %	Балл оценки	Суммарный балл оценки	Рейтинг районов
Воловский	30271	1	-1,2	7	53,3	11	27,4	4	23	16
Грязинский	41785	18	1,5	14	52,6	10	42,2	16	58	1
Данковский	34531	10	1,5	14	51,9	7	47,6	18	49	5
Добринский	37680	13	-3,2	5	54,1	14	27,5	5	37	10
Добровский	31228	3	13,5	17	47,9	1	33,0	10	31	13
Долгоруковский	32850	7	1,4	12	51,9	8	30,5	6	33	12
Елецкий	36470	12	1,1	10,5	55,1	17	34,7	12	51,5	3
Задонский	37836	14	-4,6	4	50,7	5	25,6	3	26	15
Измалковский	31089	2	-5,6	3	50,7	4	32,2	8	17	18
Краснинский	38551	15	-2,7	6	49,7	2	42,5	17	40	8
Лебедянский	39124	17	-0,7	8	50,9	6	36,7	13	44	6
Лев-Толстовский	33939	9	-6,7	2	55,6	18	32,4	9	38	9
Липецкий	38639	16	22,6	18	52,0	9	37,0	14	57	2
Становлянский	35581	11	1,5	14	53,6	12	31,6	7	44	6
Тербунский	33912	8	1,1	10,5	54,8	16	38,0	15	49,5	4
Усманский	32488	4	0,2	9	54,7	15	14,4	1	29	14
Хлевенский	32720	6	-9,6	1	50,2	3	34,4	11	21	17
Чаплыгинский	32665	5	2,2	16	53,9	13	16,6	2	36	11

Таблица 3

Группировка муниципальных районов Липецкой области по уровню сельской занятости

Интервал суммарных баллов оценки	Количество муниципальных районов	Уровень сельской занятости
17-27	4	Критическая
27-38	6	Низкая
38-48	3	Средняя
48-58	5	Высокая

Анализ таблицы 3 показывает, что в первую группу с самой критической суммарной оценкой вошли Измалковский, Хлевенский, Воловский и Задонский районы, уровень сельской занятости в которых характеризуется средней заработной платой в размере 32979 руб., средней миграционной убылью в размере -5,3 чел. на 1000 чел. населения, средняя доля трудоспособного населения в общей численности населения района составляет 51,2 %, средняя доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района равна 29,9 %.

Во вторую группу с низкой суммарной оценкой вошли Добринский, Добровский, Долгоруковский, Лев-Толстовский, Усманский и Чаплыгинский районы, в которых уровень сельской занятости характеризуется средней заработной платой в размере 33475 руб., средним миграционным приростом в размере 1,2 чел. на 1000 чел. населения, средняя доля трудоспособного населения в общей численности населения района составляет 53,0 %, средняя доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района равна 25,7 %.

В третью группу со средней суммарной оценкой вошли Краснинский, Лебедянский и Становлянский районы, в которых уровень сельской занятости характеризуется средней заработной платой в размере 37752 руб., средней миграционной убылью в размере -0,6 чел. на 1000 чел. населения, средняя доля трудоспособного населения в общей численности населения района составляет 51,4 %, средняя доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района равна 36,9 %.

В четвертую группу с высокой суммарной оценкой вошли Грязинский, Данковский, Елецкий, Липецкий и Тербунский районы, в которых уровень сельской занятости характеризуется средней заработной платой в размере 37067 руб., средним миграционным приростом в размере 5,56 чел. на 1000 чел. населения, средняя доля трудоспособного населения в общей численности населения района составляет 53,3 %, средняя доля официально работающего населения в общей численности трудоспособного населения района равна 39,9 %.

Полученные результаты показывают, что управляющие органы должны уделять особое внимание группам, формируемым из районов с низким и средним уровнем сельской занятости. При недостаточном государственном регулировании социально-экономическая ситуация в этой группе районов может ухудшиться, а районы – стать совсем неподходящими для повышения сельской занятости.

В долгосрочной перспективе органам власти важно выявлять и минимизировать факторы, влияющие на снижение сельской занятости, определять приоритетные направления развития сельских территорий в соответствие с их трудовым потенциалом [5-8].

3. Выводы.

Таким образом, проведенное исследование показало, что сельская занятость, с одной стороны, выступает социально-экономической категорией, а с другой – является макроэкономическим индикатором, характеризующим социально-экономическое состояние сельской экономики и сложившийся на селе рынок труда. По мнению авторов, сельская занятость – это система социально-экономических отношений между субъектами сельского рынка труда по поводу предоставления рабочих мест, обеспечения благоприятных условий труда, создания условий социальной и правовой защищенности работающих, формирования нормативно-правовых условий для повышения уровня всех видов занятости на селе. К основным особенностям сельской занятости относятся: ее сезонность, привязка к биологическим процессам, низкая закрепляемость людей на селе и т. д.

Среди методов оценивания занятости сельского населения применяют оценки на основе выборочных обследований, на основе сплошного или выборочного наблюдения предприятий

и организаций, на основе расчетов органов статистики, на основе данных органов социального страхования.

Проведенная авторами оценка сельской занятости муниципальных районов Липецкой области позволила сделать вывод о том, что примерно треть сельских территорий обладает хорошим запасом ресурсов для эффективного функционирования сельской экономики и привлекает трудовые ресурсы. 16,7% районов имеют средние показатели сельской занятости, что может повлиять на улучшение или ухудшение социально-экономического положения этих территорий. В большей части районов сельская местность имеет низкий запас трудовых ресурсов для своего развития.

Литература

1. Аронова С. А. Статистическая оценка занятости населения: проблемы и тенденции // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 3. – С. 7-13.
2. Графов А. В., Гудович Г. К., Давыдова А. А. Особенности развития социально-экономических систем: проблемы, тенденции, перспективы: коллективная монография. – Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2013. Том Книга 2. Часть 2. – 236 с.
3. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 №1032-1 (с изменениями).
4. Карян Ю. С. Повышение занятости населения субъектов РФ на основе активизации региональных инвестиций. Диссертация ... кан-дидата экономических наук: 08.00.05; Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т- Челябинск, 2014. – 189 с.
5. Меренкова И. Н., Добрунова А. И., Сидоренко А. А., Жарикова О. А. Современные проблемы жизнеобеспечения населения сельских территорий // Инновации в АПК: проблемы и перспективы. – 2020. – № 2 (26). – С. 208-218.
6. Меренкова И. Н., Новикова И. И. Региональный аспект перехода к диверсифицированной модели сельских территорий // Островские чтения. – 2016. – № 1. – С. 522-527.
7. Меренкова И. Н., Перцев В. Г Приоритеты социально ориентированного развития сельских территорий и поселений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 4. – С. 54-57.
8. Муниципальные образования Липецкой области – 2021: Сборник информационно-статистических материалов / Администрация Липецкой области, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. Липецк, 2021. – 282 с.
9. Набиева Д. М. Государственное регулирование рынка труда и занятости сельского населения в условиях рыночной экономики (на материалах Республики Таджикистан). Автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05; Место защиты: Таджик. национал. ун-т. – Душанбе, 2016. – 25 с.
10. Нестеров М. С. Теоретические аспекты управления занятостью сельского населения как фактор формирования инновационной среды АПК // ФЭС: Финансы. Экономика. – 2020. – Т. 17. – № 6. – С. 36-43.
11. Новикова И. В. Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке Российской Федерации. Автореферат дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05; Место защиты: Рос. эк. ун-т им. Г.В. Плеханова. – Москва, 2017. – 41 с.
12. Скворцов Е. А. Особенности занятости в сельском хозяйстве России // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: материалы международной конференции. Екатеринбург, 28 февраля 2014 г. Екатеринбург: УрФУ, 2014. – Т. 4. – С. 188-191.
13. Botero J., Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A. (2004) The Regulation of Labor. Quarterly Journal of Economics (pp. 1339-1382).
14. Klesta M. (2021) Rural Employment in Four States: A Story of Specialization and Change (2010 through 2019). Federal Reserve Bank of Cleveland. DOI: https://doi.org/10.26509/frbc-cd-20210527.
15. Mohmed A., Mohamed O., & Ewies, M. (2021). Social and economic impacts of rural employment in the rural tourism sector (Case study in the village of Tunis in Fayoum governorate. Fayoum Journal of Agricultural Research and Development, 35(1), 138-154. [Электронный ресурс]. [Режим доступа]: https://www.semanticscholar.org/paper/Social-and-economic-impacts-of-rural-employment-in-Mohmed-Mohamed/aba656f2dcceb744f030478c48657bd01d718f1a, свободный. – Загл. с экрана.
16. Moqadas R. S., Esmaeili F. (2021) Prospects of critical impacts of sustainable employment on rural sustainability (Case study: Dibaj Rural District - Dargaz county). Journal of sustainable rural development (pp. 73-82), Volume 5, Issue 1. Serial Number 7. https://dorl.net/dor/20.1001.1.25383876.2021.5.1.6.0
17. Terry D. R., Peck B., Baker Ed. (2021) Self-Efficacy, Grit and Perceptions of Rural Employment. What Changes Occur After Graduation? Online Journal of Rural Nursing and Health Care (pp.44-68), Vol.21, No.2. DOI: https://doi.org/10.14574/ojrnhc.v21i2.680

References:

1.Aronova S. A. Statisticheskaya ocenka zanyatosti naseleniya: problemy i tendencii // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. – 2008. – № 3. – S. 7-13.
2. Grafov A. V., Gudovich G. K., Davydova A. A. Osobennosti razvitiya social'no-ekonomicheskih sistem: problemy, tendencii, perspektivy: kollektivnaya monografiya. – Tambov: Izdatel'stvo Pershina R.V., 2013. Tom Kniga 2. CHast' 2. – 236 s.

3. Zakon RF «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» ot 19.04.1991 №1032-1 (s izmeneniyami).
4. Karyan YU. S. Povyshenie zanyatosti naseleniya sub"ektov RF na osnove aktivizacii regional'nyh investicij. Dissertaciya ... kan-didata ekonomicheskih nauk: 08.00.05; Mesto zashchity: YUzh.-Ur. gos. un-t- CHelyabinsk, 2014. – 189 s.
5. Merenkova I. N., Dobrunova A. I., Sidorenko A. A., ZHarikova O. A. Sovremennye problemy zhizneobespecheniya naseleniya sel'skih territorij // Innovacii v APK: problemy i perspektivy. – 2020. – № 2 (26). – S. 208-218.
6. Merenkova I. N., Novikova I. I. Regional'nyj aspekt perekhoda k diversificirovannoj modeli sel'skih territorij // Ostrovskie chteniya. – 2016. – № 1. – S. 522-527.
7. Merenkova I. N., Percev V. G Prioritety social'no orientirovannogo razvitiya sel'skih territorij i poselenij // Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij. – 2016. – № 4. – S. 54-57.
8. Municipal'nye obrazovaniya Lipeckoj oblasti – 2021: Sbornik informacionno-statisticheskih materialov / Administraciya Lipeckoj oblasti, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Lipeckoj oblasti. Lipeck, 2021. – 282 c.
9. Nabieva D. M. Gosudarstvennoe regulirovanie rynka truda i zanyatosti sel'skogo naseleniya v usloviyah rynochnoj ekonomiki (na materialah Respubliki Tadzhikistan). Avtoreferat dis. ... kandidata ekonomicheskih nauk: 08.00.05; Mesto zashchity: Tadzhik. nacional. un-t. – Dushanbe, 2016. – 25 s.
10. Nesterov M. S. Teoreticheskie aspekty upravleniya zanyatost'yu sel'skogo naseleniya kak faktor formirovaniya innovacionnoj sredy APK // FES: Finansy. Ekonomika. – 2020. – T. 17. – № 6. – S. 36-43.
11. Novikova I. V. Regulirovanie zanyatosti naseleniya na Dal'nem Vostoke Rossijskoj Federacii. Avtoreferat dis. ... doktora ekonomicheskih nauk: 08.00.05; Mesto zashchity: Ros. ek. un-t im. G.V. Plekhanova. – Moskva, 2017. – 41 s.
12. Skvorcov E. A. Osobennosti zanyatosti v sel'skom hozyajstve Rossii // Aktual'nye problemy sociologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya: materialy mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg, 28 fevralya 2014 g. Ekaterinburg: UrFU, 2014. – T. 4. – S. 188-191.
13. Botero J., Djankov S., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Schleifer A. (2004) The Regulation of Labor. Quarterly Journal of Economics (pp. 1339-1382).
14. Klesta M. (2021) Rural Employment in Four States: A Story of Specialization and Change (2010 through 2019). Federal Reserve Bank of Cleveland. DOI: https://doi.org/10.26509/frbc-cd-20210527.
15. Mohmed A., Mohamed O., & Ewies, M. (2021). Social and economic impacts of rural employment in the rural tourism sector (Case study in the village of Tunis in Fayoum governorate. Fayoum Journal of Agricultural Research and Development, 35(1), 138-154. [Elektronnyj resurs]. [Rezhim dostupa]: https://www.semanticscholar.org/paper/Social-and-economic-impacts-of-rural-employment-in-Mohmed-Mohamed/aba656f2dcceb744f030478c48657bd01d718f1a, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
16. Moqadas R. S., Esmaeili F. (2021) Prospects of critical impacts of sustainable employment on rural sustainability (Case study: Dibaj Rural District - Dargaz county). Journal of sustainable rural development (pp. 73-82), Volume 5, Issue 1. Serial Number 7. https://dorl.net/dor/20.1001.1.25383876.2021.5.1.6.0
17. Terry D. R., Peck B., Baker Ed. (2021) Self-Efficacy, Grit and Perceptions of Rural Employment. What Changes Occur After Graduation? Online Journal of Rural Nursing and Health Care (pp.44-68), Vol.21, No.2. DOI: https://doi.org/10.14574/ojrnhc.v21i2.680

УДК 331.5

ГНЕВАШЕВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА
д.э.н., доцент Институт демографический исследований ФНИСЦ РАН
e-mail: vera_cos@rambler.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-81-86

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Аннотация. *На современном мировом рынке труда в условиях постковидных и геополитических преобразований сформировался ряд выраженных новых тенденций воспроизводства трудовых ресурсов, а именно: усиление гендерного разрыва занятости, акцент на трудосберегающие преобразования в хозяйственной деятельности, усиление и трансформация процессов дуальности рынка труда, а также форм трудового неравенства, преобразование и специфическая роль временной занятости, формирование и развитие цифровых платформ занятости, развитие кластерных «провалов» рынка, возрастающая роль циркуляционной и возвратной трудовой миграции.*

Ключевые слова: *рынок труда, цифровые платформы занятости, временная занятость, дуальность рынка, кластерные «провалы» рынка.*

GNEVASHEVA VERA ANATOLYEVNA
Doctor of Economics, Associate Professor Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences
e-mail: vera_cos@rambler.ru

DIGITAL EMPLOYMENT PLATFORMS

Abstract. *In the modern world labor market, in the conditions of post-crisis and geopolitical transformations, a number of pronounced new trends in the reproduction of labor resources have been formed, namely: the strengthening of the gender employment gap, the emphasis on labor-saving transformations in economic activity, the strengthening and transformation of the processes of duality of the labor market, as well as forms of labor inequality, the transformation and specific role of temporary employment, the formation and development of digital employment platforms, the development of cluster "failures" of the market, the increasing role of circular and return labor migration.*

Keywords: *labor market, digital employment platforms, temporary employment, duality of the market, cluster "failures" of the market.*

Современные социально-экономические тенденции развития мирового рынка труда отличаются существенной волатильностью, что, несомненно, оказывает производный характер на трансформацию региональных и национальных рынков труда, формируя в том числе и новые тенденции в части процесса воспроизводства трудовых ресурсов.

Вопросы трансформации рынка труда в изменившихся социально-экономических условиях в период распространения новых социально-экономических вызовов, возрастающего действия отрицательных экстерналий последних лет рассматриваются в работах Аганбегяна А.Г., Порфильева Б.Н. [1], Бондаренко Н.А. [2] , Бузгалина А.В., Колганова А.И. [3], Вишневской Н.Т., Зудиной А.А. [4], Китрар Л.Л., Липкинд Т.М. [5], Рязанцева С.В. [7], Четверикова В.М. [8].

До начала пандемии временная занятость как доля от общей занятости увеличивалась, хотя и неравномерно по секторам и странам. Временная занятость в значительной степени носила структурный характер и определялась отраслевой структурой и профессиональным составом рынка труда; однако во время кризисов и как их следствие она склонна служить катализатором негативных социально-экономических тенденций, работодатели сокращают расходы и прекращают найм временных работников.

В долгосрочной перспективе временная занятость может негативно сказаться на производственной цепочке организаций. Вместе с тем в краткосрочном периоде временная занятость

позволяет сохранять рабочие места и не прерывать цепочки профессиональной подготовки рабочей силы, хотя условия временной занятости как правило хуже, зачастую характеризуются трудовой незащищенностью, нестабильностью дохода, ограниченным доступом к инструментам социальной защиты.

Показатели временной занятости выше в странах с низким и средним уровнем дохода (чуть более одной трети от общей занятости), чем в странах с высоким уровнем дохода (15%). Однако экономическая составляющая временной занятости варьируется между развитыми и развивающими странами.

Несмотря на то, что временная занятость как правило популярна на этапе начала трудовой деятельности, так как позволяет выбрать сферу занятости, поучаствовать в занятости на разных рабочих местах, она представляет собой гибкую форму трудоустройства и мотивирует к выбору постоянное место занятости более осознанно, все же временная занятость не предлагает для работника соответствующих гарантий занятости, регулярного дохода, не всегда соответствует квалификационным требованиям, зачастую ограничена в отношении доступа к мерам социальной защиты.

Для рабочих в развивающихся странах, напротив, временная занятость зачастую представлена как раз формами неформальной занятости и характеризуется максимальной отдаленностью от норм системы социальной защиты и трудовых гарантий работников.

Несмотря на то, что именно временные работники как правило потеряли работу в начале пандемии, все же отмечается существенный прирост именно рабочих мест временной занятости как краткосрочное направление выхода из кризиса на современном этапе развития рынка труда.

Чистый экономический эффект подобных тенденций обусловлен относительным сохранением занятости именно на временных рабочих местах в сравнении с прочими формами занятости и как следствие частичной стабилизацией рынка труда в целом: сохранение занятости и снижение безработицы, сглаживание структурных диспропорций между формальным и неформальным секторами.

Начало пандемии как правило характеризовалось формированием дуальности рынка труда, а неформальная занятость перестала играть свою традиционную контрциклическую роль, поглощая исключительно уволенных работников из формального сектора.

Технологические инновации постепенно трансформируют все сферы жизнедеятельности. Способность к быстрому обмену большими объемами данных и информации заложила основы для роста цифровой экономики и цифровых платформ занятости.

Организации как развитых, так и развивающихся стран включились в подобные преобразования, поскольку данная тенденция ведет к существенному удешевлению товаров и услуг, к упрощению логистики. Цифровые трудовые платформы теперь являются частью нашей повседневной жизни. Данная технологическая трансформация все активнее распространяется на сферу труда. Платформы цифровой занятости труда предлагают и новые рынки, и больше возможностей для получения дохода для работников, и привлечение все большего количества людей в состав экономически активных, включая тех, кто ранее находился вне рынка труда.

Широко распространено мнение, что именно пандемия COVID-19 ускорила подобные цифровые инновации, которые до этого уже развивались и в обществе, и в сфере занятости, к ним относятся и облачные вычисления и использование больших данных и алгоритмов.

Результатом стали инновационные методы работы и гибкость как для работников, так и для предприятий.

Условия удаленной работы, принятые многими компаниями за последний год, привели к стремительному росту электронной коммерции, электронных услуг и удаленным формам занятости в сети Интернет.

Для многих, кто потерял работу, как в развивающихся, так и в развитых странах, цифровые платформы занятости стали возможностью продолжить работу, получать трудовой доход.

Многие предприятия и вовсе перешли на цифровые платформы занятости, чтобы иметь возможность продолжать свою деятельность. Для многих это было возможностью выхода на новые рынки, возможностью существенного сокращения затрат.

Однако подобное технологическое развитие как сферы занятости, так и хозяйственной деятельности приводит к возможности производственной организации без необходимости инвестировать в основные средства производства или физический найм сотрудников.

Работники цифровых платформ занятости столкнулись с проблемой найти хорошо оплачиваемую работу, получить достойный уровень трудового дохода, что усилило угрозы бедности и особенно проблему работающих бедных. Занятые в рамках цифровых платформ занятости как

правило не имеют доступа к системе социальной защиты, они не участвуют в общественных процессах трудового коллектива, не ощущают социальной включенности в трудовое сообщество, что не позволяет им решать проблемы в коллективе, действовать командно, во многом обедняя результаты их труда.

Цифровая экономика приводит к изменению мира сферы занятости, трудовых сообществ, результатов труда.

Цифровые платформы занятости являются отличительной и неотъемлемой частью цифровой экономики.

Цифровые платформы занятости можно классифицировать по двум категориям: мобильные и со стационарным рабочим местом.

На мобильных цифровых платформах занятости рабочие задания выполняются онлайн и/или удаленно работниками.

Эти задачи могут включать выполнение переводческих, юридических, финансовых и регистрационных услуг, услуг дизайна и программного обеспечения, фрилансера, решение сложного программирования или проблем с анализом данных, а также выполнение краткосрочных задач, таких как аннотирование изображения, модерация контента или расшифровка видео на микрозадачных платформах.

На стационарных цифровых рабочих местах задачи выполняются лично в определенных физических местах присутствия работников, и включают такие сферы занятости, как: такси, доставку и услуги на дому (в том числе ремонт и коммунальное обслуживание), работа по дому и обеспечение ухода.

Развитие цифровых платформ занятости – это дополнительные возможности обеспечения работников, в том числе женщин, людей с ограниченными возможностями, молодежи, определенных квалификационных категорий мигрантов.

Возможности, предоставляемые цифровыми платформами занятости сопряжены и с рядом трудностей регулирования и контроля, но вместе с тем позволяют ориентироваться и на новые направления развития занятости.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 13.05.2022 г. № 867 о единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», а также в соответствии с пунктом 3 статьи 162 закона РФ «О занятости населения в РФ», Правительством РФ была определена необходимость формирования и ведения единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений. При этом единая цифровая платформа является федеральной государственной информационной системой, а ее ведение и модернизация осуществляются Федеральной службой по труду и занятости.

Эмпирические исследования данной проблематики пока представлено очень ограничено и как правило базируются на выборочных обследованиях населения, либо на вторичном анализе статистических данных. Однако данные официальной статистики далеко не всегда фиксируют неформальную занятость, что существенного искажает финальные оценки рынка труда и усло-

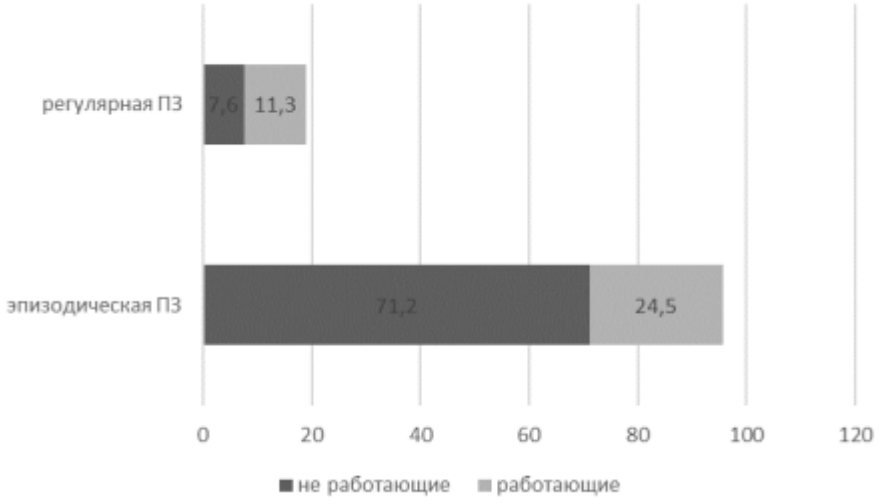

Рис. 1. *Доля лиц, включенных в платформенную занятость (ПЗ) в разном формате в разрезе статуса занятости, %*

Источник: *по данным онлайн-опроса городского населения, ИСП НИУ ВШЭ, 2021 г. [9]*

вий его функционирования особенно в контексте социально-экономической нестабильности и усиления процессов провалов рынка труда.

По оценкам Института социальной политики на момент апреля 2022 года 14,7% россиян в возрасте 18-72 года имели опыт платформенной занятости, из них практически каждый десятый пользовался платформой для поиска временной работы и около двух процентов (1,6%) имели опыт платформенной занятости как основной. Обобщение выборочных данных в сопоставлении с общей численностью занятых в российской платформенной экономике составляет 15,5 млн человек, а тех, кто был трудоустроен в рамках платформы на основное место работы – 1,7 млн человек [9] (рис. 1).

Из тех, кто активно пользуется новой возможностью трудоустройства, большая часть – студенты и те, кто временно оказался без работы в связи с социально-экономической нестабильностью рынка последних лет.

Платформенная занятость, по оценкам участников платформы, способствует расширению возможностей населения для самозанятости, для многих – это возможность поиска нового или дополнительного источника своего дохода.

Несомненно, платформенная занятость играет важную роль в части расширения опыта населения, предоставляет новые возможности занятости, расширяет сферу деятельности граждан и в то же время позволяет сменить род деятельности, получить дополнительный доход.

Ценностная мотивация участников платформы – свобода поиска своей профессиональной сферы и собственной реализации.

При этом легкость взаимодействия с платформой и ее доступность существенно облегчает соискателю вход на рынок труда и расширяет возможности поиска работы.

Важным является возможность насыщения дистантными формами занятости региональные рынке, что существенно снижает трансакционные издержки как самих соискателей, так и работодателей, обеспечивает максимальное взаимодействие спроса и предложения на рынке труда, минимизирует проблемы структурной безработицы, структурной инфляции, связанной с рассогласованностью заработной платы и возможностями занятости, дуальности рынка и роста неформального сектора.

Цифровые платформы занятости обеспечивают легкий доступ на рынок труда большего количества желающих быть занятыми, а также привлекают широкий круг работодателей. При этом гибкая занятость и возможности самостоятельно определять уровень своей занятости, а также возможность временных работ с быстрым заработком будут способствовать расширению желающих стать участниками цифровых платформ занятости.

Формируемые платформы занятости будут способствовать стабилизации региональных рынков труда, большей сбалансированности спроса и предложения, снижению трансакционных издержек занятости, в том числе и связанных с необходимостью переезда при очных формах занятости, позволят привлечь большее количество желающих трудиться, но занятых семьей, детьми иной общественной деятельностью.

В периоды экономических шоков платформенная экономика может выполнять демпфирующую роль: в случае временной потери работы, вынужденных отпусков или простоев работники могут выходить на платформы в поисках подработок и дополнительной занятости – по своему профилю или за его рамками.

Платформы становятся простым инструментом реализации частной предпринимательской инициативы. Это может сглаживать колебания в доходах и частично предотвращать рост зарегистрированной безработицы, оказывать стабилизирующее влияние на экономику и в долгосрочной перспективе – способствовать более устойчивому ее росту.

Современные условия развития отношений на рынке труда направлены на разработку программ сохранения и создания новых рабочих мест на перспективу, с учетом демографических особенностей рабочей силы на предстоящий период, а также на развитие и активное внедрение цифровых трудовых платформ, что будет способствовать развитию региональных рынков труда в части корректировки программ миграционной политики и мер по обеспечению сбалансированности спроса и предложения рабочей силы.

На современном этапе трансформации рыночных отношений, в том числе в рамках трудовых отношений необходимы таргетивные механизмы воздействия на отдельные сегменты рынка труда с целью усиления сбалансированности рабочей силы, в том числе минимизации форм дестабилизации, вызванные структурной инфляцией;

применение превентивной политики выявления степени замещения труда национальных работников внешней иммиграцией с дополнительным определением качества рабочей силы, посредством инструментов оценки уровня квалификации работников, разработки критериев

соответствия рабочему месту, формирования программ мотивации внутренних трудовых ресурсов к росту качества рабочей силы, повышения уровня профессиональной подготовки, эффективности перераспределения рабочей силы на внутреннем рынке труда России;

особенный акцент необходимо сделать на трудовых ресурсах в возрастной группе 15-25 лет с целью их как профессиональной ориентации, так и образовательной мотивации;

крайне важно поддерживать инициативы социального диалога для развития и обеспечения мероприятий восстановления человека в системе трудовых отношений, его возвращения в сферу труда, его обеспечение квалифицированным, безопасным и достойным трудом;

формирование программ целевого регулирования и поддержки отдельных отраслей экономики, так как в силу снижения экономической активности и как следствие оптимизации затрат организаций фиксируется сокращение занятости, преимущественно в отраслях, производящих товары и услуги с высокоэластичным потребительским спросом, а также в отраслях международного присутствия иностранных партнеров, где наметились процессы оттока трудовой миграции, увеличения скрытой безработицы (отпуска по инициативе администрации, временное сохранение занятости без осуществления производственной деятельности), снижение уровня трудового дохода.

Все представленные меры в комплексе со стандартными инструментами регулирования трудовых отношений как правило применимы в процессе социально-экономических колебаний, угроз системных и долговременных внешних шоков, и будут способствовать максимальной сбалансированности рынка труда при последовательной планомерной политике и при согласованности всех хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широв А.А. Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6. С. 18-26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26

2. Бондаренко Н.Е. Российский рынок труда в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции: тенденции, вызовы и государственное регулирование // Инновации и инвестиции. 2020. №7. С. 63-70. ISSN: 2307-180X.

3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 145-157. DOI:10.31857/S013216250009711-5.

4. Вишневская Н.Т., Зудина А.А., Массовое высвобождение работников: политика стран ОЭСР // МЭМО. 2020. №7. С. 17-25. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25.

5. Китрар Л.Л., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В. Коронакризисные тенденции в европейской экономике: новые вызовы, риски, ожидания // Вопросы статистики. 2020. №5. С. 95-113. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113.

6. Мировая занятость и социальные перспективы - тенденции до 2021 года / МОТ. 2020. [Электронный ресурс]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf. Дата обращения: 13.08.2021.

7. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положения трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии Covid-19 и реакция правительств // Научное обозрение. 2020. №3. С.7-21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.

8. Четвериков В.М. Особенности и интенсивность распространения COVID-19 в Странах большой экономики // Вопросы статистики. 2020. №6. С. 86-104. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-86-104.

9. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия [Электронный ресурс]: аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022.

References:

1. Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfir'ev B.N., Uzyakov M.N., SHirov A.A. Postpandemicheskoe vosstanovlenie rossijskoj ekonomiki i perekhod k ustojchivomu social'no-ekonomicheskomu razvitiyu // Problemy prognozirovaniya. 2020. № 6. S. 18-26. DOI: 10.47711/0868-6351-183-18-26

2. Bondarenko N.E. Rossijskij rynok truda v usloviyah pandemii novoj koronavirusnoj infekcii: tendencii, vyzovy i gosudarstvennoe regulirovanie // Innovacii i investicii. 2020. №7. C. 63-70. ISSN: 2307-180X.

3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Rynok i sobstvennost': social'no-ekonomicheskie uroki pandemii // Sociologicheskie issledovaniya. 2020. № 8. C. 145-157. DOI:10.31857/S013216250009711-5.

4. Vishnevskaya N.T., Zudina A.A., Massovoe vysvobozhdenie rabotnikov: politika stran OESR // MEMO. 2020. №7. C. 17-25. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-17-25.

5. Kitrar L.L., Lipkind T.M., Ostapkovich G.V. Koronakrizisnye tendencii v evropejskoj ekonomike: novye vyzovy, riski, ozhidaniya // Voprosy statistiki. 2020. №5. S. 95-113. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-

27-5-95-113.
6. Mirovaya zanyatost' i social'nye perspektivy - tendencii do 2021 goda / MOT. 2020. [Elektronnyj resurs]. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_767671.pdf. Data obrashcheniya: 13.08.2021.
7. Ryazancev S.V., Bragin A.D., Ryazancev N.S. Polozheniya trudovyh migrantov v regionah mira: vyzovy pandemii Covid-19 i reakciya pravitel'stv // Nauchnoe obozrenie. 2020. №3. S.7-21. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.
8. CHetverikov V.M. Osobennosti i intensivnost' rasprostraneniya COVID-19 v Stranah bol'shoj ekonomiki // Voprosy statistiki. 2020. №6. S. 86-104. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-86-104.
9. Platformennaya zanyatost' v Rossii: masshtaby, motivy i bar'ery uchastiya [Elektronnyj resurs]: analiticheskij doklad / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, E. S. Gorvat, D. E. Kareva, D. A. Stuzhuk, K. O. CHertenkov; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: NIU VSHE, 2022.

УДК: 339

ТАХИРОВ РАФИЛ АТРАФИЛОВИЧ
Уполномоченный по особо важным делам отдела административных расследований Санкт-Петербургской таможни, старший лейтенант таможенной службы,
e-mail: tolosh_92@mail.ru

ЛИЧМАН ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
ассистент кафедры таможенного дела Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
e-mail: elena.lichman@mail.ru

DOI:10.26726/1812-7096-2022-9-87-93

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ПОСЛЕ ВЫПУСКА ТОВАРОВ

Аннотация. *В текущей статье подробно изучены задачи, которые необходимо решить службам таможенного контроля после выпуска товаров, на примере Санкт-Петербургской таможни, анализируются основные показатели службы. В процессе выполнения работы были проанализированы варианты повышения показателя эффективности таможенного контроля непосредственно после выпуска товаров в обстоятельствах цифровизации. Установлены направления улучшения ТКПВТ. Проведенное исследование таможенной процедуры после выпуска товаров позволило сделать выводы о том, что в настоящее время имеются проблемы с обменом информацией с ФТС России и другими государственными органами контроля, а также между таможенными органами стран ЕАЭС. Следующей проблемой стала несогласованность сроков привлечения к административной ответственности. В результате авторами были предложены ряд мер по решению проблемных вопросов для увеличения показателя эффективности проведения таможенного контроля после выпуска товаров.*

Ключевые слова: *таможенный контроль, таможенная проверка, таможенный контроль после выпуска товаров, Федеральная таможенная служба, внешнеэкономическая деятельность.*

TAHIROV RAFIL GABTRAFIKOVICH
Commissioner for Particularly Important Cases of the Administrative Investigations Department of the St. Petersburg Customs, Senior Lieutenant of the Customs Service,
e-mail: tolosh_92@mail.ru

LICHMAN ELENA ALEKSANDROVNA
Assistant of the Department of Customs Affairs of St. Petersburg State University of Economics,
e-mail: elena.lichman@mail.ru

IMPROVING THE EFFICIENCY OF CUSTOMS CONTROL AFTER THE RELEASE OF GOODS

Abstract. *In the current article, the tasks that the customs control services need to solve after the release of goods are studied in detail, using the example of the St. Petersburg customs, the main indicators of the service are analyzed. In the course of the work, the options for improving the efficiency of customs control immediately after the release of goods in the circumstances of digitalization were analyzed. The directions of improvement of TKPVT are established. The conduct-*

ed study of the customs procedure after the release of goods allowed us to conclude that there are currently problems with the exchange of information with the Federal Customs Service of Russia and other state control bodies, as well as between the customs authorities of the EAEU countries. The next problem was the inconsistency of the terms of bringing to administrative responsibility. As a result, the authors proposed a number of measures to solve problematic issues to increase the efficiency of customs control after the release of goods.

Keywords: *customs control, customs inspection, customs control after the release of goods, Federal Customs Service, foreign economic activity.*

1.Введение

Особый интерес Федеральной таможенной службы России к таможенному контролю в настоящее время объясняется усилением эффективности и изменением качества работы ФТС, внесением изменений в законодательство РФ в области таможенного дела для приведения его в соответствие нормам международных договоров.

Основное направление деятельности ФТС РФ сегодня заключается в переходе к ТКПВТ (таможенному контролю на этапе выпуска товаров). В данной ситуации организация условий, препятствующих применению лицами, подвергающимися контролю, способов уклонения от уплаты платежей, взимаемых таможенными органами, вызывает особый интерес со стороны ФТС РФ.

Таможенный контроль после выпуска (далее – ТКПВТ) – совокупность мероприятий, реализуемых непосредственно после выпуска товаров с целью проверки таких важных данных, как: факт выпуска товаров; точность информации, что представлена в декларации и при документации, которые были представлены соответственно во время таможенного оформления [1].

В научном плане роль ТКПВТ в таможенном регулировании получила достаточно широкое освещение. Однако, несмотря на множество публикаций о степени значения подобного таможенного контроля, остается немало нерешенных вопросов теоретического и прикладного характера.

2.Основная часть

Несмотря на то что ТКПВТ традиционно рассматривается в качестве инструмента, обеспечивающего экономическую безопасность, вопросы совершенствования ТКПВТ учеными практически не выдвигаются.

Например, является важным понимание того, как осуществляется таможенный контроль в данном контексте, как применяются его формы, как осуществляется работа структурных подразделений таможенного органа друг с другом и, наконец, выступает ли ТКПВТ как основной инструмент таможенных органов, участвующий в обеспечении экономической безопасности государства и эффективного развития внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). [2]

Отметим, что данный аспект имеет точки зрения исследователей, заключающиеся в большинстве случаев лишь в результативности ТКПВТ.

Далее рассмотрим организационную структуру ТКПВТ (рис. 1).

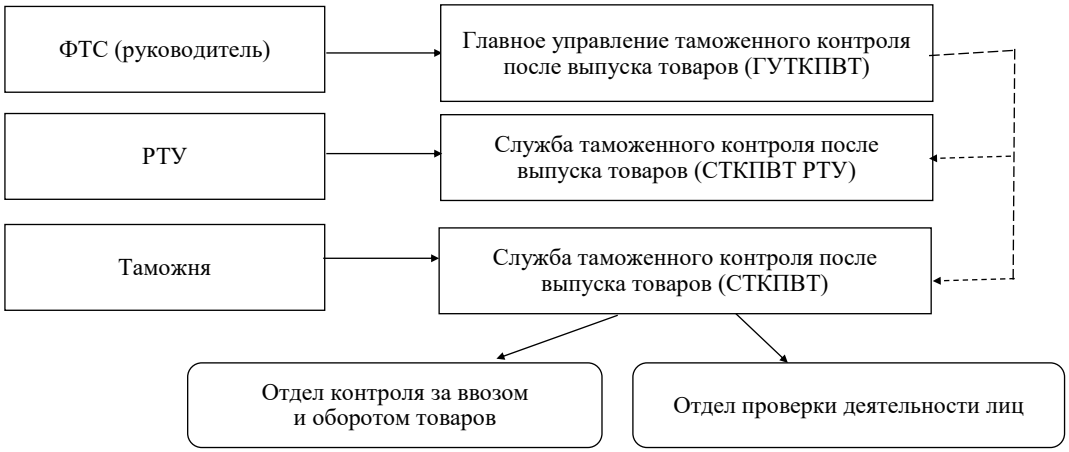

Рис.1. *Структура ТКПВТ*

СТКПВТ подчиняется непосредственно начальнику таможни, который производит контроль реализации возложенных задач и функций.

Главные задачи СТКПВТ Санкт-Петербургской таможни иллюстрирует рис. 2.

Рис. 2. *Задачи СТКПВТ Санкт-Петербургской таможни*

Далее рассмотрим практику применения ТКПВ Санкт-Петербургской таможней.

В 2021 г. должностными лицами таможенного контроля после выпуска СПБ таможни выполнено ровно 27 осмотров территорий, помещений. По результатам поверок были обнаружены товары, которые запрещены к ввозу и реализации на территории РФ. В этот перечень вошли сыры, масла, мясо из стран ЕС, общий объем данной продукции составил 1,8 т. Также сотрудниками были изъяты 63 тысячи пачки сигарет и 449 кг кальянного табака без маркировки.

Таможенными служащими, а также служащими Роспотребнадзора, МВД РФ Россельхознадзора вся нелегальная продукция, в частности, немаркированная и санкционная, была изъята из оборота [3].

На рис. 3 отражены показатели деятельности СТКПВТ Санкт-Петербургской таможни по количеству возбужденных административных и уголовных дел.

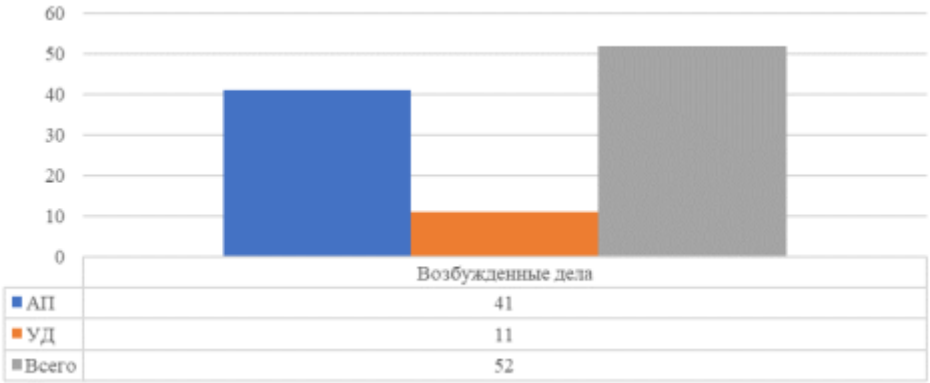

Рис. 3. *Количество возбужденных дел СТКПВТ Санкт-Петербургской таможни за 2021 г.*

Далее рассмотрим более детально как осуществляется проведение таможенной проверки (рис. 4).

Рис. 4. *Схема проведения таможенной проверки (укрупненно)*

1 Аналитическая работа: на данном этапе СТКПВТ анализируются все сведения (анализ таможенного декларирования с использованием сведений о ранее выявленных рисках для определения аналогичных рисковых ситуаций, анализ массива деклараций, анализ результатов проведенных таможенных экспертиз, судебной практики, анализ деятельности участников ВЭД и др.), имеющиеся в наличии у органов таможни в отношении лиц, принимающих участие в ВЭД. Эту информацию они могут получить на базе своего исследования лиц, принимающих участие в ВЭД, с использованием СУР. Также источником сведений могут стать структурные отделы ФТС РФ и прочие органы правопорядка и контроля. Информация формируется на основе данных, которые переданы лицами, принимающими участие во внешней экономической деятельности, а также другими людьми. Одновременно с собственной аналитической работой в целях совершенствования системного подхода организации рассматриваемого направления контроля после выпуска товаров СТКПВТ осуществляется взаимодействие с другими функциональными и правоохранительными подразделениями таможни. Но эта работа не осуществляется при поручении вышестоящего органа таможни о выполнении проверки.

2. Выявление участников ВЭД: при выездных плановых таможенных проверках в обязательном порядке формируется планирование проверок, подписываемое начальником Санкт-Петербургской таможни либо лицом, которое выступает в качестве его заместителя. Также в рамках проведения подобных мероприятий осуществляется запрос участнику ВЭД о том, чтобы была предоставлена вся необходимая документация.

3. Подготовка: должностные лица СТКПВТ формируют список вопросов, которые требуется проверять, если возникнет соответствующая востребованность. Формируется программа проверок, которую должно утвердить начальство данного органа или его заместитель. Во время проверок на выезде необходимо предварительно отправить соответствующее уведомление.

4. Проведение проверочных мероприятий: СТКПВТ может взаимодействовать с другими структурными подразделениями таможни (Отдел таможенных платежей, Отдел документационного обеспечения и др.), с правоохранительными и другими контролирующими органами, а также с непосредственно проверяемым лицом.

5. Окончание проверки: формируется акт касательно проведения данной процедуры, делаются выводы и принимаются подходящие решения. Они могут касаться изменения таможенной стоимости, смены кода товара и прочих факторов. В то же время эта информация об итогах проверки добавляется в КПС и применяется в дальнейшем во время формирования профилей рисков.

На рис. 5 отражено количество таможенных проверок, проведенных СТКПВТ Санкт-Петербургской таможней в 2021 г.

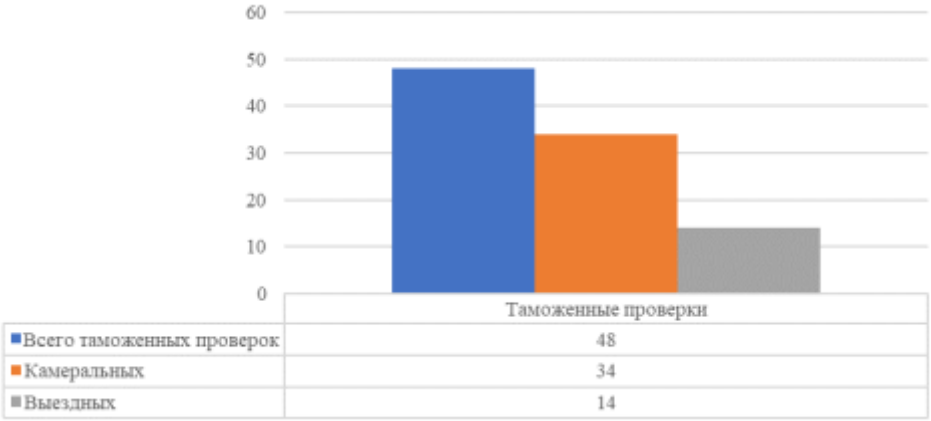

Рис. 5. *Количество таможенных проверок, проведенных СТКПВТ Санкт-Петербургской таможни за 2021 г.*

По результатам данных проверок в доход федерального бюджета доначислено 460 млн рублей [4].

Также в настоящее время в отделах ТКПВТ применяются следующие программные инструменты, которые иллюстрирует рис. 6.

Рис. 6. *Основные программы, применяемые в рамках проведения контроля товара после выпуска*

КПС «Постконтроль» выступает в качестве одного из инструментов, который часто применяется работниками и необходим в целях предоставления работникам соответствующей аналитической информации, нужной для исполнения соответствующих решений по итогам работы, а также организации информационного обмена непосредственно между СТКПВТ с органами правопорядка.

Программные средства, которыми пользуются подразделения, необходимо модернизировать, чтобы повысить эффективность подразделений. В настоящее время КПС не предполагает возможности проведения независимого анализа при отборе товаров для таможенного контроля. Совершенствование КПС улучшит процесс автоматизации отбора товаров для прохождения процедуры проверки, компенсирует недостатки в работе ведомств и, таким образом, увеличит поступления в федеральный бюджет [5]. Отмечается большое количество бумажных работ, что не отвечает имеющейся на сегодняшний день концепции таможни, предполагающей электронно-цифровой формат при осуществлении Таможенной стратегии 2030 [6].

Сейчас большая часть обмена данными в ходе организации и выполнения контроля осу-

ществляется заказным письмом в бумажном формате с помощью почты, что занимает от десяти суток до 30 дней.

Формирование документа осуществляется на ПК и после этого распечатывается или осуществляется запись от руки. Далее документ отправляется получателю через почту.

3.Выводы

Изучение процедуры таможенного контроля выпуска товаров показало, что существует ряд затруднений, с которыми сталкиваются сотрудники таможенных органов:

1. Низкий уровень информационного обмена с ФТС РФ и прочими госорганами контроля. Документооборот в режиме онлайн затруднен необходимостью отправки запросов ФТС России в другие службы государственного управления [7]. Эта процедура требует времени и ведет к увеличению длительности проверок таможенными органами. Взаимное объединение баз данных таможенных органов способно повысить эффективность работы таможни [8]. Объединение ФТС России и других государственных служб возможно благодаря введению информационных технологий. Необходимо обеспечить оперативный доступ службам таможни и подразделений СТКПВТ к основной информации, необходимой для ускорения процедур проверки. Решением этой задачи может стать создание единой информационной базы, которая в автоматизированном режиме будет объединять данные ФТС России и других служб государственного управления, а также внедрение новых информационных механизмов.

2. Вручную должностными лицами таможенных органов после осуществленного выпуска товаров главная работа аналитического характера производится непосредственно при проведении контроля, так как система управления рисками характеризуется слабым уровнем автоматизации процессов.

Существующая документация ТКПВТ требует разработки инструкций, согласно которым будут проводиться проверки от таможни непосредственно после осуществленного выпуска. Основой рекомендации должны стать методы аудита. Необходимо усовершенствовать порядок отбора объектов контроля на базе СУР. В настоящее время сотрудники таможни руководствуются приобретенным опытом аналитической деятельности. На основе проведенной работы формируются аналитические и информационные справки. Следует усовершенствовать методологию таможенного контроля, дополнить инструкции касательно действий сотрудников таможни при анализе системы управления рисками.

3.Существует потребность в детальной проработке вопроса принятия решения странами-участниками Евразийского экономического союза, которое будет регулировать взаимодействие таможенных органов непосредственно при осуществлении ТКПВТ каким-либо участником. Основная проблема, которую требуется решить для эффективной деятельности таможенных служб ЕАЭС с целью осуществления таможенных проверок, – это низкий уровень обмена данными и информации. Соответствующий запрос в таможенные службы государств-участников ЕАЭС существенно увеличивает возможность выполнения поставленных задач перед сотрудниками таможни. Работа с документами и данными в режиме онлайн становится невозможной. Из-за этого увеличиваются затраты времени и ресурсов на таможенный контроль.

4. Также существует проблема несогласованности сроков привлечения к административной ответственности и проведения ТКПВТ. До того, пока не пройдет срок, равный трем годам со дня совершения АП, может осуществляться таможенный контроль (в соответствии с пунктом 7 статьи 310 ТК ЕАЭС), а постановление по делу об административном правонарушении (АП) по окончанию двух лет с момента совершения АП (ст. 4.5 КоАП РФ) не выносится [9–10]. Таким образом, только в течение двух из трёх, предусмотренных для выполнения таможенной проверки, орган таможни может привлекать участника ВЭД к ответственности.

В контексте реализации мер контроля при движении товаров на внутреннем рынке полагаем необходимым выступить за юридическое закрепление общего подхода и сотрудничества между таможенными службами Евразийского экономического союза. Такое решение обеспечит единый подход к осуществлению проверок. Данное утверждение основано на том, что в сегодняшних реалиях отсутствует законодательное регулирование и затруднен сбор доказательств, которые бы свидетельствовали о незаконном движении товаров через таможенную границу ЕАЭС. Кроме того, невозможно данные товары идентифицировать для подтверждения статуса даже при наличии у государств-членов ЕАЭС соответствующих таможенных документов, а также нельзя получить достоверную, документально зафиксированную информацию для вынесения решений в области таможенного дела по итогам проведенных проверок.

Для достижения намеченных задач был проведен ряд мер, включая улучшение законода-

тельной и нормативной базы, переработка методов и принципов организации контроля после проведенного выпуска товаров, создание дополнительных механизмов и разработка соответствующих моделей выбора объектов таможенного контроля, применение современных технологий и развитие взаимодействия как непосредственно внутри ведомства, так и между различными ведомствами.

Литература

1. Приказ ФТС России от 07.12.2007 № 1516 «Об утверждении Концепции развития таможенного контроля после выпуска товаров и (или) транспортных средств» //Таможенные ведомости. 2008. № 2.
2. Клейменова, А. Н. Таможенный контроль после выпуска товаров : учебник / А. Н. Клейменова. – 2-е изд.. – М. : Издательство Юрайт, 2020. (Высшее образование).
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. – URL : https://мвд.рф, свободный. – Загл. с экрана.
4. Официальный сайт Федеральной таможенной службы [Электронный ресурс]. – URL : http://customs.ru, свободный. – Загл. с экрана.
5. Официальный портал Все о таможне [Электронный ресурс]. – URL : tks.ru. – Загл. с экрана.
6. Абуев, Н. М. Анализ развития управления таможенными услугами в зарубежных странах / Н. М. Абуев // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 3(137). С. 75–82. DOI 10.26726/1812-7096-2022-3-75-82. – EDN ZNOCXU.
7. Личман, Е. А. Отдельные аспекты цифровизации таможенных услуг / Е. А. Личман // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование : сб. научных трудов по итогам IV национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–17 ноября 2021 г. – СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 130–136.
8. Жеребен, Е. В. Разработка концептуальных положений взаимодействия таможенных и налоговых органов при таможенном контроле после выпуска товаров // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–71.
9. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (в действующей редакции).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в действующей редакции).

References:
1. Prikaz FTS Rossii ot 07.12.2007 № 1516 «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitiya tamozhennogo kontrolya posle vypuska tovarov i (ili) transportnyh sredstv» //Tamozhennye vedomosti. 2008. № 2.
2. Klejmenova, A. N. Tamozhennyj kontrol' posle vypuska tovarov : uchebnik / A. N. Klejmenova. – 2-e izd.. – M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2020. (Vysshee obrazovanie).
3. Oficial'nyj sajt Ministerstva vnutrennih del RF [Elektronnyj resurs]. – URL : https://mvd.rf, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
4. Oficial'nyj sajt Federal'noj tamozhennoj sluzhby [Elektronnyj resurs]. – URL : http://customs.ru, svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
5. Oficial'nyj portal Vse o tamozhne [Elektronnyj resurs]. – URL : tks.ru. – Zagl. s ekrana.
6. Abuev, N. M. Analiz razvitiya upravleniya tamozhennymi uslugami v zarubezhnyh stranah / N. M. Abuev // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. 2022. № 3(137). S. 75–82. DOI 10.26726/1812-7096-2022-3-75-82. – EDN ZNOCXU.
7. Lichman, E. A. Otdel'nye aspekty cifrovizacii tamozhennyh uslug / E. A. Lichman // Teoriya i praktika upravleniya gosudarstvennymi funkciyami i uslugami. Tarifnoe regulirovanie : sb. nauchnyh trudov po itogam IV nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 10–17 noyabrya 2021 g. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2021. S. 130–136.
8. ZHereben, E. V. Razrabotka konceptual'nyh polozhenij vzaimodejstviya tamozhennyh i nalogovyh organov pri tamozhennom kontrole posle vypuska tovarov // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2020. T. 2. № 1. S. 60–71.
9. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza (v dejstvuyushchej redakcii).
10. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah (v dejstvuyushchej redakcii).

Сведения об авторах

Абдулманапов Пирмагомед Габибуллаевич — *к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, e-mail: raha77@mail.ru*

Арсланов Шамиль Джавадович — *к.э.н., доцент, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», Махачкала, Россия, e-mail: ars_dgu@mail.ru*

Гаврилова Зоя Вадимовна — *к.э.н., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт экономики и организации агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного района – филиал ФГБНУ «Воронежский федеральный аграрный научный центр им. В.В. Докучаева», г. Воронеж, Россия, e-mail: zoya0203@yandex.ru*

Гичиев Набиюла Сапиюлаевич — *к.э.н., ведущий научный сотрудник, заведующий отделом теории и методологии регионального развития, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ г. Махачкала, Россия, e-mail: nabi-05@mail.ru*

Грудкина Татьяна Ивановна — *к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента в АПК, ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина», г. Орел, Россия e-mail: t_grudkina@mail.ru*

Гневашева Вера Анатольевна — *д.э.н., доцент Институт демографический исследований ФНИСЦ РАН e-mail: vera_cos@rambler.ru.*

Деневизюк Дмитрий Александрович — *к.э.н., старший научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ г. Махачкала, Россия, e-mail: d_dmitry@inbox.ru*

Дохолян Сергей Владимирович — *д.э.н., профессор, главный научный сотрудник ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», e-mail: sergsvd@mail.ru*

Коптев Кирилл Сергеевич — *аспирант НИИЭОАПК ЦЧР - филиал ФГБНУ «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева», г. Воронеж, Россия, e-mail: kirill.koptev@mail.ru*

Личман Елена Александровна — *ассистент кафедры таможенного дела Санкт-Петербургского государственного экономического университета, e-mail: elena.lichman@mail.ru*

Меджидов Заур Уруджалиевич — *к.э.н., научный сотрудник отдела социально-экономической политики региона, ФГБУН «Институт социально-экономических исследований ДФИЦ РАН», e-mail:zaur-medzhidov@mail.ru*

Новикова Ирина Игоревна — *к.э.н., ведущий научный сотрудник отдела «Управление АПК и сельскими территориями» НИИЭОАПК ЦЧР - филиал ФГБНУ «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева» , г. Воронеж, Россия, e-mail: irinchic@mail.ru*

Сухочева Надежда Александровна — *к.э.н., доцент кафедры экономики и менеджмента в АПК ФГБОУ ВО «Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина», г. Орел, Россия, E-mail: suhoceva@bk.ru*

Тахиров Рафил Атрафилович — *Уполномоченный по особо важным делам отдела административных расследований Санкт -Петербургской таможни, старший лейтенант таможенной службы, e-mail: tolosh_92@mail.ru*

Чумарина Елена Александровна — *заведующий кафедрой, Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Липецкой области «Институт развития образования», г. Липецк, Россия e-mail: ChumarinaEA@admlr.lipetsk.ru*

Information about author

Abdulmanapov Pirmagomed Gabibullaevich	*Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: raha77@mail.ru*
Arslanov Shamil Djavadovich	*Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Socio-Economic Policy of the region, Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, e-mail: ars_dgu@mail.ru*
Gavrilova Zoya Vadimovna	*Ph.D. in Economics nomics, Leading Researcher, Research Institute of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex of the Central Chernozem Region – branch of the Voronezh Federal Agrarian Research Center named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia, e-mail: zoya0203@yandex.ru*
Gichiev Nabiyula Sapiyulaevich	*Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Head of the Department of Theory and Methodology of Regional Development, FGBUN "Institute of Socio-Economic Research of the DFC of Makhachkala, Russia, e-mail: nabi-05@mail.ru*
Grudkina Tatiana Ivanovna	*Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Agro-industrial Complex, Orel State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russia, e-mail: t_grudkina@mail.ru*
Gnevasheva Vera Anatolievna	*Doctor of Economics, Associate Professor Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences e-mail: vera_cos@rambler.ru.*
Denevizyuk Dmitry Alexandrovich	*Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Institute of Socio-Economic Research of the DFC Makhachkala, Russia, e-mail: d_dmitry@inbox.ru*
Dokholyan Sergey Vladimirovich	*Dr.Sc of Economics, Professor, Chief Researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia, Republic of Dagestan, Makhachkala, e-mail: sergsvd@mail.ru*
Koptev Kirill Sergeevich	*postgraduate student of the NIIEOAPK TCHR - branch of the Voronezh FANC named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia, e-mail: kirill.koptev@mail.ru*
Lichman Elena Aleksandrovna	*Assistant of the Department of Customs Affairs of St. Petersburg State University of Economics, e-mail: elena.lichman@mail.ru*
Medzhidov Zaur Urudzhalievich	*Ph.D. in Economics, Researcher of the Department of Socio-Economic Policy of the region, FSBI "Institute of Socio-Economic Research of the Russian Academy of Sciences", e-mail: zaur-medzhidov@mail.ru*
Novikova Irina Igorevna	*Ph.D. in Economics, Leading Researcher of the Department "Management of Agriculture and Rural Areas" of the Central Research Institute of Agricultural Research and Development - Branch of the Voronezh FANC named after V.V. Dokuchaev, Voronezh, Russia, e-mail: irinchic@mail.ru*
Sukhocheva Nadezhda Aleksandrovna	*Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Agroindustrial Complex of the Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, Orel, Russia, E-mail: suhoceva@bk.ru*
Tahirov Rafil Gabtrafikovich	*Commissioner for Particularly Important Cases of the Administrative Investigations Department of the St. Petersburg Customs, Senior Lieutenant of the Customs Service, e-mail: tolosh_92@mail.ru*
Chumarina Elena Alexandrovna	*Head of the Department, State Autonomous Institution of Additional Professional Education of the Lipetsk Region "Institute of Education Development", Lipetsk, Russia e-mail: ChumarinaEA@admlr.lipetsk.ru*

Научное издание

Ежемесячный научный журнал

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный редактор: *Дохолян С.В.*
Компьютерный дизайн-верстка: *Джамилов А.М.*
Корректура: *Брезман А., Мирохватова М.*

Подписано в печать 11.11.2022 г. Сдано в печать 14.11.2022 г.
Формат 60*84 /8. Гарнитура «Times». Бумага офсетная
Тираж 1000. Усл. п.л. 12. Заказ № 555.

© НП «Редакция журнала «Региональные проблемы преобразования экономики»
Тел.: 8-8722-62-45-16, 8-928-800-222-0
e-mail: rppe@mail.ru

Отпечатано на типографской базе
ООО «Апробация»
367008, РД, г. Махачкала, ул. Дзержинского, 17б
Тел.: 8 (989)-669 –15 –15